

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2021

Казань - 2021

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №4 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021. – 170.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>В.В. Агеносов, С.С. Царегородцева</i> МИФ О БЕЛОВОДЬЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА	9
<i>Э.Г. Айрапетова, И.П. Бакалдин</i> ПОЭМА А.А. МОСИЕНКО «ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ»: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОМПОЗИЦИИ	12
<i>А.Р. Алдырханова-Каримова</i> МАГИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР, СВЯЗАННЫЙ С ПОЧИТАНИЕМ ПРИРОДЫ, ЖИВОТНЫХ	15
<i>И.Р. Гилязова, О.Г. Жукова</i> О РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	18
<i>Т.Г. Дубинина</i> «ОНЕГИНСКИЕ» ПРЕТЕКСТЫ В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «СВИДАНИЕ»	21
<i>А.Р. Заболотская, А.А. Кирпичникова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	24
<i>О.А. Карманова</i> ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ Е.Р. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ	28
<i>Ц. Ли</i> ОБРАЗ БОЯНА В ПЕРЕВОДАХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	31
<i>Цзя Юннин, Г.Х. Алеева</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА	39
<i>А.С. Чугунов</i> СКАЗОЧНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА Ш. ИДИАТУЛЛИНА «УБЫР»	44
<i>С.Н. Ширяева</i> ПСЕВДОДОКУМЕНТАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ С. ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «КУРТКА ФЕРНАНА ЛЕЖЕ»)	47

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Г.Л. Арсентьева</i> РАДИОПРОГРАММА «БОН ВОЯЖ» В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ РАДИОЖУРНАЛИСТИКИ	50
<i>Д.С. Ищенко</i> ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ» В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ ЕГО ТЕКСТОВ	53
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Р. Юнусова, В.Д. Чистонов, В.А. Перминова, А.В. Зайнуллин, Г.Р. Мустафина, Ф.Б. Рахматова, Н.А. Шамсиев</i> ВКЛАД ЖУРНАЛИСТА, ПИСАТЕЛЯ С.А. ПАНАСЕНКО В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	57
<i>Ш.М. Султанбегова, Г.А. Магомедов</i> РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	60

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Г.К. Исмагилова, Ван Цзини</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ МЕМА	64
<i>П.Е. Топорков</i> ПРЕДИКАТИВ В ЖАРГОНАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	67

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Е.А. Боброва, Ю.Б. Косова</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 'ПУТЕШЕСТВИЕ' В ПОЭМЕ ДЖ. ЧОСЕРА "КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ"	70
--	----

В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк РОЛЬ ФРАЗЕЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЫ ДИСКУРСА	74
В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, М.Б. Санина РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В АРГУМЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ	77
Е.П. Дмитрова, А.В. Жиганова, Т.П. Смирнова «ЛУННАЯ СОНАТА» Л.ВАН БЕТХОВЕНА: СТИЛЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ	80
О.В. Звада ИЗУЧЕНИЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	83
А.Р. Кураמיшина НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНОФИЛЬМА ААРОНА СОРКИНА «MOLLY'S GAME»)	86
А.А. Никонов МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ПРЯМОМ ФУТБОЛЬНОМ РЕПОРТАЖЕ	89
С.А. Радионова ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ОНКОБОЛЬНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА ДЖОНА ГРИНА «ВИНОВАТЫ ЗВЕЗДЫ»	92
С.Н. Саможенов, Ю.Н. Зинцова, А.А. Кузьмичева, И.В. Матвеева СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	95
М.С. Харченко, Т.В. Горбунова ГЛАГОЛЫ КАУЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ БОЛИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	100
Г.З. Шараева АНАЛИЗ КОНВЕРСИВОВ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ	104

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Ч.З. Абдуллина СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ, ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН	107
Д.В. Бобков, Г.Ф. Мратхузина, Э.А. Хабибуллина ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ИНДИИ: ПАРАДИГМЫ И ДИСКУРСЫ	110
К.Ю. Васильюк ТРАУРНАЯ РЕЧЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ РИТУАЛЬНОГО СОБЫТИЯ	113
К.Д. Войцех ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ	117
А.В. Гуркова ВРЕМЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	120
Н.В. Зененко, Л.П. Сон ИНТЕРАКЦИЯ С ИНТЕРАКТИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ: АКТИВАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА	123
Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова К ПРОБЛЕМЕ УНИФИКАЦИИ И СТАНДАРТИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ ЛОГИСТИКИ	127
Е.Ф. Киров ДИСКУРС И ТЕКСТ	130
О.Л. Крамаренко, О.Ю. Богданова, Ю.В. Мошкина, Н.О. Орлова ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИКРОСТРУКТУРЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	133
О.Г. Остапенко К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XVI - XVII ВЕКОВ	136
А.А. Писаренков, С.Е. Писаренкова СИНДРОМ «ПОСТТРАМПА» В АМЕРИКАНСКОМ ЛИБЕРАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СИМВОЛЫ, МЕТАФОРЫ И АЛЛЮЗИИ	139
Е.Н. Поснова, В.Р. Габдуллина, О.В. Назина РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В РАЗВИТИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	142

<i>Е.Е. Сафронова, А.А. Бекетова</i> ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	145
<i>Л.А. Тюкина</i> ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АНЕКДОТЫ В ЭПОХУ COVID-19	148
<i>Е.О. Чурюканова</i> ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ САДОВНИЧЕСТВА НА РУССКУЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ	152
<i>А.Р. Шамсутдинова</i> МАРКЕРЫ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ, ВЫРАЖЕННЫЕ НЕГЛАГОЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	155
АННОТАЦИИ	158

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>V.V. Agenosov, S.S. Tsaregorodtseva</i> MYTH ABOUT BELOVODIYE IN PUBLICITY AND FICTION PROSE OF G.D.GREBENSHCHIKOV	9
<i>E.G. Ayrapetova, I.P. Bakaldin</i> A.A. MOSIENKO'S POEM "EARTHQUAKE": AMBIVALENCE OF COMPOSITION	12
<i>A.R. Aldirhanova-Karimova</i> MAGIC FOLKLORE ASSOCIATED WITH THE WORSHIP OF NATURE, ANIMALS	15
<i>I.R. Gilyazova, O.G. Zhukova</i> VARIOUS ASPECTS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	18
<i>T.G. Dubinina</i> "ONEGINSKY" PRETEXT'S IN THE STORY OF I.S. TURGENEV "DATE"	21
<i>A.R. Zabolotskaya, A.A. Kirpichnikova</i> REALIA IN THE STORIES OF A.P. CHEKHOV AND THEIR TRANSLATION INTO THE ENGLISH LANGUAGE	24
<i>O.A. Karmanova</i> GENRE FEATURES OF THE BIOGRAPHICAL PROSE OF E.R. ROZHDESTVENSKAYA	28
<i>Z. Li</i> THE IMAGE OF BOYAN IN THE CHINESE TRANSLATIONS OF THE STORY OF IGOR'S CAMPAIGN	31
<i>Jia Yongning, G.Kh. Aleeva</i> THE ARTISTIC ORIGINALITY OF ARSENIY NESMELOV'S POETRY	39
<i>A.S. Chugunov</i> FABULOUS STRUCTURE OF THE NOVEL BY SH. IDIATULLIN "UBYR"	44
<i>S.N. Shiryaeva</i> PSEUDODOCUMENTALISM IN THE WORKS OF S. DOVLATOV (CASE STUDY: THE CHAPTER «FERNAND LEGER'S JACKET»)	47

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>G.L. Arsenteva</i> RADIO PROGRAM "BON VOYAGE" IN THE CONTEXT OF USE OF EXPRESSIVE MEANS OF RADIO JOURNALISM	50
<i>D.S. Ishchenko</i> REFLECTION OF THE CONCEPT OF THE MAGAZINE «CONTINENT» IN THE LINGUISTIC AND STYLISTIC COMPONENTS OF HIS TEXTS	53
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.R. Yunusova, B.D. Chistonov, V.A. Perminova, A.V. Zainullin, G.R. Mustafina, F.B. Rakhmatova, N.A. Shamsiev</i> CONTRIBUTION OF JOURNALIST, WRITER S.A. PANASENKO IN THE DEVELOPMENT OF JOURNALISM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN	57
<i>Sh.M. Sultanbegova, G.A. Magomedov</i> THE ROLE OF REGIONAL MASS MEDIA IN THE DEVELOPMENT OF CIVIC AND IDENTITY	60

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>G.K. Ismagilova, Wang Jining</i> THE LINGUISTIC POTENTIAL OF THE INTERNET MEME	64
<i>P.E. Toporkov</i> PREDICATIVE IN RUSSIAN SLANGS	67

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>E.A. Bobrova, Yu.B. Kosova</i> LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT 'TRAVEL' IN THE POEM OF J. CHAUCER 'THE CANTERBURY TALES'	70
--	----

<i>V.E. Glyzina, N.E. Gorskaya, A.V. Fedoryuk</i> THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS IN THE FORMATION OF THE ILLOCUTIONARY FORCE OF DISCOURSE	74
<i>V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, M.B. Sanina</i> THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS IN REASONED DISCOURSE	77
<i>E.P. Dmitrova, A.V. Zhiganova, T.P. Smirnova</i> “MOONLIGHT SONATA” BY L. VAN BEETHOVEN: STYLISTIC INTERPRETATION IN NON-ACADEMIC MUSIC	80
<i>O.V. Zvada</i> THE STUDY OF NEWSPAPER HEADLINES AS ONE OF THE WAYS TO IMPROVE FOREIGN LANGUAGE LEXICAL COMPETENCE	83
<i>A.R. Kuramshina</i> NONVERBAL MEANS OF CREATING THE IMAGE OF A SUCCESSFUL PERSON (BASED ON THE FILM «MOLLY'S GAME»)	86
<i>A.A. Nikonov</i> META-DISCOURSE MARKERS IN A LIVE FOOTBALL REPORTAGE	89
<i>S.A. Radionova</i> LANGUAGE MEANS OF CANCER PATIENTS' EMOTIONAL STATE REPRESENTATION IN THE NOVEL “THE FAULT IN OUR STARS” BY JOHN GREEN	92
<i>S.N. Samozhenov, J.N. Zintsova, A.A. Kuzmicheva, I.V. Matveeva</i> STYLISTIC AND LINGUOPRAGMATIC FEATURES OF ADVERTISING TEXTS IN MODERN GERMAN	95
<i>M.S. Kharchenko, T.V. Gorbunova</i> VERBS OF PHYSICAL PAIN CAUSATION IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE	100
<i>G.Z. Sharaeva</i> ANALYSIS OF CONVERSES AT THE PHRASEOLOGICAL LEVEL IN THE ENGLISH AND RUSSIAN MODERN PRESS	104

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>Ch.Z. Abdullina</i> MODERN LANGUAGE SITUATION, LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN	107
<i>D.V. Bobkov, G.F. Mratkhezina, E.A. Khabibullina</i> TYPOLOGIZATION OF POLYLINGUAL STRUCTURES IN INDIA: PARADIGM AND DISCOURSE	110
<i>K.Yu. Vasilyuk</i> EULOGY AS THE COMMUNICATIVE COMPONENT OF THE RITUALISTIC CEREMONY	113
<i>K.D. Voytsekh</i> AMBIGUITY AS A BASIS FOR WORDPLAY	117
<i>A.V. Gurkova</i> TIME AS A PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC CATEGORY	120
<i>N.V. Zenenko, L.P. Son</i> INTERACTION WITH INTERACTIVE MATERIALS: ACTIVATION OF HUMAN COGNITIVE CAPABILITIES	123
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> ON THE PROBLEM OF LOGISTICS TERMINOLOGY UNIFICATION AND STANDARDIZATION	127
<i>E.F. Kirov</i> DISCOURSE AND TEXT	130
<i>O.L. Kramarenko, O.Y. Bogdanova, Y.V. Moshkina, N.O. Orlova</i> FORMATION PRINCIPLES OF MICROSTRUCTURE OF THE TERMINOLOGICAL DICTIONARY FOR MILITARY SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF EDUCATIONAL LEXICOGRAPHY	133
<i>O.G. Ostapenko</i> TO THE QUESTION OF THE APPEARANCE OF ANGLICISMS IN RUSSIAN LANGUAGE AT THE END OF THE XVI-XVII CENTURIES	136
<i>A.A. Pisarenkov, S.E. Pisarenkova</i> THE “POSTTRUMP” SYNDROME IN AMERICAN LIBERAL POLITICAL DISCOURSE: SYMBOLS, METAPHORS, ALLUSIONS	139
<i>E.N. Posnova, V.R. Gabdullina, O.V. Nazina</i> THE ROLE OF STUDYING SPECIAL TERMINOLOGY AND MEDICAL VOCABULARY IN A FOREIGN LANGUAGE IN THE DEVELOPMENT OF GENERAL CULTURAL COMPETENCIES IN A NON-LANGUAGE UNIVERSITY	142

<i>E.E. Safronova, A.A. Beketova</i> GREEK-LATIN MORPHOLOGICAL BORROWINGS AS A SOURCE OF WORD FORMATION	145
<i>L.A. Tyukina</i> HUMOROUS DIALOGICAL DISCOURSE: JOKES IN THE COVID-19 ERA	148
<i>E.O. Churyukanova</i> THE INFLUENCE OF THE ENGLISH GARDENING TRADITION ON THE RUSSIAN LINGUOCULTURAL REALITY	152
<i>A.R. Shamsutdinova</i> APPROXIMATION MARKERS EXPRESSED BY NON-VERBAL MEANS IN FRENCH	155
ABSTRACTS	158

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

¹В.В. Агеносов, ²С.С. Царегородцева

¹Институт международного права и экономики (ИМПЭ) им. А. С. Грибоедова,
факультет журналистики,
кафедра история журналистики и литературы,
vlad-agenosov@yandex.ru,
²ФГАОУ ВО «КФУ имен В.И. Вернадского» в г. Ялте,
Институт филологии, истории и искусств,
кафедра русской и украинской филологии с методикой преподавания,
alatas@mail.ru

**МИФ О БЕЛОВОДЬЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА**

Старообрядчество как феномен патриархальной культуры со свойственным ему общинным устройством, уникальным бытом, нравственным кодексом веры и уникальной мифологией Г.Д. Гребенщикова активно изучал в первое десятилетие XX века и описал в публицистических и художественных текстах.

Ключевые слова: *старообрядчество, миф о Беловодье, град Китеж, исторический роман, областничество.*

В 1911 году Георгий Гребенщиков отправился в экспедицию в долину реки Бухтармы, по возвращению подготовил несколько лекций о староверах, а также написал о них около двадцати статей и путевых очерков. «Алтайская газета» в 1911 году поместила их под общим заголовком «В уголках Алтая», в газете «Сибирская жизнь» очерки и статьи публиковались в рубриках «Алтайские этюды», «Из очерков Южного Алтая», «Из записок туриста». Многие мотивы очерков позже были развиты в романе «Чураевы». Мысли о крупном художественном произведении о старообрядчестве у Гребенщикова появились после поездок на Алтай. В письмах Г.Д. Гребенщикова к П.А. Казанскому с 1910 по 1916 год есть неоднократные упоминания о работе над очерками, рассказами, лекциями о староверах. Именно в это время Г.Д. Гребенщиков «вынашивал» и замысел исторического романа. В письме к А.Н. Белослюдову от 27 декабря 1911 года он делится замыслом написать романа о «крестьянах-сектантах» Алтая. Раскрывая идею будущего произведения, он объяснял: «Мне вовсе неинтересно сектантство как таковое, но мне интересны люди в нем, люди вообще, не одни сектанты, но люди - народ» [8]. В эти годы молодой писатель Г. Гребенщиков был на распутье, как в творческом, так и в жизненном плане, в письме к Алексею Белослюдову он делился мнением, что не хочет и не может стать ученым, его главное стремление – «изучать людей, наблюдать их хищно, вынашивать свои искания и темы»[8].

Публичные лекции Г.Д. Гребенщикова о старообрядчестве были встречены с большим интересом, особенно его окрылил успех в Санкт-Петербурге: «Пятого ноября с большим успехом прочел доклад в Сибирском собрании<...> Публика долго хлопала» [9]. Сохранилась программа лекции Г.Д. Гребенщикова о старообрядцах «Алтайская Русь», прочитанная 15 марта 1915 года в г. Томске. В программе приводится ее подробный план[11]. План лекции говорит о глубоком и системном изучении старообрядчества, кроме того, лекции сопровождалась иллюстрированием исторических картин и фотографических снимков на экране. Гребенщиков, прислушавшись к дружескому совету Казанского, начал заниматься фотографией. Описание такой лекции с демонстрированием снимкой их жизни староверов Г.Д. Гребенщиков ввел в первый том романа «Чураевы». Лекцию в зале Политехнического музея прочитал герой романа - профессор Лаптев.

Гребенщиков был не единственным исследователем старообрядческой этнокультуры в начале XX века. В 1908 году М. Пришвин отправился в Заволжский край, где сохранилась «кондовая Русь» и написал очерк «У стен града невидимого (Светлое озеро)». По мнению Пришвина, староверы - «большие дети, русские лесные рыцари», и им суждено исчезнуть с лица земли, но и «быть воскрешенными» в романе какого-нибудь Вальтера Скотта [10, – С.454]. Со староверами из Чураевки их роднит сохранившийся русский быт и древлеправославная вера. Пришвин рассматривает уклад жизни в Заволжье как «возможное, но упущенное счастье русского народа» [10, – С.452]. Безыскусная, но твердая вера в существование града Китежа восхищала, но не убеждала М. Пришвина. Он показал заблуждения, а порой и откровенную дикость и жестокость. Например, в очерке есть эпизод о том, как во время похорон «умершая» от голода женщина пошевелилась, но старший скомандовал продолжать обряд и забросать гроб землей, а она «там дойдет». Аналогичный эпизод есть в 4 главе романа «Братья» (1 том романа «Чураевы»), когда «дьявольски кощунственный хитрец Данило Акундинович» предъявил на соборе заморенную голодом Ненилу в гробу как мертвую, которая «четвертый день лежит, а пахнет благодатью», чтобы одержать превосходство над Чураевыми и доказать истинность своей веры [4, – С.126]. Не лучшим образом повели себя и сторонники Фирса Чураева, опрокинув гроб и, таким образом, разоблачив обман Акундиновича. Это двойное злодейство стало решающим стимулом для главного героя Василия Чураева открыто обличить веру отцов. Обращает на себя внимание разница авторских позиций в оценке этих событий. Гребенщиков предельно заостряет оценку происходящего, рассматривая ситуацию «изнутри», Пришвин излагает событие «извне», не давая ему прямой оценки. По мнению А. Блока, в очерке «У стен града невидимого (Светлое озеро)» М. Пришвин продемонстрировал хорошее владение всем богатством русского языка, но обнаружил несовершенство литературной формы: «это богатый сырой материал, требующий скорее изучения, чем чтения» [2, – С.651].

Летом 1912, 1913 и 1914 года талантливый сибирский писатель А.Е. Новоселов совершил поездки по селам Юго-Западного Алтая, записывая фольклор и изучая культуру старообрядцев. Материал, собранный А.Е. Новоселовым, послужил основой для этнографических очерков, а также двух повестей: «Мирская» и «Беловодье». Самым крупным произведением А.Е. Новоселова о старообрядцах является повесть «Беловодье», высоко оцененная М. Горьким и опубликованная им в 1917 году в журнале «Летопись». Это произведение построено на весьма распространенной в старообрядческой среде социально-утопической легенде о Беловодье, которая широко бытовала у Бухтарминских каменщиков. Декабрист Матвей Муравьев–Апостол, отбывая ссылку в Бухтарме с 1829 по 1837 год, видел, как вели через Бухтарминскую крепость схваченных искателей Беловодья [1, – С.103].

Поисками Беловодья старообрядцы занимались вплоть до начала XX века, когда проводили этнографические экспедиции Г.Д. Гребенщиков, А.Е. Новоселов, А. Н. Белослюдов. Так, в этнографическом очерке «Алтайская Русь» Гребенщиковым выведен яркий образ Асона Зырянова, это «большой умник, грамотей и толковый расколоучитель» [3, – С.33]. Асон Зырянов - крестьянин села Белое, водил сельчан на поиски легендарного Беловодья, именно он нарисовал для исследователя и учителя А. Н. Белослюдова маршрут в Беловодье, свято веря в его реальность.

Искателей Беловодья описывали и старшие областники. В 1886 году Н.М. Ядринцев опубликовал очерк «На обетованных землях. (Из путешествий по Алтаю)», где утверждал, что миф о Беловодье весьма распространен в Южной Сибири и «нет-нет да и начнется попытка отыскать заветное «Беловодье». На Алтае Н.М. Ядринцеву встречались странники, которые ехали «местов искать». Удивлялся их настойчивости автор, и непонятно ему было, как можно еще чего-то искать среди такой красоты и приволья, какой наделен Алтай. В очерке приводится и описание земли обетованной, где «много земли ... и угодьев, и нет здесь тягостей и тяжкого крестьянского горя. Есть здесь храмы, и звон колоколов будит пустыню» [5, – С.187]. Еще красочнее он описывал красоту природы: «Я увидел целые поля,

покрытые мальвами. Это был настоящий лес цветов. Они были лиловые и белые, в рост мой. Никогда, моя родина, я не видел тебя более красивою! «...» Здесь ли, кажись, не воспользоваться твоими благами, девственная земля, здесь ли не создать счастья?!» Мысль, о том, что заповедная земля Алтая, по которой бредут странники, и есть земля обетованная, у публициста Ядринцева высказана прямо. В повести Новоселова «Беловодье» эта мысль в подтексте, высказать ее может только чудовище, которое обольщает Панфила в ночных грезах: «Нет там земли Восеонской! Разве здесь вам худо? Вспомни, сколько исходили вы, а где вы видели лучше, чем здесь? Тут и Беловодье вам...» [6, – С.54]. Но Панфил не поддавался искушению, помня наказ отца: «Беловодье, оно от всех стран отличительно... Найдешь, небось... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и злаков всяческих, и овощу... Трудись только во славу божию, как прародитель наш Адам трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом поливай ее...» [6, – С.54].

Яркое описание Беловодья, подобия земного рая, создал В.Я. Шишков в рассказе «Алые сугробы», герои которого ищут путь в эту «дикийнскую страну». Старообрядцы, описанные Гребенщиковым в романе «Чураевы», тоже заняты поисками, но не земли обетованной, а самой веры. Богоискательство – путь главного героя романа «Чураевы».

Младшие областники Г.Д. Гребенщиков, В.Я. Шишков, А.Е. Новоселов продолжили художественное осмысление старообрядческого уклада жизни, его мифологии, начатое старшими областниками. На основе этого материала были написаны их лучшие исторические романы и повести.

Список литературы

1. Алексеенко Н., Розанов А./Бухтарминский омут [Текст] /Н. Алексеенко, А. Розанов // Простор. – 1966 – № 1.
2. Блок А. Собр. соч. [Текст]: в 8-ми т.т. / А.А. Блок Т.5. – М.-Л., 1962.
3. Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь [Текст] /Г.Д. Гребенщиков // Алтайский альманах. – СПб, 1914.
4. Гребенщиков Г.Д. Братья [Текст] /Г.Д. Гребенщиков. – Churaevka, Southbury, Conn. U.S.A, 1925.
5. Литературное наследство Сибири. Т. 4 / редкол.: Н. Н. Яновский и др.[вступит. ст. В. К. Коржавина, Н. Н. Яновского]. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979.
6. Новоселов А.Е. Беловодье. [Текст] /А.Е. Новоселов. Иркутск, 1981.
7. Письмо Г.Д. Гребенщикова // Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее ГАВКО). – Ф.132. – Оп. 1. –Д. 55. – Л.12.
8. Письмо Г.Д. Гребенщикова // РГАЛИ.- Ф. 1082. – Оп.1. – Д.4. – Лл.18-19
9. Письмо Г.Д. Гребенщикова // РГАЛИ – Ф. 1082. – Оп.1 –Д. 4. – Лл.3-3
10. Пришвин М.М. Собр. Соч. [Текст]: в 8-ми т.т. / М.М. Пришвин. Т. 1. – М.: Худ. литра, 1982.
11. Программа лекции // ГАВКО - Ф.132. - Оп. 1.- Д. 55.- Л.50.

*10.01.01***Э.Г. Айрапетова канд. филол. наук, И.П. Бакалдин канд. филол. наук**

Пятигорский государственный университет,
институт переводоведения, русистики и многоязычия,
кафедра словесности и педагогических технологий филологического образования,
Пятигорск, ella.airapetova@mail.ru; igo-bakaldi@yandex.ru

**ПОЭМА А.А. МОСИЕНКО «ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ»:
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОМПОЗИЦИИ**

В статье рассматриваются особенности композиции и ее формально-содержательная соотношенность с заглавным образом в поэме А.А. Мосиенко «Землетрясение». При этом обозначается ключевая эстетико-философская тенденция в творчестве Мосиенко, а также ее включенность в традиционный контекст русской литературы.

Ключевые слова: *А.А. Мосиенко, композиция, архитектоника, поэма, венок сонетов, форма и содержание.*

В венке сонетов «Счастливая семейка грибника» А.А. Мосиенко обозначил свою ключевую эстетико-философскую и жизненную задачу так:

...найти связующую нить,
Чтоб несоединимое навек соединить,
Чтоб вместо слез и грусти улыбаться чаще.

В этом поиске универсальной «связующей нити» просматривается традиционная для русского сознания, хотя и по-своему, по-мосиенковски, формулируемая идея соборности, гармонично-радостного всеединства – людей, природы, Бога.

«Связующая нить» между людьми, природой и Богом предполагает, по Мосиенко, гармоничную меру и благодатную, жизнеутверждающую энергию [1], которые обеспечивают радостное единство в многообразии, полнокровное обретение собственного «я» во вселенской «счастливой семейке».

Если же гармоничная взаимосвязь между людьми-природой-Богом нарушается (как правило, в результате человеческих прегрешений и вражды), то, как показывает поэт, надорванная «связующая нить» транслирует уже не благодатную, а демонически-разрушительную энергию, вызывающую гнев природы, гнев Божий и открывающую – если гармония не будет восстановлена – апокалиптическую перспективу. По большому счету, именно об этом и идет речь в поэме «Землетрясение» [2].

Конечно, мосиенковский поиск «связующей нити», как и ее надрывы, отражается не только на уровне содержания, но и формы. Так, в цитированном «венке сонетов» «Счастливая семейка грибника», с одной стороны, прямо декларируется идея – «найти связующую нить» ради всеобщего счастья, с его персональными воплощениями, а с другой – используется соответствующая жанрово-композиционная форма: переплетение, подхват строк, похожих, но каждый раз по-новому звучащих, и, наконец, все это увенчивается (с некоторыми, мосиенковскими, отступлениями от канона) магистралом, дающим формально-содержательный образ высшего синтеза, гармонично-радостного всеединства, где части единятся в целом, но сохраняют при этом индивидуальность.

Аналогичная диалектика содержания и формы наблюдается и в поэме «Землетрясение», что мы и попытаемся показать, в данном случае делая акцент на композиционных особенностях.

Композиционно поэма строится по умеренно-монтажному принципу. Отдельные главы вполне можно читать как самостоятельные, законченные произведения. У каждой – собственное название. Вместе с тем они не механически соотношены друг с другом. И взаимосвязи между ними отчасти домысливаются читателем, отчасти прямолинейно прописаны автором. И все это пронизано образностью землетрясения.

Домысливаются читателем взаимосвязи между главами благодаря ключевой метафоре землетрясения и сквозным мотивам и образам, ему аккомпанирующим, – мотив падшести, мотив пути / перепутья, мотив войны, мотив братства, образ Родины / Страны / Москвы, образы матери и ее сыновей, образы Кремля, советских правителей и простого народа, архетипы Каина и Иуды, образы стихии и лиричные пейзажные зарисовки, «я» поэта и др.

Время от времени автор приглашает соотнести архитектурно удаленные друг от друга главы за счет повторов и вариаций одних и тех же выражений. К примеру (цифры в круглых скобках – порядковый номер главы в поэме), «эх, страна моя, страна – сверхдержавушка» в главе «Баба Вера» (1) и «эх, Страна, была Страна – сверхдержавушка!» в главе «Россия пошатнулась» (14). Или в тех же главах – «верховная шпана» и «красная шпана». В главе «Москва табачная» (6): «вампирной хваткой тормозя прогресс» и в главе «Раздрай» (10): «за выкорыша-упыря». Бранная лексика в главах «Москва табачная» (6), «Сон» (7), «Слуга народа» (11). Наиболее архитектурно удаленный из таких повторов – «век, словно солнце, клонится к закату» – в зачине и эпилоге, то есть с характерной для Мосиенко окольцовкой всего произведения.

Наконец, расположенные по соседству главы соотносятся между собой либо ассоциативно, либо с помощью подхвата [3] слова-образа из предыдущей главы. Большинство соседних глав сцеплены ассоциативно – с большей или меньше очевидностью, так, финальный образ «Зачина» поэмы «всемирные слезы» перекликается с названием следующей главы «Баба Вера» («баба» – отсылает к народности) и первым стихом, где слышны «слезы», сетования, представленные опять-таки в народно-фольклорной манере («Эх, страна моя, страна...»). «Баба Вера» заканчивается фразой «да, нельзя без перемен, Русь великая», а следующая глава начинается с образа разоблачителя Хрущева, который «Русь по-своему пахал», то есть ассоциация – перемены и Русь. В свою очередь глава «Уроки Хрущева и...» в финале предлагает «разумно извлекать уроки» из истории, но идущая за ней – «Беженцы» – уже своим названием говорит, что уроки не извлечены, и т.п. Иногда ассоциативные связи вполне очевидно проступают в названиях соседствующих глав: «Землетрясение» – «Россия пошатнулась»; «Опять Москва» – «В двух шагах от Кремля»; «Праздник Спаса» – «Молитва моя».

В сцеплениях глав с помощью подхвата слова-образа из предыдущей главы просматриваются две тенденции. Первая является переходной от ассоциативной к прямолинейной – подхватывается образ, как бы попутно возникший где-нибудь в середине предыдущей главы. Так, в середине главы «Беженцы» возникает образ ветра, а следующая так и называется – «Ветер». Прямолинейный же подхват выражается в том, что в первой строке данной главы повторяется слово из последней строки предыдущей главы. К примеру, «аркан» в конце «Истории с портфелем» и в начале «А что ж молчали вы тогда?». Аналогично сцепляются «А что ж молчали вы тогда?» и «Раздрай» – за счет глагола «списать»: «Спишите лучше на себя» – «Списать? Списать, пожалуй, можно...» Последний пример примечателен еще и тем, что указанные главы являются последней в первой части и первой во второй. То есть за счет повтора / вариации слов происходит сцепление не только глав, но и частей поэмы – подобно тому, как за счет повтора одной и той же строки в зачине и эпилоге поэма окольцовывается. Закругленная рама с мостиком посередине – и массой прочих перекличек.

Примечательно и то, что узловая для поэмы глава «Землетрясение», архитектурно находясь в середине произведения, является тринадцатой (из 29) по счету, а 13, как известно, считается цифрой несчастливой, что коррелирует с главным событием, изображаемым в данной главе.

Содержательно композиция поэмы «Землетрясение» сопоставима с венком сонетов «Счастливая семейка грибника» (см. выше): и тут и там композиция отражает магистральную для Мосиенко идею гармоничного всеединства, единства в многообразии, не отменяющего самобытность частей, а наоборот, позволяющую им с максимальной полнотой раскрыть свое «я» благодаря множеству взаимосвязей. Вместе с тем, в контексте поэмы,

самостоятельность каждой из глав, особенно тех, что связаны с соседями лишь отдаленными ассоциациями, можно интерпретировать как тенденцию к дисгармонизации взаимосвязей, к разрыву, что на формально-композиционном уровне будет отражать сущность «землетрясения». Таким образом, мы имеем композиционную амбивалентность. Эта амбивалентность коррелирует с мыслью о том, что через «связующую нить» по мирозданию может распространяться как жизнеутверждающая, так и разрушительная энергия – все зависит от соблюдения меры в отношениях между человеком, природой, Богом. И все-таки для Мосиенко характерна тяга к свету, поэтому и амбивалентность у него означает не равноценность добра и зла, а возможность обратить зло в добро, не обрывая всеобщую «связующую нить», но восстанавливая пошатнувшуюся благодатную гармонию.

Список литературы

1. Бакалдин И.П. Энергия и мера поэта Александра Мосиенко // Мосиенко А.А. Землетрясение. – Пятигорск: Северокавказское издательство МИЛ, 2019. – С. 240-282.
2. Мосиенко А.А. Землетрясение. Поэма. Ни дня без добрых дел. Рубаи. – Пятигорск: Северокавказское издательство МИЛ, 2019. – 284 с.
3. Петренко А.Ф., Петренко С.А., Орлова Н.А. О многоплановости приема повтора-подхвата в дискурсе художественного текста // Казанская наука. – 2019. - №10. – С. 97-99.

10.01.01

А.Р. Алдырханова-КаримоваГБОУ Сибайская гимназия-интернат,
Сибай**МАГИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР,
СВЯЗАННЫЙ С ПОЧИТАНИЕМ ПРИРОДЫ, ЖИВОТНЫХ**

В статье рассматриваются изыскания народного творчества, в которых некоторые животные образно наделены магической силой. Автор подчеркивает, что заговоры о животном мире занимают важное место в магическом фольклоре, связаны с тотемистическими верованиями. Анализируется талант башкирского народа, нашедшего воплощение в ряде эпических сказаний о чудесных конях, появившихся на земле из глубин морских вод («Акхак кола», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу «Кара Юрга» и т.д.), в которых ярко прослеживаются представления о родстве человека и животного.

Ключевые слова: мифология, фольклор, магическая сила, образ, верования, животный мир, башкирский народ, обычай.

Издревле заговоры, заклинания, предсказания были связаны с верой в магическую силу слова. С их помощью люди уверовали в то, что могли оберегать жизненный уклад, укрощали природные катаклизмы. Заговоры считаются одними из древних форм устной поэзии. В древности были распространены заговоры, связанные с охотой, рыбной ловлей, с их помощью пытались предотвратить потерю домашних животных. Заговоры зверя занимают важное место в магическом фольклоре, связаны с тотемистическими верованиями. Например, в сказках и эпических произведениях, легендах и суевериях, обычаях и ритуалах, пословицах и поговорках сохранился древний мировой реликт, связанный с тотемистическим культом волка.

В исследованиях А. Илембетовой («Культе волка у башкир») дается обширная информация по культу волка. «К образу волка примыкают представления башкир о происхождении рода человеческого, о превращении человека в волка и, наоборот, о волке – защитнике и хранителе людей. Вой волка считался магическим, отпугивающим злые силы. Тотемическое поклонение в дальнейшем обуславливает магизм и сакральность соприкасающихся к верованию вещей»[4, С.16].

У башкир сохранился следующий обряд, в котором фигурирует волк. Если у кого что-то украли, семеро бабушек объявляют о том, что будут прожигать волчьи жилы. Считалось, что вор при произнесении этих заговоров будет скручиваться, как жилы волка, и умерет. Прожигая волчьи жилы, приговаривают:

Бүре, бүре, бүрекэй,	Волк, волк, волчонок,
Атым уңры кулында.	Лошадь на руках вора
Короп катын юлында,	В дороге пусть окаменеет,
Шул карғышым уйымда.	В уме это проклятие [1, С. 110].

Заговор вора – один из самых сложных в функциональном плане магических актов. Этот акт, с одной стороны, представляет собой призыв духа-тотема (волка-помощника) и просьбу - обращение к нему за помощью. С другой, он является уникальной формой “дистанционного” заговора вора в целях его признания-покаяния или наказания. Заговор граничит с проклятием (карғыш) в виду того, что содержит мотивы угроз, мести и обиды на причинившего зло.

У восточных славян и болгар прародителем волка считается нечистая сила, бесы, черти. Имеются материалы из армянских легенд, где женщины-оборотни ночью, следуя волкам, крали детей и ели умерших. Божественная суть волка проявлялась в поверьях. Пастухи (карауылсы) оглашали пастбища громкими криками "Корайт, корайт, киу!" Возгласом "Корайт, корайт!" башкиры оберегали свои дома или юрты во время первого весеннего грома. Это волшебное слово употреблялось знахарями (имсе) при заговоре от сильного испуга (кот осоу). Некоторые считают, что слово состоит из нескольких частей: "кор+ай+т", где "кор" по-древнетюркски означало "волк"; "т" являлся аффиксом множественного числа; "ай" – "айы", по аналогии с якутами и долганами, – "добрые божества верхнего и среднего миров". Воскликая "корайт!", предки башкир обращались к божеству-волку за помощью, искали защиты и покровительства. Р.Султангареева связывает корайт с "курэйт", означающим благодатный северный ветер [6, С.212].

В жанрах народного творчества (эпос, легенда, сказания, афористический жанр, сказка) тексты, связанные с магией, традиционно обладают "спасительными" способностями и помогают сказочным героям преодолеть сложные препятствия. Например, в сказке «Сивая корова» ("Күк һыйыр") встречаются напевы, речитативы, заговоры. Егет приехал в деревню выбирать себе невесту. Мачеха красиво одела свою дочь, а у падчерицы не было нарядной одежды. С плачем она подошла к сивой корове, которая осталась от матери и попросила ее о помощи. Корова наряжает девушку в красивую одежду, и та выходит замуж. Одежда появляется после того, как падчерица с мольбой приговаривает:

Әсәймдән калған күк һыйыр,	От матери осталась бурая корова,
Күккә карап бакыра.	Смотрит в небо она и мычит!

Когда корова смотрит в небо и мычит, оттуда падает одежда (красивый зилан, камзолы). Три раза обращалась корова к небу, и оттуда падали платье, платок, шаль, сапоги, галоши [7, С.60]. Здесь прослеживается магизм тотемной коровы-помощницы, чьим мольбам (мычанию) внемлет небо. Словесные выражения падчерицы действуют здесь как заговоры. Например, в сказании «Кунгыр-буга» прослеживается культ бурой коровы, как символа плодородия. Заговорный текст интересен в своей функциональности и пересказе обычая, амулета плодородия [2, С.75]. Тандыса находит свое стадо, затем погостив и отдохнув, отправляется снова в путь домой. В это время выходит глава рода, приговаривая он произносит заговор призывания:

Ырыс-байлык бәйләйбез	Плодородие, богатство привязываем
Бызаукайзың муйынына.	На шею телят. [2, С.299].

Зов-обращение к бурой корове и просьба благ от нее имеют заговорную форму. Заговорный текст интересен в своей функциональности и пересказе обычая привязывания амулета плодородия. С амулетом плодородия передают пожелания, чтобы род продолжался, семья была накормлена, богата, счастлива, а для животных данный амулет имел четкую функцию оказывать помощь в удаче увеличения поголовья. У хакасов, например, широко распространено мифологическое предание пришедшего с Алтая синего тельца, который мычал, забравшись на высокую гору, покрытую лесами, и под это мычание все коровы делались стельными. Люди задумывают поймать синего тельца на железный аркан (канат), но телец обрывает этот канат. Затем недалеко от реки Тей синий телец снова промышал, и снова все коровы стали стельными. Люди радуются, ликуют от того, что к ним идет само богатство и хотят поймать его на аркан волос. Но телец рвет и этот аркан. «Только возле Камыштамака смогли поймать его гибким арканом. Вот почему у хакасов очень плодородные стада», – так гласит предание [2, С.105]. Производные от животных (волосы, гривы, копыта) также считаются магическими. Аркан из волос или гривы коня (кыл аркан) символизируют продолжительность жизни, дел, начинаний и применяется для отпугивания нечистых.

В сказании «Урал-батыр» богатырский конь Акбузат спускается с неба на землю после гибели своего батыра, пригоняет с собой небесных коней [5, С. 46]. Образы коней, наделенных даром человеческой речи, мифическими чертами и способностью к

перевоплощениям, имеют особую магическую силу. Поэтический талант башкирского народа нашел воплощение в ряде эпических сказаний о чудесных конях, появившихся на земле из глубин морских вод («Акхак кола», «Акбузат», «Заятуляк и Хыгухылу «Кара Юрга» и т.д.). У древних башкир бытовало поверье о том, что волосы, взятые у животного, магически обеспечивают власть над ним. Поэтому в сказаниях и сказках башкир и других народов герой, расставаясь на время с чудесным конем тулпаром, обычно по совету самого коня выдергивает три волоса из его хвоста или гривы. В вышеуказанном эпосе использовано также народное поверье о том, что лошадиный пот и пена помогают при разных недугах, оберегают от змеев и прочих злых сил. Так, Хаубан на своем пути встречает птицу, которая просит батыра исцелить раны её крыла пеной из губ Акбузата [3, С.229].

Считали коня самым чистоплотным, божественным духом. Вода считалась чистой, если конь пил из неё воду. В поверьях и обрядах в качестве покровительницы и защитницы людей выступает, во-первых, сама лошадь, во-вторых, ее отдельные части: череп, шейный позвонок, шкура, волосы, ее пот, пена и помет, в- третьих, предметы связанные с ней: узда, хомут, вожжи, седло, потник, выпавшая подкова, кнут и т.д. Череп вешали на изгородь, на ульи, который оберегал от несчастий, различных болезней, дурного глаза. Также их вешали на колы перед въездом в деревню с теми же умыслами. Башкиры, казаки, туркмены, киргизы и др. народы упоминают в материалах, что пот коня имел ядовитые свойства и мог убить ядом змею. А заплетенные из конского волоса арканы, уздечки имели магическую силу. Во имя своей безопасности в поле путник клал возле себя кнут, пропитанный конским потом. Силой воздействия обладает лошадиная подкова. По древнему обычаю прибавляли ее над входной дверью жилища, на крыльце дома, считая, что подкова защищает от несчастий, от воздействия черных, вредоносных сил, от человеческого сглаза, его отрицательных пожеланий и мыслей. Цель ритуальных действий и обрядов была направлена на обеспечение условий, необходимых для материального благополучия человека (обеспечение плодородия земли, благосклонности природных сил, получение здоровья, потомства и т.д.). Культ природы, стремление жить в согласии и гармонии, желание не навредить, а снискать ее благосклонность, как гарантия надежного бытия привели к возникновению разветвленной ритуальной системы, связанной с культовым отношением к небу, солнцу, водной стихии, земле, животным, растениям и т.д., олицетворяющим животворящую мощь природы и играющим первостепенную роль в удовлетворении основных потребностей человека.

Таким образом мир природы стихий, животных, растений и культовое отношение к ним своеобразно отразился и в заговорном репертуаре. Стремление жить в согласии и гармонии с Природой, желания не навредить, а снискать благосклонность сфер, как гарантия надежного бытия человека способствовали формированию системы пользования целебными силами внешнего мира.

Список литературы

1. Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. I том. Өфө: Китап, 1995. 130 б.
2. Башкорт халык ижады. Эпос. III том. Өфө: Китап, 1998. 299 б.
3. Галин С.А. Народной мудрости источник: Толковый словарь башкирского фольклора. Уфа: Китап, 2007. С. 304.
4. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных у башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 16.
5. Надршина Ф.А. Башкирское народное творчество: предания и легенды. Уфа: Китап, 2015.
6. Султангареева Р.А. Пробуждение природы в обрядах // Ватандаш. 2010. № 3. С.212.
7. Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирской народной волшебной сказки. Москва: Наука, 2000. С.60.

*10.01.01***И.Р. Гилязова, О.Г. Жукова**

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
gilnara28@yandex.ru

О РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В данной статье мы рассмотрим некоторые теоретические аспекты преподавания русского языка как иностранного, например, мотивационный компонент, специфика учебных материалов для РКИ и особенности преподавания лексического материала иностранным обучающимся.

Ключевые слова: *язык, мотивация, текстовая работа, культура, родной язык, лексика.*

Интерес к русскому языку и русской культуре в современном мире не ослабевает, а наоборот, наблюдается новая волна заинтересованности в его изучении. Данный феномен можно объяснить тем фактом, что Россия наращивает потенциал в сфере науки, промышленности и образования, что делает страну привлекательной для иностранцев, как в качестве рынка труда и инвестиций, так и как страна для обучения и культурного обмена. Тенденция последних лет заключается в том, что наибольшее количество иностранных студентов приезжает в РФ из стран бывшего СНГ, но также в последние годы отмечается положительная динамика студентов из стран Европы, Азии, Америки и Африки. По данным статистических агентств рост количества студентов из данных стран наблюдается с 2013 года. В данной связи актуальной остаётся тема преподавания русского языка как иностранного, особенно межкультурному и дидактическому аспектам РКИ.

Задача учителя русского языка в современных условиях значительно глобальнее, чем просто обучение грамматике, лексике, фонетике и другим аспектам. Особенно важной и сложной является работа по преподаванию русского языка как иностранного за границей. В данном случае педагог является лицом своей страны и носителем её культуры, при этом имея возможность опровергнуть многие распространённые за рубежом стереотипы о нашей стране и русском языке и преподнести иностранным учащимся знания о современной России, её культуре, традициях и языке [3, 88].

Данная работа должна быть тематически насыщенной, методически и дидактически тщательно подготовленной и, несомненно, рассчитана на определённую целевую аудиторию, которая должна быть должным образом мотивирована к изучению предмета.

Наш опыт преподавания русского языка немецким школьникам свидетельствует о том, что для эффективного преподавания данного предмета необходимо не только тщательное планирование тематического материала с учётом сложности, возрастных особенностей и уже имеющейся или отсутствующей у учеников языковой базы, но, главным образом, учёт их опыта межкультурного общения и мотивационный фон. Мы часто сталкивались с мнением учащихся о том, что русский язык очень сложный и выучить его просто невозможно. Нашей основной задачей в данной связи, в первую очередь, является опровержение данного стереотипа путём преодоления психологических сложностей и барьеров при изучении русского языка как иностранного. Наиважнейшим моментом, наш взгляд, необходимо считать придание ученикам уверенности в посильности задачи освоения русского языка, при этом возраст учащихся не играет особо важную роль. Со всеми возрастными группами необходимо выстроить доверительные отношения и на личном примере продемонстрировать тот факт, что иностранный язык можно выучить до любого необходимого уровня. В данной связи необходимо отметить, что учитель-носитель преподаваемого языка в большинстве случаев служит дополнительным стимулом для учащихся, так как они имеют возможность

реального контакта не только с изучаемым языком, но и с культурой страны, где русский является родным. Данный культурно-эмоциональный обмен по нашим наблюдениям дополнительно стимулирует учащихся к изучению русского языка не только через учебные пособия, упражнения и другие стандартные виды учебной деятельности, но и через беседы с учителем, которые необязательно должны проходить во время урока. Подобную работу целесообразно проводить и как внеклассную деятельность. В нашей школе мы имеем, например, опыт работы факультативно с учениками среднего звена (4-6 классы) в русском хоре. Дети вместе с учителем русского языка разучивают русские народные песни и выступают на различных школьных и общественных мероприятиях в традиционных костюмах, при этом присутствуют родители и гости школы. К данным мероприятиям пекутся различные русские сладости и раздают детям и гостям. Подобные события являются превосходным дополнением и мотивационным фактором к изучению русского языка, его богатой культуры и потенциала.

Продолжая рассматривать вопрос мотивации к изучению иностранного языка, важно отметить, что её поддержанию и усилению способствует воздействие на эмоциональную сферу учащихся. Такое воздействие обеспечивает концентрацию внимания и повышает эффективность восприятия учебного материала. Ранее в данной статье мы говорили об общей мотивации к изучению русского языка посредством внеклассных мероприятий, тематических бесед с учителем и прочих аспектов. Далее мы хотели бы подробнее рассмотреть вопрос непосредственно о работе на уроке, и в особенности, работу с текстовым материалом, так как именно текстовая работа составляет основу изучения языка. Говоря о текстовой работе, мы подразумеваем широкий круг заданий, основанных на наличии определённого лексического материала, объединённого определённым смыслом и задачами для выполнения. Говоря об отдельном тексте, необходимо отметить, что должен быть нескучным, интересным, наполненным положительными эмоциями и юмором. Текст может иметь интригующее начало, непредсказуемое продолжение и неожиданный финал, одновременно текст не должен быть чрезмерно сложным с точки зрения грамматики и лексики, так как в таком случае интерес может быстро исчезнуть, особенно если это касается детей или подростков. Созданию заинтересованности способствуют следующие составляющие текста: «узнаваемость» ситуаций, на которых построен текстовый материал; актуальность содержания текстов для конкретного контингента учащихся (например, включение в текст информации, необходимой учащимся в повседневной жизни); элементы провокации, наиболее способствующие развитию навыков говорения; учет культурного дискурса учащихся; неожиданный финал рассказа, и, несомненно, юмор. Все перечисленные факторы, помимо собственно методических посылов, способствуют созданию позитивного эмоционального фона на уроке [2, 179].

Параллельно с текстовой работой осуществляется работа над лексикой, точнее говоря, данная работа предшествует работе с текстом, пронизывает её и следует за ней. Таким образом, лексическая работа является непрерывной и должна таким образом носить системный характер.

Исследователи в области обучения РКИ определили основную цель работы над лексикой русского языка как иностранного как формирование лексических навыков, включающих понимание слова и особенностей его сочетаемости в речи, безошибочное использование слова в речи в соответствии с темой и ситуацией общения, умение использовать лексику для осуществления продуктивной и рецептивной речи [1, 268].

В научной литературе существует распространённое мнение о том, что значительные трудности в освоении русского языка как иностранного обусловлены, в первую очередь, большим объёмом словарного запаса русского языка и его сложной лексико-грамматической организацией. Соответственно, при обучении русскому языку как иностранному преподавателю необходимо учитывать многие факторы, такие как, объём человеческой памяти, особенности национальной культуры, интенсивность обучения языку и целевую направленность процесса овладения иностранным языком [1, 269]. Как ранее упоминалось в

данной статье, формы работы с текстом должны быть разнообразны, интересны, посильны и нацелены на определённый результат. Некоторые авторы отмечают, что для прочного запоминания и развития навыков словоупотребления необходимы новые контексты, поэтому на начальном этапе грамматические конструкции следует наполнять новой лексикой или лексикой известной, но в новом контексте. При этом на занятии важно уделять внимание развитию умений пользоваться словарями, опираясь на ассоциации с родным языком [1, 269].

Список литературы

1. *Иванова Т.М.* К вопросу о системном подходе в методике преподавания русского языка как иностранного (на примере русской лексики)//Учёные записки ЗабГГПУ. – Чита, 2012. – С.266-271.
2. *Степаненко В.А., Нахабина М.М., Курлова И.В.* Современные подходы к методике преподавания русского языка как иностранного//Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2014, № 3. – С.175-181.
3. *Чеснокова М.П.* Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. Москва: МАДИ, 2016. 132 с.
4. *Штыкова Н.В.* Русский язык как иностранный: к вопросу об изучении грамматики на начальном этапе (морфологический материал) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. №5(58). С. 84-88.

10.01.01

Т.Г. Дубинина канд. филол. наук

ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет,
кафедры русской литературы,
Москва, dubinina-tatyana@yandex.ru

«ОНЕГИНСКИЕ» ПРЕТЕКСТЫ В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «СВИДАНИЕ»

В статье на материале рассказа «Свидание» рассмотрен вопрос о влиянии романа в стихах «Евгений Онегин» на цикл И.С. Тургенева «Записки охотника». Пушкинский текст оказывается крайне важным для ранней прозы Тургенева. Однако, в отличие от великого предшественника, Тургенев не верит в возможность «ощельнения» человека. Персонажи тургеньевского рассказа оказываются душевно несостоятельными и не выдерживают сравнения с героями Пушкина.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», И.С. Тургенев, «Записки охотника», претексты.

Вопросу о связи рассказа «Свидание» с творчеством А.С. Пушкина исследователи уже посвящали работы [3, 5], совершенно справедливо отмечая в тургеньевском произведении реминисценции из «Повестей Белкина» (рассказ «Барышня-крестьянка»), говоря и об имени главной героини (Акулина), и о ситуации любви крестьянки и камердинера молодого барина.

Однако не только с «Повестями Белкина» соотносит И.С. Тургенев свой рассказ. Мотивы «Евгения Онегина» здесь тоже присутствуют, хотя и не так явно и в меньшем количестве. И все же пройти мимо них представляется несправедливым.

Уже отмечалось [1], что Тургенев ищет своих «Онегина», «Ленского» и «Татьяну», однако не видит им места ни в современности, ни в прошлом. Тургеньевское видение мира и человека в то время совсем иное, чем у Пушкина, куда более критическое и чуждое, как тогда казалось писателю, идеализации.

Рассказ «Свидание» еще раз иллюстрирует эту мысль. Примечательно, что главными героями будут не дворяне, а крестьяне. И таким образом отчасти расширяется круг тургеньевских поисков цельной и яркой личности. Не найдя ее в дворянской среде ни в современности, ни в прошедшем, писатель исследует совершенно новый социальный пласт. И читатель вправе ожидать интересных открытий и возможного пересмотра Тургеневым своих взглядов на человека. Однако произойдет ли это?

Сюжет произведения прост. Рассказчик становится невольным свидетелем последнего свидания и объяснения бывших влюбленных – крестьянки Акулины и камердинера Виктора. Думается, именно с этим персонажем связаны ключевые «онегинские» мотивы в рассказе.

Виктор, как и Онегин в начале романа, очень занят собой и своей внешностью. Одевается он с большой претензией: «Его одежда изобличала претензию на вкус и щегольскую небрежность <...>. Круглые воротнички его белой рубашки немилосердно подпирали ему уши и резали щеки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красных и кривых пальцев, украшенных серебряными и золотыми кольцами с незабудками из бирюзы» [6: Т.4, С.263]. Конечно, и Онегин, и Виктор с помощью внешнего вида хотят казаться особенными, однако Пушкин немного оправдывает своего героя:

Быть можно дельным человеком

И думать о красе ногтей:

К чему бесплодно спорить с веком?

Обычай деспот меж людей. [4: Т.5, С.17].

Онегин при всей его любви к нарядам все-таки «дельный человек». Более того, такого внешнего вида требуют от него правила приличия в светском Петербурге, где о человеке судят не в последнюю очередь по его умению одеваться.

Претензии же Виктора на «щегольскую небрежность» выглядят смешными и отталкивающими. Если Онегин постоянно меняет наряды, живя в Петербурге, то он носит «розовый галстучек с лиловыми кончиками и бархатный картуз с золотым галуном» [6: Т.4, С.263] в деревне, что выглядит по меньшей мере нелепо.

Показателен еще один эпизод, напрямую связанный с пушкинским романом. В «Евгении Онегине» при описании посещения героем театра читаем: (Онегин)

Двойной лорнет скосясь наводит

На ложи незнакомых дам... [4: Т.5, С. 15]

Известно, что лорнет являлся модным аксессуаром того времени. И, конечно, модник Евгений имел эту вещь в своем гардеробе. Это естественно и органично. Виктор из «Свидания» тоже является обладателем лорнета. Но в его случае это выглядит смешно и глупо: «<...> достал из бокового кармана пальто круглое стеклышко в бронзовой оправе и принялся втискивать его в глаз; но, как он ни старался удержать его <...> стеклышко все вываливалось и падало ему в руку» [6: Т.4, С.266]. Более того, если у Пушкина слово «лорнет» употребит автор-повествователь, то рассказчик из «Свидания» обозначит предмет как «стеклышко», а лорнетом это «стеклышко» назовет сам Виктор.

Если за внешним лоском у Онегина скрывается действительно незаурядная личность, и одежда лишь служит неким дополнением к ней, то тургеневскому герою нечего предложить в духовном плане, а гардероб с претензией на оригинальность будет выглядеть пустым и смешным обезьянничаньем.

Интересным представляется проанализировать мотив скуки применительно к главным героям. Мы знаем, что Онегин равно скучает и в Петербурге, и по приезде в деревню. Однако его сплин – результат некоторых духовных поисков, оказавшихся пока бесплодными, – кроме автора он не видит единомышленников в светском обществе, как не находит и настоящей любви. Следствием этого и служит несколько пренебрежительное отношение к окружающим.

У Виктора же «скучение» выглядит позерством: «Он, видимо, старался придать своим грубоватым чертам выражение презрительное и скучающее <...> – словом, ломался нестерпимо» [6: Т.4, С.263]. Конечно, здесь ни о какой духовности говорить повода нет. Герой явно пустой человек, заменяющий содержательную часть человеческой личности внешними атрибутами «роскоши» и пустого щегольства. Подсмотрев городские «моды», он бездумно следует им, не имея ни вкуса, ни права на претензию быть оригинальным.

Конечно, очень важным критерием при сравнении героев служит их отношение к своим возлюбленным. Онегин, получив признание Татьяны, не стал обманывать «доверчивость души невинной». А между Виктором и Акулиной безусловно был роман, более того, возможно, с самыми серьезными для девушки последствиями. Нигде прямо Тургенев об этом не скажет, лишь даст намек словами Акулины: «Да как же, Виктор Александрыч, – вы сами знаете» [6: Т.4, С.265]. Однако положение и будущее девушки совершенно не тревожат героя. Он останется холоден к горю бывшей возлюбленной, к ее слезам: «Чего ты хочешь? Ведь я на тебе жениться не могу? ведь не могу?» [6: Т.4, С.268]. Примечательно, что Онегин также скажет Татьяне о невозможности их брака, однако отношений между ними не будет. Виктор же бездумно пойдет на роман с Акулиной, даже понимая, что брак для него невозможен. Судьба девушки ему безразлична.

Видимо, есть повод говорить о предельно резком травестировании пушкинского героя Тургеневым. Его «Онегин» выглядит в рассказе не просто смешным и мелким, но жестоким эгоистом.

В образе Акулины нельзя не заметить некоторые намеки, сближающие его с пушкинской Татьяной. Если последняя была «как лань лесная боязлива», то у тургеневской глаза «большие, светлые и пугливые, как у лани» [6: Т.4, С.262].

Тургенев рисует читателю картину ожидания Акулиной Виктора, в которой есть некоторые переклички со сценой ожидания Татьяной Онегина в саду перед решительным объяснением. И хотя в романе героиня, с одной стороны, хочет встречи:

В ней сердце, полное мучений,
Хранит надежды темный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждет: нейдет ли?
Но не слышит [4: Т.5, С.65],

а с другой – встреча происходит как бы случайно в аллеях сада, тогда как в рассказе свидание было явно назначено, в описании состояния обеих девушек много общего. Если Татьяна «жаром пышет» и пытается унять «ланит пыланье» [4: Т.5, С.66], то у Акулины при звуках в лесу «взор задрожал, зажегся ожиданьем», а при появления Виктора она «вспыхнула вдруг» [6: Т.4, С.263].

Акулина поднимает на возлюбленного «трепещущий, почти молящий взгляд» [6: Т.4, С.263], Татьяна при ожидании Онегина как «зайчик в озиме трепещет» [4: Т.5, С.66].

При объяснении Акулина старается сдерживать слезы, но в конце концов ей это не удается: «Внезапные, надрывающие грудь рыдания не дали ей докончить речи <...>» [6: Т.4, С.268]. Татьяна же слушает Онегина «сквозь слез не видя ничего» [4: Т.5, С.72].

Конечно, прямо сопоставлять героинь вряд ли правомерно, но выявленные выше переклички все же примечательны и, думается, не случайны.

Необходимо также отметить некоторые обстоятельства обоих свиданий. Они происходят на природе – в саду усадьбы Лариных (у Пушкина) и в лесу (у Тургенева). Далее – Онегин сам идет разыскивать Татьяну в сад, Виктор же приходит на назначенное свидание с сильным опозданием и едва не забыв о нем: «А я было совсем и позабыл» [6: Т.4, С. 264]. После отповеди Евгений предлагает Татьяне руку, чтоб проводить ее в дом, Виктор «<...> постоял над нею (Акулиной – Т.Д.), постоял, пожал плечами, повернулся и ушел большими шагами» [6: Т.4, С.268].

Указанные расхождения призваны помочь читателю еще глубже ощутить разницу между проявившим «души прямое благородство» Онегиным и бездушным, пустым эгоистом Виктором.

Очевидно, что тургеневский герой не выдерживает сравнения с Онегиным, – это, подчеркнем еще раз, резко, нарочито сниженный вариант пушкинского героя, подчеркивающий разницу во взглядах и миропонимании между романистом и автором рассказа. Светлый пушкинский взгляд на мир молодой Тургенев скорее не разделял. Герои романов, с их духовной широтой, интеллектуальными потенциалом, стремлением к «оцельнению» [2] представлялись ему неактуальными – на смену им пришли гораздо более простые по внутреннему устройству герои повестей и рассказов.

Список литературы

1. Дубинина Т.Г. Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840 – начала 1850 -х годов. Автореферат дисс... канд. филол. наук.–Москва, 2011.–22 с.
2. Беляева И.А. Система жанра в творчестве И.С. Тургенева. – М.: МГПУ, 2005 – 250 с.
3. Просекова Н.Д. Пушкинские начала в «Записках охотника» И.С. Тургенева // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия.–Калинин, 1989.–С. 124–135.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.
5. Трофимова Т.Б. Пушкинские реминисценции в рассказе И.С. Тургенева «Свидание» // Спасский вестник.–2002.–№3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-10-2003/pushkin.html>.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 тт. Сочинения: В 15 тт. Письма: В 13 тт. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1960–1968.

*10.01.01***А.Р. Заболотская канд. филол. наук, А.А. Кирпичникова канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков,
Казань, alزاب_19@mail.ru, kirpanna@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье анализируются реалии, представленные в рассказах А.П. Чехова «Анна на шее», «Ванька». Выделяются следующие группы реалий: ономастические, бытовые, религиозные и относящиеся к государственно-административному устройству. Рассматриваются основные способы перевода реалий указанных групп на английский язык.

Ключевые слова: *реалии, художественный текст, способы перевода, эквивалент, коннотативное значение.*

Реалии, требующие особого подхода при переводе на другой язык, в большом количестве присутствуют практически во всех произведениях А. П. Чехова. Поэтому неудивительно, что их интерпретация становится объектом изучения современных исследователей (См., например, [4]).

Цель данной работы – методом сплошной выборки выделить реалии в рассказах А. П. Чехова «Ванька» (1886) и «Анна на шее» (1895), классифицировать и определить способы их перевода. Выбор рассказов обусловлен тем, что они с разных сторон раскрывают жизнь русского общества XIX века. В рассказе «Ванька» [5, с. 584-588] описывается жизнь бедного деревенского мальчика, отданного в ученье к сапожнику; повествовательный контекст рассказа «Анна на шее» [6, с. 12-25] расширен: в нем отражена жизнь высшего общества.

В своей работе мы рассматриваем перевод рассказов А. П. Чехова на английский язык, выполненный Робертом Пэйном (Robert Payne). Им составленный сборник рассказов А. П. Чехова на английском языке «Образ Чехова» был впервые издан в 1963 году. Он переиздавался семь раз, охватывает двадцать два года творчества Чехова, каждый из которых представлен, по меньшей мере, одним рассказом. Сборник Роберта Пэйна выдерживает хронологию сюжетов и тем, что дает возможность проследить стилистическое мастерство писателя. [3, с. 663]. Мы используем переиздание оригинального сборника в переводе Р. Пэйна [7].

Одной из проблем, с которой сталкивается переводчик при передаче текста с одного языка на другой, является отсутствие языкового эквивалента в переводимом языке. Прежде всего, это касается перевода реалий. Вопрос об определении реалий и способах их перевода неоднократно рассматривался отечественными исследователями в области теории и практики перевода (например, в работах Вл. Россельса, А. Д. Швейцера, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, А. А. Брагина, Л. С. Бархударова, С. И. Влахова, С. П. Флорина и др.).

Вслед за С. И. Влаховым и С. П. Флориным мы понимаем под реалиями слова и словосочетания, обозначающие объекты, являющиеся характерными для жизни одного народа, не имеющие эквивалентов в других языках и требующие особых подходов при переводе [2, с. 47].

При изучении реалий в рассказах А. П. Чехова, мы опираемся на предложенную В. С. Виноградовым классификацию, основанную на тематическом принципе [1, с. 172]. В рассказах можно выделить следующие группы реалий: 1) ономастические реалии; 2) бытовые реалии, к которым относятся лексические единицы, обозначающие место

обитания, одежду и головные уборы, продукты питания, виды деятельности, денежные единицы, единицы измерения расстояния, национальные праздники, обращения к людям; 3) реалии, обозначающие государственно-административное устройство и общественную жизнь; 4) религиозные реалии, относящиеся к православию.

Ономастические реалии присутствуют в каждом рассказе А. П. Чехова. Сам термин является общепризнанным термином для имен собственных, рассматриваемых при переводе как знаковая подсистема с большей степенью связи с социокультурным контекстом по сравнению с нарицательными существительными. При переводе имен собственных, как правило, используется сочетание переводческой транскрипции с некоторыми элементами транслитерации. Примерами ономастических реалий в тексте выступают, прежде всего, имена собственные: Модест Алексеич (*'Modest Alexeich'*), Анюта (*'Anyuta'*), Петр Леонтьич (*'Pyotr Leontich'*), Ванька Жуков (*'Vanka Zhukov'*), Константин Макарыч (*'Konstantin Makarich'*), Марья Григорьевна (*'Marya Grigoryevna'*), Наталья Кузьминишна (*'Natalya Kuzminishna'*), – переведенные указанным способом. При переводе названий улиц, кличек домашних животных переводчик обращается к приему калькирования, то есть дословного перевода: Старо-Киевская улица (*'Old Kiev Street'*), Каштанка (*'Brownie'*), Вьюн (*'Eel'*). Перевод русского наименования «Каштанка» английским *'Brownie'* приводит к некоторому искажению семантики, поскольку в английском *brownie* – это и домовый, хотя корень слова и отсылает нас к цвету, как и в случае русского слова. И вполне допустимо переводить русское «Вьюн» английским *'Eel'* (угорь) из-за их внешнего сходства и способности извиваться.

В обоих рассказах самую многочисленную группу представляют бытовые реалии. При передаче реалий этой группы переводчик использует следующие способы перевода: 1) подбор функционального аналога, при котором в переводимом языке подбирается соответствующая единица, выполняющая ту же функцию, что и в исходном языке: «зала» – *'ballroom'*, «уходил на службу» – *'went to his office'*, «щи» – *'cabbage soup'*, «сюртук» – *'coat'*, «гауптвахта» – *'guardhouse'*, «сени» – *'passage way'*, «приказчик» – *'manager'*, «за двести верст» – *'hundred and fifty miles away'*, «пудовый» – *'forty pounds'*, «леденец» – *'sugar candy'*, «колотушка» – *'clapper'*; 2) калькирование: «родовое имение» – *'family estate'*, «казенный дом» – *'government-owned house'*; 3) описательный перевод: «полустанок» – *'a small wayside station'*, «дачники» – *'summer visitors'*, «сделали ей под козырек» – *'saluted her by snapping their hands to their caps'*, «на паре с пристяжной на отлете» – *'in a carriage drawn by two horses'*, «господский дом» – *'house belonging to the gentry'*, «тройка» – *'drawn by three horses'*, «сидельцы» – *'the people in the shop'*; 4) транскрипция и транслитерация: «копейка» – *'kopeck'*, «рубль» – *'ruble'*, «борзые» – *'borzois'*, «самовар» – *'samovar'*, «на тройках» – *'in troikas'*, «водка» – *'vodka'*.

Подбор функционального аналога позволяет донести до читателя смысл контекста, хотя при этом может наблюдаться изменение семантики и утрата национального своеобразия, присущего данной лексической единице. Так, например, перевод слова «гимназия» сочетанием *'high school'* (средняя школа) не передает полностью значение исходного понятия, поскольку гимназия – вид учебного заведения с обязательным преподаванием древних языков, то есть латыни и греческого. Предыдущий пример показывает, что подбор функциональных аналогов при переводе реалий в рассказах А. П. Чехова может сопровождаться переводческой трансформацией. Как правило, это генерализация или конкретизация. Примером генерализации, например, является перевод слова «шубейка» в рассказе «Ванька» английским *'coat'*, означающим любую верхнюю одежду с рукавами, которая носится поверх другой одежды обычно для утепления. В качестве примера конкретизации из обоих рассказов можно привести слово «каша», переведенное словом *'porridge'*, обозначающим овсяную кашу.

Вынужденная нейтрализация при переводческой трансформации изменяет стилистику высказывания. Стилистически маркированные русские выражения заменяются у переводчика общеупотребительными, стилистически нейтральными словами и

словосочетаниями: «вчера» – *'yesterday'*; «выволочка» – *'thrashing'*; «секи меня как сидорову козу» – *'you can flog me as you like'*; «отседа» – *'from here'*; «кушать страсть хочется» – *'terribly hungry'*; «насилу очухался» – *'thought I would never get up again'*; «пропащая моя жизнь» – *'It's ... so miserable'*. Стилистически маркированная лексика позволяет А. П. Чехову передать эмоциональное состояние своего героя (девятилетнего Ваньки Жукова) и подчеркнуть тяжелые условия его жизни. Используемые при переводе нейтральные функциональные аналоги не передают в полной мере тот эмоциональный фон, который присутствует в оригинальном тексте.

Реалии, связанные с административно-государственным устройством, представлены, в основном, в рассказе «Анна на шее». Переводчик обращается к тем же способам перевода, что и для бытовых реалий. Большая часть слов переведена подбором функционального аналога: «чиновник» – *'official'*, «его сиятельство» – *'His Excellency'*, «мировой судья» – *'magistrate'*, «управляющий казенной палатой» – *'director of the local treasury'*, «околоточный» – *'police officer'* и др. Нами отмечены также случаи калькирования (например, «орден святыя Анны второй степени» – *'the Order of St. Anna, second class'*; «дворянское собрание» – *'Hall of Nobles'*; «бригадный генерал» – *'a brigadier general'*), а также случаи описательного перевода (например, «в чинах» – *'high-ranking official'*; «могли бы со временем сделаться высокопоставленными людьми» – *'who might have reached very high rank'*; «у господ Живаревых» – *'on the estate of some gentlefolk called Zhivaryov'*). Поскольку данная лексика не обладает ярко выраженной стилистической окраской, выбранные способы в целом способствуют достижению адекватности при переводе и позволяют передать исходное значение лексических единиц.

В анализируемых рассказах наблюдаются лишь отдельные случаи употребления религиозных реалий. Перевод религиозных реалий часто осложняется тем, что отсутствие эквивалентов в переводимом языке может приводить к изменению семантики при их передаче. Так, английское слово *'wedding'* не раскрывает суть ритуала венчания, означающего церковное благословение брака у православных. Перевод сочетания «темный образ» сочетанием *'dark icon'* может также затемнять читателю, не знакомого с православием, семантику исходного слова, поскольку возможными значениями слова *'icon'* в английском языке являются «символ», «образ», «знаковый образ». Описательный перевод использован для передачи слова «заутреня» (*'early service'*) и словосочетания «крестил ей лицо» (*'made the sign of the cross over her face'*).

Таким образом, для рассказов А.П. Чехова характерны различные по своей тематике реалии, передающие национальное своеобразие и колорит русской жизни. Для перевода имен собственных Р. Пэйн использует транскрипцию, транслитерацию и калькирование. Во всех остальных случаях выбор того или иного метода определяется конкретной речевой ситуацией. Наиболее употребительными являются такие способы перевода, как подбор функционального аналога и описательный перевод. Также у Пэйна присутствуют случаи транскрипции, транслитерации и калькирования реалий бытовых, религиозных, а также характеризующих административно-государственное устройство. Вынужденная нейтрализация при переводе, связанная с отсутствием эквивалента в переводимом языке и приводящая к затемнению или утрате коннотативного значения, позволяет сохранить смысл высказывания, но при этом, как правило, изменяет стилистику и эмоциональное воздействие текста на читателя.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. 172 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Максвелл Д. Проза Чехова в США (1960 – начало 1980-х гг.): Обзор / Пер. Е. Е. Палиевской // Чехов и мировая литература / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 2. С. 661—686. URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ML2/ML2-6612.htm?cmd=p>
4. Пушкина А.В., Кривошлыкова Л.В., Меркулова А.П. Сравнительный анализ перевода реалий в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 382-387.
5. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 4. 639 с.
6. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 8. 556 с.
7. Chekhov A. Forty Stories. Random House (USA), 1991. 344 p.

*10.01.01***О.А. Карманова**

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ,
факультет педагогического образования,
кафедра русского языка и литературы,
Орск, migor11@yandex.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ Е.Р. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

В работе представлено художественное своеобразие книги Е. Рождественской «Двор на Поварской» в русле жанрообразующих начал биографической прозы. Неопределенность жанровой специфики данной разновидности мемуарной прозы и малоизученность творчества автора делает данное исследование актуальным в современном литературоведении.

Ключевые слова: *жанр, мемуарная проза, биографическая проза.*

Книга Е. Р. Рождественской «Двор на Поварской» представляет собой интересное, с точки зрения исследователя, художественное явление. Она может быть отнесена к одной из разновидностей мемуарной прозы – биографической.

В современном литературоведении нет четкого определения особенностей этого жанра. Биографическая проза представляет собой, по мнению ряда исследователей, «сложное социокультурное и художественное явление, отражающее в себе жизнь целого народа(той или иной социальной его прослойки) за определенный период времени(исторической или культурной эпохи), преломленное в ракурсе личностно-художественного восприятия действительности сочинителем – главным героем.»[2; 273-279]

Одним из признаков автобиографической прозы, по М. Бахтину, являются «социальные и прежде всего семейные ценности...организующие частную форму жизни» [1; 58]

Автобиографическая проза ставит в центр повествователя, запечатлевающего как события частной и общественной жизни, так и авторскую оценку изображаемого, что позволяет выделить в ней как документальную, так и исповедальную линии.

В этом отношении книга Екатерины Рождественской «Двор на Поварской» отражает не только жизнь одной семьи, но и через нее как через увеличительную линзу передает атмосферу отечественных пятидесятых – семидесятых годов двадцатого столетия. Не менее важен и сам угол восприятия мира – сквозь призму воспоминаний маленькой девочки, за которой явно просматривается взрослая женщина, становление которой проходило на исходе шестидесятых и которая принадлежала к семье одного из известных и значительных поэтов двадцатого века – Роберта Рождественского.

Само время взросления повествователя и круг московского писательства определили стилистику текста. В нем удивительно гармонично соединяются как отдельные литературные портреты, так и прямые лирические высказывания, прерывающие повествования экскурсами в прошлое и будущее.

Учитывая специфику двойного зрения (ребенка и взрослого), запечатленный материал непосредственно не проживается автором, а сопереживается повествователем вместе с его героями, по их же рассказам. Это очень умело скомпонованные и литературно обработанные рассказчиком воспоминания ее мамы, бабушки, прабабушки и их родных, друзей и соседей. Так формируется сложный ракурс видения действительности: девочки – взрослой женщины – советского человека описываемой эпохи, что и позволяет говорить об атмосфере жизни страны пятидесятых – семидесятых годов.

Субъективность взгляда повествователя определяет не только отбор изображаемого материала, но и его эмоциональную оценку. То перед читателем возникает картина, увиденная героиней в трехлетнем возрасте: «И сразу волшебные, обволакивающие воспоминания: я, совсем еще мелкая, около трех, наверное, бегу...к папе, огромному, заслоняющему солнце...» [3; 7], то тут же появляется более зрелая оценка взрослого человека, иронизирующего над событиями детства: «Я этого дядьку не любила, но мама рассказывала мне, что он писал длинные истории иногда про войну, иногда про мир и что у него была очень терпеливая жена, которая помимо того, что постоянно рожала ему детей, еще и переписывала по многу раз все его длинные истории» [3; 8].

Так на стыке взрослого и детского восприятия возникает ироничный литературный портрет Льва Толстого, памятник которому помещался во дворе дома на Поварской. Ироничность – отличительная черта повествовательной манеры Рождественской. Она позволяет не только облегчить восприятие мемуарного материала, но и продемонстрировать ту черту характера повествователя, которая давала возможность выжить в непростые времена и сохранить при этом в себе гуманные начала. Авторская ирония направлена не только на окружающую жизнь, но и на самого рассказчика. И это определяет доброе отношение автора ко всему, что становится предметом его изображения.

Важной особенностью мемуарного текста Рождественской является включенность собственной биографии и истории семьи в контекст общей истории страны. Через жизнеописание близких ей людей проступают общебытийные начала, формирующие культурно-исторический фон повествования: «И снова начались бессонные ночи. В то время это была целая страна бессонных ночей. Лидка боялась заснуть – вдруг придут и тихо заберут Аллусю? ... Теперь для царских утех уже годится – вон какая красавица выросла!» [3; 212].

Импрессионистичность стиля позволяет плавно переходить от воспоминаний детства самого рассказчика к воспоминаниям близких и соседей, создавая как бы целостное полотно жизни, составленное из пестрых кусочков, каждый из которых внутренне завершен и самостоятелен. Поставленный в центр повествователь объединяет эти внешне разобщенные части в единое целое.

Такая особенность композиционного построения книги позволяет включить в нее разные языковые пласты, отражающие специфику речи героев и их образ мыслей и чувств. В окружении рассказчика оказываются люди разных социальных групп, имеющие сложный опыт выживания в условиях общественных сломов и строительства нового мира. Отсюда и языковой полифонизм текста. Автор мастерски передает не только речевую манеру своих знакомцев, но и через нее создает целостный облик героев.

Книга демонстрирует причудливое соединение в едином пространстве двора и подвала очень разных людей, так что сам бытовой хронотоп книги проецируется на общую картину жизни страны, выявляя в ней официальную, документальную составляющую и в то же время показывая народное восприятие исторических событий.

Несмотря на сложное и противоречивое существование людей в условиях коммунального общежития повествователь стремится подчеркнуть общую добросердечность в отношениях героев, их направленность на взаимоподдержку и выручку. Такая концентрация в передаче умонастроений четче выявляет как индивидуальные, так и общесоциальные привычки и качества. Рассказчик при этом выступает не только сторонним наблюдателем, но и человеком, вовлеченным в этот коммуникативный процесс и им же сформированным.

Само заглавие книги «Двор на Поварской» и пролог, предшествующий ей, акцентируют внимание на географическом топосе мемуаров: город Москва, улица Воровского, 52. Но преобладающим началом городского текста данного произведения становится духовно-культурный топос. Все остальные – географический, природно-климатический и мифологический – подчинены раскрытию главного.

Так определяется внутреннее пространство книги – духовное бытие героев, некогда встреченных автором или известных ему по воспоминаниям близких и знакомых. В каждом из образов рассказчик стремится показать то нравственное начало, которое и определяет личностное восприятие их: «И перевернулось что-то во мне, вылезла наружу какая-то потаенная свобода, ведь если не взяла бы я в тот момент ситуацию в свои руки, то она бы сама взяла меня» [3; 39].

Такая многонаселенность книги расширяет и временные рамки изображаемого, что позволяет говорить не об автобиографии в прямом значении, а о родовой и исторической памяти автора. Такая основа мировидения Рождественской придает устойчивость и основательность жизни в ее вечной и непрерывной сменяемости. Взаимосвязь поколений выступает главным условием обретения человеком себя. История проходит через судьбы семей Киреевских, Крещенских и многих других, отражающих жизнь страны, перипетии ее существования.

Стремление рассказчика изменить фамилию отца с Рождественского на Крещенского, видимо, объясняется желанием убрать влияние имени известного литератора на восприятие прозы его дочери. Но в то же время эта литературная «маска» не меняет общей направленности семантики фамилии (Рождество – Крещение).

Таким образом, основные жанровые и стилевые особенности биографической книги Екатерины Робертовны Рождественской демонстрируют не только ее писательское мастерство, но и основные тенденции развития данного направления отечественной прозы.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; Текст подготовил Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина: примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. *Кислицын К.Н., Родин А.Б., Казакова И.В.* Русская автобиографическая проза последних лет в зеркале литературного конкурса «Бунинская премия» // Знание. Понимание, Умение (Проблемы филологии и искусствознания). – 2016. – № 3. – С. 273-279. – ISSN 1998-9873.
3. *Рождественская Е.Р.* Двор на Поварской. – М. : Эксмо, 2020. – 416 с. – ISBN 978-5-04-109640-3.

10.01.01

Ц. Ли

Московский государственный университет имени Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра истории русской литературы,
Москва, zwli1563107653@outlook.com

ОБРАЗ БОЯНА В ПЕРЕВОДАХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В славянском контексте образ Бояна из «Слова о полку Игореве» не только сочетает в себе историчность и мифологичность, но и развивается в особый культурный феномен. Сложность образа создает трудности для перевода на китайский язык, но в то же время и оставляет большие возможности для его воссоздания. В данной статье исследуются характеристики переводов, сделанных во второй половине XX в., анализируются стратегии, используемые переводчиками, а также рассматриваются образы Бояна, воссоздаваемые в переводах.

Ключевые слова: переводы на китайский язык, Боян, «Слово о полку Игореве», доместикация, форенизация.

Причина постоянного интереса ученых к изучению «Слова о полку Игореве» (далее «Слово») состоит в богатых, неисчерпаемых коннотациях уникального древнерусского шедевра. Таинственная и уникальная фигура Бояна служит ярким примером этого явления. Разнообразные гипотезы о времени жизни, характере деятельности и эпохе творчества Бояна говорят о историчности фигуры; но, с другой стороны, эпоха создания произведения, когда поэзия еще не отделялась от религии, определяет его «сказочную» [3, 328] природу и тот факт, что образ Бояна все-таки приобретает «мифологическую» окраску. Насчет характера и стиля его творчества также существуют различные мнения: при единогласном суждении о том, что оно родственно с народным творчеством, исследователи по-разному определяют степень этого родства.

Сочетание истории и мифологии нередко встречается в древней литературе и составляет «отпечаток поэтического и человеческого духа» [3, 332] той эпохи. «Слову» присуще самобытное смешение языческого и христианского мирозерцания. Именно благодаря конфлюэнции этих противоречивых элементов «Слово» занимает уникальное место в славянском культурном пространстве.

Будучи одним из главных образов этого «прекрасного благоухающего цветка» [3, 333], Боян известен миллионам читателей со школьной скамьи. Его образ глубоко укоренен в национальную культуру и развился в ее неотъемлемую часть. По имени Бояна назывались журналы, корвет, крейсера и т.д. [4], о нем упоминают известные писатели, его ассоциируют со словесным творчеством, с музыкальной культурой или искусством в целом. Таким образом, Боян стал уникальным литературным, культурным и историческим явлением.

Следует учитывать, что речь до сих пор шла почти исключительно о восточнославянском, или, шире, славянском контексте. При изучении «Слова», в том числе и при рассмотрении образа Бояна, не стоит забывать о всемирном значении произведения. «Слово» было переведено на разные иностранные языки, так что в аспекте рецепции данного памятника во всем мире важно не только то, как он исследуется на «своей почве», но также то, что и как передается переводчиками в инокультурных средах, где большинству читателей оригинал совершенно недоступен.

Французский литературный критик и социолог Робер Эскарпи выдвинул интересное понятие «творческая измена» (англ. “creative treason”) для анализа феномена перевода. Он заметил, что перевод продляет жизнь исходного текста и одновременно дает ему новую,

вторую жизнь [18, 137-138]. Его концепцию разделяют и другие ученые, так, Андре Лефевр и Сьюзан Басснетт определяют «рерайтинг» (англ. “rewriting”) [2, 147-148] как суть деятельности переводчика. Их мнения сходятся именно в осознании различия между оригиналом и переводом. Все они трактуют перевод не просто как «механическую работу», но как «творческую деятельность», имеющую нетривиальное социальное и антропологическое значение. Путем перевода художественное произведение помещается в совершенно новую, чужую реперную культурную систему [18, 137]. Как и критика, перевод представляет собой «манипуляцию» над оригинальным текстом [6, VII]. Переводчик одновременно творец, сглаживающий «отчужденность» оригинала по времени или месту [2, 147]. В процессе исследования мы заметили, что при воссоздании образа Бояна в переводах «Слова» на китайский язык наблюдается явная «субъективная активность» переводчиков.

В настоящее время китайской аудитории доступны два перевода «Слова». Это переводы литературоведа Вэй Хуаньну и лингвиста, лексикографа Ли Сииня. Перевод Вэй «был составлен во второй половине 1954 года, после многократных доработок вышел на свет в 1957 году» [14, 13] и впоследствии многократно переиздан (в 1983, 1991, 2000 и 2017 гг.) с поправками и изменениями. Это был период, когда образовалась КНР и усилилось взаимодействие между странами социалистического лагеря. На протяжении 1950-х годов и переводчики, и читатели видели в литературах советских народов почти исключительно «великую духовную силу коммунизма и славный художественный образ народа» [8, 1]. Идеологическое влияние явно наблюдается в переводе Вэй. Следует подчеркнуть, что он переводил не на основе оригинального древнерусского текста, а по переводу Д.С. Лихачева на современный русский язык [14, 13] [12], что, как мы увидим дальше, тоже оказывает влияние на результат.

Если Вэй выразил свою творческую активность выбором идеологического тона произведения и основы для перевода, то Ли проявил инициативу в области функционирования перевода. Перевод Ли сначала был издан в 1991 г. для внутреннего обучающего пользования в Хейлунцзянском университете [17, 56]. Учебное пособие потом было опубликовано в 2003 г. с текстами на древнерусском и китайском языках. В 1999 г. и 2018 г. соответственно вышли в свет первая и вторая редакция перевода на основе этого учебного пособия. В нем явно видно влияние первоначальной учебной цели. Воспринимая текст «Слова» как «комплексную тренировку» «древнерусского языка XII-XIII вв.», Ли отдельно подчеркивает лексическую и грамматическую специфику памятника в предисловии [13, 9]. Там же он заявляет, что использовал текст «Слова», реконструированный В.В. Колесовым [13, 12], хотя, как мы видим в учебном пособии, он разбил текст В.В. Колесова на ритмические единицы, а потом организовал его в абзацы, не соответствующие разбивке текста В.В. Колесова. Это значит, что он переводил либо действительно на основе текста В.В. Колесова, но изменил его форму, либо по другому тексту, но не заявил об этом. Вполне возможно, это результат его стремления проявить свою инициативу и отличаться от предшественника, на чем мы остановимся дальше. Мы будем опираться главным образом на издание перевода, а учебное пособие будем упоминать только при наличии его отличий от перевода.

В переводе Ли, как будет показано ниже, нередко встречаются пропуски и сокращения оригинального текста. Это может объясняться тем, что при преподавании эффективнее заострить внимание на главных смыслах текста, чем переводить буквально и точно. Перевод Ли одновременно имеет черты перевода и пересказа, в чем также выражается субъективность переводчика.

Имя собственное Боян пишется у двух переводчиков разными иероглифами. Общее представление о Бояне дается посредством паратекстов, в частности, предисловий и примечаний. Паратексты являются непосредственным проявлением «творческой измены»: здесь китайские переводчики предлагают свое собственное понимание текста от первого лица.

В предисловии к своему переводу Вэй отмечает, что «изображение автором образа поэта народа Бояна в начале эпоса имеет особое значение». Это «пророк», «древний соловей», «мудрый древнерусский поэт народа эпохи Ярослава». Вэй указывает на то, что Боян хорошо помнил усобицы прошлых времен и восхвалял старого Ярослава, храброго Мстислава и красивого Романа Святославича. Автор «Слова» выразил «уважение к безудержной фантазии Бояна и его риторически украшенной речи», но в то же время подчеркивал, что он будет строить свою поэму по «былинам сего времени», а не по образцу Бояна. Таким образом, Вэй считает, что важность образа Бояна в «Слове» состоит в его концептуальном замысле для построения поэмы в целом. Автору был нужен образ Бояна, чтобы подчеркнуть, что он будет повествовать в соответствии с реальностью, без преувеличенных похвал князьям. Автор не демонстрирует отрицательного отношения ни к русским князьям, ни к творчеству Бояна; но сам он не является наследником бояновых песней – его слова не становятся чистой похвалой князьям [14, 9].

Двойственное, сложное отношение автора «Слова» к князьям и к Бояну в представлении Вэй полностью соответствует мнению Д.С. Лихачева [12, 27-32], кроме одного важного и интересного эпитета – «поэт народа (人民诗人)». Этот эпитет употребляется не в синонимическом значении «фольклорного поэта» или в антонимическом значении к «придворным», для обозначения которых используется словосочетание «народный поэт (民间诗人)». Оборот «人民» определяет народную классовую природу Бояна. Скорее всего, это либо невольное «творчество» переводчика в ответ на идеологический фон и строгую цензуру того времени, либо несознательная интерпретация древнерусской литературы по образцу своей эпохи. Но во всяком случае китайский переводчик пользовался явной доместикационной стратегией (сознательно или несознательно). Очевидно, если Боян изменился таким идеологически правильным в тогдашнем общественно-политическом контексте образом, он неизбежно лишился и мифологического характера, и связи его творчества с фольклором.

В примечании к имени Бояна Вэй представляет его так: «Боян, или Баян, древний певец народа, встречается только в «Слове о полку Игореве». В других древнерусских памятниках (например, в летописях) его имя не упоминается. Судя по эпохе князей, упомянутых в «Слове», которых он восхвалял, можно сделать вывод, что он был еще жив во второй половине XI века. Автор «Слова» прекрасно описал стиль его поэзии, целью которой было восхваление князя. Он поет под аккомпанемент гуслей» [14, 40].

Как сам Вэй отмечал в предисловии, его примечания восходят к комментариям Д.С. Лихачева [12, 193-194]. Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, неточность перевода сведений о времени жизни Бояна. По сравнению с тем, как это излагается у Д.С. Лихачева («Из упоминаний в «Слове» князей, которым пел «славу» Боян, можно заключить, что он жил во второй половине XI века» [12, 193-194]), Вэй заострил внимание не на самом времени, а на том, что Боян тогда «был еще жив», и тем самым превратил условное предположение Д.С. Лихачева в констатацию факта. Во-вторых, неточность утверждения о том, что имя Бояна встречается «только» в «Слове». Как ни странно, Д.С. Лихачев действительно упоминает о исключительности Бояна в «Слове» [12, 193], и объяснение Вэй здесь ничем не отличается. Однако в 1983 г. во второе издание к переводу «Слова» Вэй добавил в качестве приложения перевод «Задонщины», где также называлось имя Бояна. Послесловие к переводу «Задонщины» сообщает, что черновик перевода был составлен уже в 1957 г. Даже если предположить, что Вэй еще не переводил «Задонщину» до своего первого издания «Слова», то после второй редакции второго издания 1982 г., в которой, как Вэй сам признал в предисловии, он «почти не изменил основной текст перевода и примечаний к нему», и после «серьезной редакции» (третьей) для четвертого издания с мая по октябрь 1995 года, когда он «еще раз сделал тщательную правку на основе исходного текста и много раз перечитывал его» [14, 13], фраза о том, что Боян упоминается только в «Слове», все еще остается в пятом издании.

Упоминаний о Бояне в переводе Ли намного меньше, чем у его предшественника.

В предисловии о нем не говорится, а в примечании к имени Бояна он пишет: «Неизвестно кто. Это имя написано на столбах киевской Софии, что говорит о том, что это не поддельное имя. Может быть, он – придворный певец, живший в XI веке и певший князям и их родственникам...» [15, 2].

Упоминаний о Бояне в предисловии к учебному пособию (2003 г.) чуть больше. Обобщая основные оппозиции «Слова», Ли выделил антитезу «автор – Боян» наряду с «Русь – половцы», «человечество – природа», «свой город – чужая земля», «свет – тьма», «горе – радость» [13, 10]. Кроме того, в учебном пособии переводчик добавил еще несколько предложений об интерпретации образа Бояна в современной славистике. Но он недопонял мнение В.Ф. Ржиги, который признавал связь между Бояном и Ярославом, но одновременно считал предположение о том, что Боян служил одной княжеской ветви, «спорным и даже неприемлемым по существу» и заявлял, что Боян «был песнотворец более широкого размаха и более глубокой исторической преемственности» [13, 68] [10, 430]. Упоминаемая Ли гипотеза Джорджа Дж. Пережда о норвежском происхождении Бояна и о его службе при византийском дворе [13, 68] совсем не соответствует господствующим мнениям по этому вопросу. В то же время такие фундаментальные сведения, как гипотеза о связях между автором «Слова» и Бояном, основные мнения о значении слова «Боян» и др. отсутствуют. Обсуждение недостаточной научности учебника уведет нас далеко в сторону от рассматриваемой темы, тем более, что чаще всего интерес обучающихся состоит не столько в авторитетности информации, сколько в ее сенсационности. Аудитории иногда оказывается намного интереснее чуждость или сродность других культур и литератур, чем чистая научность. Нам здесь актуален мотив переводчика: он творчески перестроил концепцию образа Бояна ради успеха на уроке, пожертвовав точностью передачи информации.

Мы можем сказать и об общности двух переводов. И Вэй, и Ли не обращают внимания на мифологичность Бояна. В целом истолкование Ли ничем не превосходит содержание перевода Вэй. Можно утверждать, что первый доступный перевод уже дал общую основу для дальнейшей рецепции этого образа на китайской культурной почве. Кроме того, как лингвист и лексикограф, Ли уделяет меньше внимания литературной стороне произведения. Поэтому, как он ни старался оторваться от влияния предшественника, приведя не использованные ранее цитаты и факты (граффито на стене киевской Софии и т. д.), его представление о Бояне вторично по отношению к пониманию Вэй. А то, чего не было у Вэй (например, что имя Боян может обозначать «нарицательное слово, обозначающее певца, поэта, сказителя вообще» [4]), отсутствует и у Ли. Мы предполагаем, что работа Ли тоже является особым рода «творческой изменой» перевода Вэй.

В переводах атрибутов и эпитетов, а также в примечаниях к ним тоже заметно, как переводчики участвуют в ретворчестве.

Таблица 1 – Эпитеты «вѣщій», «соловей старого времени», «велесовъ внукъ» и «смысленый» в спи 1800, переводах д.с. Лихачева и вэй хуаньну

СПИ 1800	Перевод Д.С. Лихачева 1955	Перевод Вэй 2017
«Боянъ бо вѣщій , ...» [11, 2]	«Ибо Боян вещий , ...» [12, 49]	«Потому что пророк Боян, ...» [14, 15]
«О Бояне, соловию старого времени! ...» [11, 6]	«О, Боян, соловей старого времени! ...» [12, 53]	«О, Боян, ты – соловей старого времени! ...» [14, 16]
«Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче... » [11, 7]	«Или так бы начать петь, вещий Боян, внук Велеса... » [12, 55]	«Или ты, ах, волшебник Боян, потомок Велеса, Пойте так...» [14, 17]
«Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече...» [11, 37]	Ему вещий Боян Давно припевку, разумный, сказал...» [12, 97]	« Пророк Боян, тот разумный человек, уже давно спел ему припев...» [14, 34]

Таблица 2 – Эпитеты «вѣщий», «соловей старого времени», «велесовъ внукъ» и «смысленный» в реконструированном тексте в.в. колесова и переводе Ли Сииня

Текст В.В. Колесова	Перевод Ли 2018
«Боянь бо вѣщий , ...» [16, 37]	«Боян эрудированный и памятный : ...» [15, 2]
«О Бояне, солóвию старóго врѣмене! ...» [16, 38]	«Ах, Боян, ты – золотая иволга эпохи! ...» [15, 4]
«Чилѣ вѣспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче... » [16, 38]	« Пророк Боян, наследник бога поэзии , или ты просто пой...» [15, 5]
«Тóму вѣщеи Боянь и пѣрвóе припѣвку, смысленни рече...» [16, 42]	« Пророк Боян уже сказал раньше...» [15, 43]

Рассмотрим перевод атрибута «вѣщий», описывающего Бояна и три раза появляющегося в «Слове».

В обоих переводах фигурирует вариант «пророк». «Пророк» и «волшебник» у Вэй сохраняют и сказочность этого образа, и его «мудрость, прозорливость, умелость» [14, 34] [7, 247]. Это не только говорит о верном понимании образа, но и подтверждает нашу гипотезу о том, что Вэй, выступая субъективным творцом содержания, оказывается под идеологическим влиянием той эпохи. Для атрибута «смысленный» Вэй предложил вариант «тот разумный человек» в соответствии с толкованием Д.С. Лихачева [14, 34] [12, 97].

Ли тоже использовал слово «пророк» при переводе слова «вѣщий». Но, чтобы не полностью совпадать с Вэй, Ли предложил еще одну вариацию, сочетая интенцию слова «вѣщий» со значением атрибута «смысленный» («эрудированный и памятный»), и переместил ее [15, 2, 43], используя особую доместикацию. Таким образом, он подчеркнул «мудрость, прозорливость, умелость» [7, 247] Бояна, но убрал мифологическую окраску.

Рассмотрим сравнение «соловей старого времени».

Здесь присутствует очень интересный культурный конфликт. Казалось бы, перевод Вэй в большей степени приближается к оригинальному выражению. Но как в славянской, так и в китайской культуре золото и вещи золотого цвета указывают на высокий род, власть; однако, когда в славянской культуре вещей птицей выступает (золотой) соловей, в Китае издревле упоминается (золотая) иволга. Кроме того, как обобщает В.П. Адрианова-Перетц, в древнерусской литературе XI в. сравнение «соловей» приложимо к поэту [1, 58], хотя вообще сравнение благородных людей с «доброгласными птицами» часто встречалось в литературе той эпохи. В китайской литературе и культуре аналогичную роль играет иволга, что восходит к давней традиции сравнения образованного, благородного человека с благоухающими цветами или красавицами. Сходство между ними заключается в приятном внешнем виде или привлекательном впечатлении: в произведениях поэт пытается проявить благородство своей души. Впоследствии сравнение стало применяться в более широком спектре. Так, известный поэт династии Цин Налань Синдэ, когда ему пришлось служить при императорском дворе по приказу властителя, сравнивал себя с иволгой в клетке [9, 39]. В то же время соловей в китайской литературе тоже считается хорошо поющей птицей. Например, воспевая наступление весны, известный поэт Ду Фу описывает поющих над цветами соловушек [5, 167]. Таким образом, перед нами симметричная, но непротиворечивая культурная парадигма, поэтому здесь уместны обе вариации. В этот раз Вэй предпочел форенизационную стратегию, в то время как Ли применил стратегию доместикации.

Рассмотрим также эпитет «Велесовъ внукъ» и примечания к нему. Вэй использовал вариант «потомок Велеса» и почти полностью перевел примечание Д.С. Лихачева: «Велес, или Волос, (скотий бог), неоднократно упоминаемый в летописях. Говорят, что в X веке в Киеве, Новгороде и других местах стояли статуи Велеса (Волоса). По-видимому, Велес-Волос также считается покровителем поэтов. Т.е. это бог пастухов и бог поэзии одновременно. В «Слове» часто упоминаются языческие боги, что свидетельствует о сохранении идеологических остатков древнего родового общества в мировоззрении автора.

Люди и стихии – потомки, внуки богов, боги – предок; Боян – потомок Велеса; ветры – потомки Стрибога; русский народ – потомок Дажьбога» [14, 41].

Но здесь стоит подчеркнуть слово «почти», потому что Вэй опять изменил один нюанс. Ведь слова о «сохранении идеологических остатков древнего (т. е. отсталого. – *Ц.Л.*) ... общества» – еще одно определение, характерное для китайского общества того периода, с явным отрицательным оттенком. Путем стратегии доместикации Вэй осуществил «творческую измену», еще больше ослабившую мифологическую основу образа.

Субъективное воздействие наблюдается и в переводе Ли. Он превратил оригинальное выражение с именем бога в простое словосочетание «бог поэзии» и не дал никаких примечаний об этом боге. В предисловии Ли отмечает, что не согласен с методом Еремина, который пропускал непонятные места и не переводил их при наличии сомнений. Ли думает, что это делает работу незавершенной, и именно поэтому старается подобрать самые простые слова, соответствующие контексту [14, 21]. Хотя концепция Ли оказывается вполне оправданной, его определения «непонятных мест» остаются под вопросом. В данном случае он допустил неверный или неудачный перевод, что объясняется либо его первоначальной целью, либо недопониманием исходного текста.

В учебном пособии в примечаниях добавлено объяснение: «Велес, или Волос, покровитель пастухов и поэзии. В X веке в таких больших городах, как Киев и Новгород, стояли его статуи. В XII веке у русского народа было глубокое религиозное мировоззрение, поэтому в этом памятнике не раз используются такие слова, как «внук», «сын» и т. д.» [14, 79]. Кроме содержания, совпадающего с Вэй, последнее предположение оказывается непонятным. У Д.С. Лихачева есть более оправданное объяснение о том, что мы имеем здесь «типичное псевдоклассическое клише», когда «внук» подразумевает «потомка» [7, 26]. Получается, что Ли допускает неверный перевод, что приводит к непониманию читателями и самого текста, и образа Бояна.

Перевод представляет собой свидетельство того, как интерпретируются художественное произведение и художественные образы в чужой культуре. В нашем случае разные отправные точки двух разных переводчиков приводят к различиям и в общих характеристиках их переводов. В переводе Вэй замечается определенное искажение под давлением идеологии той эпохи. Основная цель Ли – языковое обучение, в связи с этим его версия в значительной степени является функциональным, а не литературным переводом в полном смысле этого слова.

Образы Бояна, созданные в этих переводах, совпадают не полностью. В переводе Вэй Боян – это в меньшей степени мифологическая, а в большей степени «идеологически правильная» фигура. Он считается потомком бога поэзии Велеса, умелым певцом-поэтом своего времени и упоминается автором для выражения своего отношения к творчеству. Образ Бояна в переводе Ли оказывается более туманным и смутным. Это был киевский поэт XI в., который считается благородным наследником бога поэзии, и, возможно, служил при дворе Ярослава (но существует вероятность, что он на самом деле норвежского происхождения). Оба переводчика заметили антитезу «автор-Боян». Но другие детали и нюансы они либо пропустили, либо недопоняли и перевели неверно. Вэй вносил идеологические изменения, ослабляя мифологическую сторону фигуры. Кроме того, он почти исключительно опирался на перевод и объяснение Д.С. Лихачева. Чтобы отличаться от перевода Вэй, Ли приводил более широкие цитаты, но иногда включал неавторитетные мнения, а иногда неправильно передавал смысл исходных предположений. Кроме того, в обоих переводах отсутствуют упоминания о современном общественно-культурном значении образа Бояна.

Список литературы

1. Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI-XIII веков / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: М. П. Алексеев, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов (отв. ред.). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 58.
2. Басснетт С. Переводческий поворот в культурологии // Конструирование культур: очерки литературного перевода / ред. Басснетт С, Лефевр А. – Шанхай (Китай): Шанхайское педагогическое издательство иностранных языков, 2001. С. 147-148. (Bassnett S. The Translation Turn in Cultural Studies = 文化研究中的翻译转向. // Constructing Cultures: Essays on Literary Translation = 文化建构: 文学翻译论集 / ed. Bassnett S., Lefevere A. – 上海 (中国): 上海外语教育出版社, 2001. – P. 147-148.)
3. Белинский В.Г. Статья III // Статьи и рецензии [1841]. [Сочинения]. Т. 5. – С. 328-401.
4. Дмитриев Л.А. Боян // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. А-В. – 1995. – 276 с. [Эл. ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/sloven/ес/> (дата обращения 20.04.2021).
5. Ду Ф. Когда гуляю по берегу реки, ища цветы (шестое) // Сборника стихотворений Ду Фу. Путеводитель / ред. и ком. Лю Кайян, Лю СиньШэн. – Пекин (Китай): Международное издательство телерадиовещания, 2009. – С. 167. (杜甫. 江畔独步寻花 (其六) // 杜甫诗集导读 / 刘开扬, 刘新生编著. – 北京 (中国): 中国国际广播出版社, 2009. – P. 167.)
6. Лефевр А. Перевод, переписывание и манипулирование литературной славой. – Шанхай (Китай): Шанхайское педагогическое издательство иностранных языков, 1992. – С. VII. (Lefevere A. Translation, rewriting and the manipulation of literary fame = 翻译、改写以及对文学名声的制控. – 上海 (中国): 上海外语教育出版社, 1992. – P. VII.)
7. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – 2-е изд., доп. – Л.: Худож. лит., 1985. – 253 с.
9. Мао Д. Рекомендация к изданию // Советская литература – хороший наставник и полезный друг народа. – Пекин (Китай): Пекинское издательство книжного магазина Синьхуа. 1960. – С. 1. (茅盾. 推荐的话 // 苏联文学是人民的良师益友. – 北京(中国): 新华书店北京发行所, 1960. – P. 1.)
9. Налан С. Песнь о иволге в клетке // Сборник стихотворений и критики Налан Синдэ / ред. и ком. Ма Найлю, Коу ЦзунЦзы. – Шаньси (Китай): Народное издательство Шаньси, 1988. – С. 39. (纳兰性德. 咏笼莺 // 纳兰成德诗集、诗论笺注 / 马乃骝, 寇宗基编注. – 山西 (中国): 山西人民出版社, 1988. – P. 39.)
10. Ржига В.Ф. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Известия АН СССР сер. ОЛЯ. 1952. Т. 11, вып. 5. – С. 428-438.
11. Ироическая песнь о походе на половцов старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. – М.: Вьсенашская типография. 1800. – 46 с.
12. Слово о полку Игореве / Вступ. статья, ред. текста, дословный и объяснит. пер. с древнерус. и примеч. Д. Лихачева; Ил.: В. А. Фаворский и М. И. Пиков. – Москва: Детгиз, 1953. – 220 с.
13. Слово о полку Игореве / пер. Ли Сиинь. Пекин (Китай): Коммерческая пресса, 2003. – 128 с. (伊戈尔出征记 / 李锡胤译. – 北京 (中国): 商务印书馆, 2003. – 128 p.)

14. Слово о полку Игореве // Переводы Вэй Хуаньну. Слово о полку Игореве. Стихотворения Некрасова / пер. Вэй Хуанну. Пекин (Китай): Народное литературное издательство, 2017. – С. 1-83. (伊戈尔远征记 // 魏荒弩译伊戈尔远征记. 涅克拉索夫诗选 / 魏荒弩译. – 北京(中国): 人民文学出版社, 2017. – Р. 1-83.)
15. Слово о полку Игореве / пер. Ли Сиинь. – Нанькин (Китай): Издательство Илин, 2018. – 455 с. (伊戈尔出征记 / 李锡胤译. – 南京 (中国): 译林出版社, 2018. – Р. 455.)
16. Колесов В.В. Ударение в «Слове о полку Игореве». // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – Т. 31: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. – С. 37-43.
17. Цзо Ш. Комментарий к переводу «Слова о полку Игореве» // Обучение русскому языку в Китае. – 2003. – Т. 22, № 3. – С. 55-58. (左少兴. 《伊戈尔出征记》译注本评介 // 中国俄语教学. 2003. Vol. 22, № 3. – Р. 55-58.)
18. Эскарпи Р. Социология литературы / пер. Ван Мейхуа, Ван Пей. Аньхой (Китай): Аньхойское художественное издательство, 1987. С. 137-138. (埃斯卡皮·罗. 文学社会学 / 王美华、王沛译. – 安徽 (中国): 安徽文艺出版社, 1987. – Р. 137-138.)

10.01.01

¹Цзя Юннин канд. филол. наук, ²Г.Х. Алеева канд. филол. наук

¹Сианьский нефтяной университет,
кафедра русского языка,
Сиань, КНР, Jianin9@yandex.ru

²Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра теории и практики преподавания иностранных языков,
Казань, algula@ro.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА

Статья посвящена творчеству А.Несмелова, крупнейшего поэта русского зарубежья первой волны дальневосточной ветви. Рассматривается художественное своеобразие его поэзии в четырех аспектах: экфрасис и миниатюрная форма китайских стихотворений, есенинская метафора, гумилевская предметность и сюжетность стихов, единство внутреннего и внешнего в посвященной теме, а также преемственность Серебряного века в темах и творческой идее.

Ключевые слова: *Арсений Несмелов, поэзия, художественное своеобразие, единство формы и содержания, Серебряный век.*

А.Несмелов (1889-1945) по праву называется многими учеными и исследователями крупнейшим поэтом русского зарубежья первой волны дальневосточной ветви. Его талант проявляется в его поэзии и прозе, произведениях собранных друзьями и исследователями, и напечатанных в журналах разных стран мира. Художественный мир А.Несмелова богат и разнообразен. По уровню художественности и творческой идее мы можем отнести Несмелова к эпохе Серебряного века, хотя по времени творчества он вышел за ее рамки. Как преемник Серебряного века в своем творчестве он продолжал и развивал традиции, усвоенные в юности в России. В его творчестве обнаруживаются реминисценции выдающихся поэтов разных направлений (символизма, акмеизма и футуризма): А.Блока, С.Есенина, Н.Гумилева, М.Цветаевой, В.Маяковского, Н.Асеева, Б.Пастернака и т.д. В то же время его творчество приобретает яркий индивидуальный стиль, которое мы рассматриваем в четырех аспектах: поэтическая форма, художественные приемы, единство формы и содержания, творческая идея.

Экфрасис и миниатюрная форма китайских стихотворений.

При разборе китайских стихотворений поэта мы выделяем следующие особенности его творчества: соответствие стихотворений миниатюрной форме китайской поэзии в синтезе с экфрасисом (словесным рисунком). Благодаря художественным приемам русской и китайской литературы автору удалось передать единство формы и духа его специфических китайских стихотворений. На самом деле, единство внешней поэтической формы и внутреннего семантики характерно для всего творчества А. Несмелова, в чем воплощается его творческий принцип и основные художественные методы. Важно отметить акцентирование А. Несмеловым на приеме экфрасиса – описания произведения искусства, характерного для китайской поэзии. Для А.Несмелова образ Китая становится поэтическим образом прекрасного, для которого он – во вне. «Отстранение» мы можем наблюдать в стихотворении «В Китае»: эстетическая составляющая становится преобладающей в восприятии страны, приютившей поэта. Он использует безэквивалентные слова, красиво звучащие, но остающиеся чужими для русского читателя. Такой Китай является пристанищем эмигранта, который не знает языка и не способен слиться с этой страной, ее культурой. Поэт чувствует себя здесь чужим. Использование экфрасиса становится стилиевой доминантой стихов Несмелова, в которых он обращается к образу Китая. Мы отмечаем, что в

китайских стихотворениях поэт уделяет большое внимание метрике и ритмике в целях достижения соответствия миниатюрной форме китайской поэзии (четырёхстопный ямб с цезурой, трехсложные размеры, реже пятистопный ямб). Поэт использует широкое многообразие метрических и ритмических средств: «от самых распространенных в поэзии Серебряного века четырехстопных (часто чередующихся с двустопными) ямбов и хореев и трехсложных размеров (чаще это пятистопные амфибрахии и анапесты) до редко встречающихся в поэзии XX века восьмистопных (<ветер обнял тебя, ветер легкое платье похитил>) и семистопных (<День начался зайчиком>) размеров. Используется поэтом ритм баллады (<Стихи о револьверах>) и трехстопный ямб с пиррихией в третьей стопе (<Русская сказка>) и т.д.» [1]. Рифмовка поэта представляется нам более простой, чаще всего используется перекрестная рифмовка. Согласимся с утверждением О.Бузуева о чередовании точных рифм «с неточными, сложными и тавтологическими» [1].

Есенинская метафора, гумилевская предметность и сюжетность стихов.

Основные художественные приемы поэта продолжают традицию есенинской метафоры, что особенно проявляется в «цветовой» метафоричности, гумилевской предметности и сюжетности стихов. Поэзия А.Несмелова изобилует разнообразными колористическими эпитетами: пурпурный, красно-медный, огненный, розовый, желтый, золотой, коричневый, белый, черный, серый, синий, голубой, снежный, серебряный цвет и т.д. Остановимся на трех цветах, имеющих важное метафорическое значение: бронзовом, голубом, серебряном. Используя различные яркие цвета, автор в стихах, посвященных Китаю, нарисовал одну за другой великолепные картины страны, которая его приняла. Многократно повторяющееся слово «бронзовый» приобрело устойчивое значение: этот цвет ассоциируется с образом китайского крестьянина – воплощения национального духа этой древней земли. Важна в творчестве А. Несмелова и символика голубого цвета. Лишь в одном стихотворении («Новогодняя ночь») эпитет «голубой» повторяется семь раз:

Голубому зерну звезды
Над домами дано висеть.
Этот снег голубей воды
И на нем теневая сеть.
Этот шаг, что скрипит в снегу
На пластах голубой слюды
Город нового года ждет,
Город сном голубым объят
На цепях голубых орбит,
Надо мной голубая ночь.
Не грусти за мою судьбу:
В ней огонь голубых стихий. [7, с.187-188]

Этим метафорическим приемом автор передает свою любовь к Родине.

В стихотворении «Последний путь» автор использует «серебряный» цвет для обозначения Серебряного века: «Серебряный снег и серебряный гроб,/ И ты, тишина, как последняя милость...» [7, с.184]. Завершение эпохи Серебряного века символизирует смерть А. Блока. Для создания образа мертвого поэта автор использует слова «снежинки» и «мраморный лоб», общепризнанные характерные черты поэзии и портрета поэта, противопоставляет «живую снежинку» мертвому телу.

В стихотворении «Снежное утро» (1941) употребляется сразу три цветowych эпитета: фарфоровый, голубой и серебряный. Можем предположить, что слово «фарфоровый», использованное в реминисценции китайских стихов «Фарфоровый павильон» Н. Гумилева (сам фарфор происходит из Китая), приобрел символическое значение, связанное с Китаем. Стихотворение имеет кольцевую композицию, передающую эмигрантское бытие поэта:

Стихает боль моей тревоги
Душа ущерба лишена,
А на фарфоровой дороге

Фарфоровая тишина.
И все острее нетерпенье
Слиянья полного с путем
Блаженного исчезновенья
В серебряном и голубом [7, с.304-305]

В этих двух строфах ключевая черта образа Китая – тишина. «Безмерна статика покоя», от «кроковой» жизни автор с нетерпением бежит в светлый поэтический мир Серебряного века «голубой» России. Стихотворение имеет кольцевую композицию: в начальной и завершающей строфах повторяются фразы «Фарфоровое это утро/ Серебряное с голубым», передающие эмигрантское бытие поэта:

Совсем не так: не пух, не пудра...
Она мне кажется иным –
Фарфоровое это утро
Серебряное с голубым.
Но слаще всех причуд поэта –
Быть просто радостно-живым
В фарфоровое утро это
Серебряное с голубым [7, с.304-305]

Кроме есенинской цветовой метафоры, другая характерная черта поэзии А. Несмелова заключается в преемственности литературной традиции акмеизма. Ясность, четкость и вещественность прослеживаются во всем творчестве А. Несмелова. Эта особенность является и общей характеристикой поэзии русских авторов в Китае. Как В. Перелешин писал в мемуарах «Два полустанка»: «В качестве знамени новой организации («Чураевка» (1926-1935) – Ц. Ю.) был выдвинут Гумилев» [6]. Для А. Несмелова жизненный путь офицера, сходный с биографией Гумилева, обуславливает общее внимание к военной теме, поэзии романтического героизма. Яркими примерами этого служат стихотворения «Через океан», «Баллада о Даурском бароне», «В ломбарде» и т.д.

В творчестве А. Несмелова обнаруживается стремление к синтезу прозаического и поэтического. Его поэзия приобретает повествовательный, нерративный характер. В стихах «Ночью», «Потомку» поэт разворачивает повествование в форме диалога. Прием кольцевой композиции также часто употребляется в стихотворениях А. Несмелова («Снежное утро», «Слепец», «Все настойчивее и громче»). Иногда автор использует повторы для усиления выразительности и экспрессивности («Глаз таких черных, ресниц таких длинных», «Флейта и барабан» и т.д.).

Единство внутреннего и внешнего в посвященной теме.

Характерной чертой поэзии А. Несмелова является единство поэтической формы и содержания, единство внутреннего и внешнего, проявляющееся во всем его творчестве. В некоторых любовных стихах наблюдается особенная художественная форма, противопоставляющая друг другу женскую и мужскую позиции. Стихотворение «Жена» написано четверостишием в чередовании с трехстишием. Четверостишие и пятистопный ямб используется для описания действий юноши, трехстишие и двустопный дактиль – для изображения действий его подруги. Неровные по длине строфы и разные размеры показывают не только различие в ролях героев, но и, что более важно, передают несогласие в их действиях и психологическом состоянии.

В стихотворении «Глаз таких черных, ресниц таких длинных», рассказывающем о любви между царем Соломоном и девушкой Суламифью также используется чередование четырехстопного и двустопного дактиля в одной строфе. На этот раз в описании красавицы Суламифи три раза повторяется анафора «Глаз таких черных, ресниц таких длинных», для изображения мудрости и величия царя Соломона используются короткие строки. Единство формы и содержания обнаруживается и в былинных и сказочных темах, «Протопопица» (1939) написана в стиле русской народной быliny.

В произведении «Оборотень» (1921), посвященном гению Маяковского, автор использовал свойственную гениальному футуристу гиперболу для передачи его «бизоньего напора и мощи таланта» [1]. Переключка с В. Маяковским присутствует в сатирическом стихотворении «Р. В. 15» [7]. Стихотворение написано короткими строчками: « – Говорит Хабаровск, / Р. В. 15 / На волне в семьдесят метров... ». Несмелов употребляет характерные для поэзии В. Маяковского риторические вопросы и восклицания («Революционная гроза? / Где там!», олицетворение (Родина декламировала / сказала...) и ряд звукоподражательных слов: «Шорох, треск, писк / ... Писк, визг. Бренчанье / Визг, вой, давка». Несколько раз повторяющееся слово «Родина», обозначающее здесь «Советскую Россию», и «революция» приобретают иронический оттенок: «Родина! Я уважаю революцию, / Как всякое через, над и за» [7, с. 110-111]. На самом деле, стихотворения в стиле футуризма составляют небольшую часть в поэзии А. Несмелова. Как отметил Вадим Крейд, «прирожденный акмеист победил в нем случайного футуриста» [2]. Влияние футуризма больше проявляется в ранней поэзии А. Несмелова. Это связано с его личным знакомством с поэтами-футуристами (Н. Асеевым, С. Третьяковым), а также с творчеством В. Маяковского,

Б. Пастернака, И. Северянина, В. Гофмана и т.д. [9]. Согласно мнению А. Г. Гачевой, хотя отдельные поэты-футуристы и вдохновляли раннего Несмелова, он черпал из этого источника не так, чтобы «наполнить сосуд до краев» [3]. В зрелом периоде творчества А. Несмелова, как нам представляется, стихи не имеют ярко выраженной стилиевой принадлежности к футуристическому направлению. Нет языкового эксперимента, слома грамматических норм языка. Поэтическая форма для А. Несмелова никогда не является «искусством для искусства». Она всегда насыщена мыслью и идеей. В этом и состоят художественная и мировоззренческая особенности творчества поэта. В отношении поэтического творчества А. Несмелов выступает против того, чтобы «изобретать приемы ради самих приемов, вне зависимости от того, что при помощи их выражено» [8]. Он считает, что доведенное до крайности формальное мастерство «превращало поэзию в искусство для единиц, т.е. уничтожало значение ее как социально-культурного фактора. Лишь при ослаблении влияния формальной установки, поглощающей всю творческую волю, может выявиться и другая, теперь затененная и скрытая под словесными загадками сторона искусства: семантическая, смысловая» [8]. Эти теоретические размышления позволяют нам понять творческий принцип поэта.

Преемственность Серебряного века в темах и идее.

В творческих экспериментах А. Несмелова очевидна преемственность разных направлений Серебряного века и, главным образом, традиции гумилевского акмеизма и есенинской метафоры, которые тесно связаны с основными темами и творческой идеей поэта. Экзотические и военные темы, свойственные стихам Н. Гумилева, находят устойчивое отражение и в поэзии А. Несмелова. Тема реального пристанища русской эмиграции, Китая, несмотря на то, что Н. Гумилев только умоглядно изображал его в своих стихах, сближает поэтов и становится опорой творчества А. Несмелова. В тематическом отношении также обнаруживается частичное совпадение с другими поэтами Серебряного века. Тема ностальгии, тоски по Родине роднит его сборник «Без России» со сборником «После России» М. Цветаевой. Оба в своих стихотворениях выражают тоску после расставания с Родиной и предчувствие смерти. В пародийных стихотворениях Несмелова о революции заметно влияние В. Маяковского. Во многих стихах А. Несмелова намечаются реминисценции блоковских тем и образов, например, в стихотворении «Переходя границу» поэт изображает родину в образе женщины, изображенной по-блоковски – как жены, подруги: «Мы расстаемся по-хорошему, / Чтоб никогда не докучать» [7, с. 100]. В отношении основной творческой идеи позволим себе назвать самым близким к А. Несмелову поэтом С. Есенина. Творческая идея А. Несмелова воспринимается многими учеными и исследователями как своеобразная историософская концепция, явно выраженная в его итоговом сборнике «Белая флотилия», в котором автор демонстрирует глубокую печаль о гибели старой России, что также является одним из лейтмотивов творчества С. Есенина. (Ср. «До завтра, друг!» А.

Несмелова и «До свиданья, друг мой, до свиданья» С. Есенина, «Новогоднюю ночь» и «Я покинул родимый дом»). Печаль поэта-офицера об ушедшей старой России была велика. Тайные глубины души поэта раскрываются в стихотворении «Самое обыкновенное», в котором лирический герой ведет душевную и интимную беседу с посетившим его Христом:

И раз Христос сказал, сияя весь
(Они тогда к ручью сходили вместе):
Ошибся я, тебе бы жить не здесь
И не теперь, а лет назад на двести!
Долгожданная мечта в воображении сбылась:
И с Каланчевской пять, квартира три
Поднял его и отослал в былое,
И встретил он румяный свет зари
В избе, в скиту, в лесу у аналоя. [7, с.216]

А в земной реальности пришла неизбежная смерть: «И память старца праведного чтим». Вся печальная жизнь изгнанников его поколения представляется поэтом как мученичество.

В заключение мы отмечаем, что А.Несмелов, будучи самым ярким представителем русского зарубежья в Китае, унаследовал и развивал традицию Серебряного века русской литературы. Творчески переосмысливая опыт различных поэтических направлений, он обретает собственный индивидуальный стиль. А.Несмелов был многогранным художником слова, мастером, стремившимся к совершенству формы и содержания. Следовательно, несомненный интерес представляет поэт-эмигрант первой волны, который являлся полноценным носителем отечественной литературной традиции и творчески ее развивал в новых условиях, в тесном соприкосновении с иной культурой.

Список литературы

1. Бузев О.А. Поэзия Арсения Несмелова. Комсомольск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2004 (Тип. изд-ва). -116 с..
2. Витковский Е.В. Несмелов А.И.// Литературная энциклопедия русского зарубежья(1918-1940). -1т. /М.: РОССПЭН, 1997. - С.287–289.
3. Гачева А.Г. Арсений Несмелов. Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты поэтов: в 2 т. М.:ИМЛИ РАН, 2008. - 1024 с.
4. Епишкина, Н.В. Традиции Сергея Есенина в поэзии Арсения Несмелова: дис....канд. филол. наук: 10.01.01 . - М., 2003.-192 с.
5. Забияко А.А. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: материалы к творческой биографии: в 3 т. / Сост. и коммент. А.- Благовещенск: изд. АМГУ, 2015. - 1т. -1ч. - 348 с.; 2 ч. - 395с.
6. Перелешин В. Два полустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai,1930 - 1950: the memoirs of Valerij Perelesin / ed. In Russian. With anintrod. By Jan Paul Hinrichs /- Amsterdam: Podopi,1987.-159 с.
7. Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. - Владивосток: Рубеж, 2006. Т.1: Стихотворения и поэмы. - 558с.
8. Таскина Е.П. Русский Харбин, Москва: Изд-во Моск. ун-та (МГУ): Наука, - 2005. - 349с.
9. Чагин А.И. Затонувшая субмарина Арсения Несмелова // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. Вып. 6. - М., 2012 .

*10.01.01***А.С. Чугунов**

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
Казань, sanchos12@rambler.ru

СКАЗОЧНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА Ш. ИДИАТУЛЛИНА «УБЫР»

В статье выполнен сопоставительный анализ волшебной сказки и романа «Убыр», установлена структурная близость этих произведений, выделены основные функции и выяснены, как они распределяются по действующим лицам. В романе при помощи народной сказки утверждается особое видение мира. Для героя романа сказочность является способом восприятия действительности.

Ключевые слова: *Шамиль Идиатуллин, роман «Убыр», волшебная сказка, фабула, устойчивые элементы.*

Роман Шамиля Идиатуллина «Убыр» был опубликован в 2013 году [1]. Это произведение по стилю близко к направлению магического реализма, который характеризуется тем, что реалистическое повествование чередуется со сказочными и мифологическими элементами. Роман «Убыр» в 2012 году был выбран книгой года в номинации «Мистика и хоррор» журналом «Мир Фантастики», в 2013 г. стал лауреатом премии «Новые горизонты».

В этой статье роман «Убыр», в основе которого лежит фабула волшебной сказки, исследуется в аспекте соотношения реалистического и сказочного. С позиции выявления мифологических и фольклорных мотивов и их роли в идейном замысле произведения роман анализировался в статье А.С. Чугунова «Мифологические и фольклорные мотивы в романе Ш. Идиатуллина «Убыр» [6, с. 18]. Актуальность темы обусловлена, во-первых, повышенным интересом в современном литературоведении к исследованию литературных и фольклорных связей, во-вторых, недостаточной изученностью творчества Ш. Идиатуллина и, в-третьих, связана с проблемой сохранения и возрождения традиционной культуры народа. Целью исследования является сопоставительный анализ волшебной сказки и текста романа «Убыр» на соответствие структуры романа и волшебной сказки. Объект исследования – роман Ш. Идиатуллина «Убыр». Предмет исследования – сказочные мотивы в романе.

Научная новизна темы определяется постановкой главной цели: изучается влияние жанра волшебной сказки на художественную литературу, рассматривается трансформация сказочных мотивов в современной литературе.

Роман «Убыр» создан непосредственно на основе волшебной сказки. Здесь присутствуют основные функции сказочного сюжета, сохраняется их традиционная последовательность, а образы романа совпадают с фольклорными персонажами. Это позволяет говорить о глубокой связи романа «Убыр» с фольклорными традициями народа.

В романе сказочная фабула переплетается с мифологическими сюжетами, верованиями, поверьями мифологического содержания. Мифологические элементы знакомят читателя с народными поверьями, обрядами, традициями. При этом реальность в романе не только приобретает сказочные очертания, автор вкладывает в каждое явление внутренний смысл.

В.Я. Пропп, исследовав структурно-исторические особенности жанра, постоянной величиной волшебных сказок считает функции сказочных персонажей. Понятие «функция», являющееся содержательным элементом структуры сказки, по содержанию близко к мотиву. В своей книге «Морфология «волшебной» сказки» В.Я. Пропп пишет, что «постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки. Под функцией подразумеваются действия и поступки героев» [5, с.31]. В книге В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», исследуются исторические корни, основные мотивы волшебных

сказок, «повторные элементы». Как пишет И.В. Марусова, исследуя творчество А.С. Пушкина с точки зрения соответствия его сюжета структуре волшебной сказки: «В.Я. Пропп создал своего рода универсальную фабульную модель, которая, хотя и в измененном виде, встречается не только в фольклорных, но и в литературных произведениях, обнаруживающих генетическое родство с фольклором» [2, с. 2566].

При сопоставительном изучении выявляется что, структурные элементы волшебной сказки и романа совпадают полностью. События в романе начинаются с знакомства с семьей главного героя, подростка Наиля. Автор описывает счастливую семью, где растут двое детей, сын и дочь. Как правило, так же начинается волшебная сказка. Как отмечает В.Я. Пропп «семья живет счастливо и спокойно, и могла бы жить так очень долго, если бы не произошли очень маленькие, незаметные события, которые вдруг, совершенно неожиданно, поражают катастрофой» [4, с.25]. Такая же неожиданная, немыслимая катастрофа ожидает и семью героя.

Главному герою 14 лет. В древнем обществе подросток в этом возрасте проходил обряд инициации и вступал в совершеннолетний период. Волшебные сказки не дают прямой информации о возрасте героя, совершеннолетний период героя совпадает с уходом из дома. Причиной ухода героя романа «Убыр» из дома является неадекватное поведение родителей, которые стали жертвами Убыра, как и в сказке, основной формой завязки является неожиданная беда. В.Я. Пропп уход главного героя из дома рассматривает как завязку сказки [4, с. 34]. Наиля и его сестру, с целью уберечь от Убыра, то есть от себя, отправляет из дома отец. Наиль уходит из дома с сестрой, которая и заменяет герою сказочную попутчицу.

В волшебной сказке, независимо от того, с какой целью или по какой причине герой уходит из дома – он во всех случаях попадает к Бабе Яге [3, с. 81-84]. Путь героя, который в сказке описывается как "ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли", в романе «Убыр» изображается аналогично, сколько бы времени герои не шли, их путь не сокращается, и они не могут определить, сколько они прошли, и где находятся.

Герой волшебной сказки, выезжая в путь, берет с собой свой меч/палицу, еду, своего коня. В.Я. Пропп отмечает, что «конь, взятый из отцовского дома, не годится и обменивается на другого. Но среди этих предметов есть один, на который стоит обратить особое внимание. Это – палица» [4, с. 37]. Те же вещи – конь, нож и шоколад оказались и у героя романа. Коня, который и в сказке нужен только для отвода глаз, в романе заменяет игрушечная лошадка. То есть, что в сказке, что в романе конь никакой роли не играет.

Несмотря на то, что герои несколько раз пытались пройти дорогу между родным городом и деревней, где жили дедушка и родственники, добраться до деревни им не удастся. Они неоднократно начинали движение в сторону деревни, но в итоге оказались в лесу. Наиль должен был попасть в таинственный лес, где находится дом Бабы Яги и пройти обряд посвящения. Дальнейшая композиция сказки предполагает встречу героем помощника или дарителя.

Образ старухи Убырлы из романа «Убыр» по своим функциям совпадает с образом Бабы Яги из волшебной сказки только частично. В романе старуха Убырлы является хранительницей духовных знаний рода, а В.Я. Пропп под основной функцией Бабы Яги подразумевает «охранительницу входа в тридесятое царство и вместе с тем существо, связанное с животным миром и с миром мертвых» [4, с. 41], то есть она охраняет мир мертвых.

После проведения обряда инициации подросток вступает в новый мир, в мир взрослых, становится совершеннолетним, полноправным членом общества. Он получает сведения о своем роде, о ценностях рода и племени. Во время обряда юноше давалось имя, иногда новое, взрослое имя, символизирующее его переход во взрослую жизнь.

В романе большое внимание уделяется описанию обряда инициации. Наиль с помощью старухи Убырлы проходит обряд посвящения. В итоге он получает не только благословение, но и подарок старухи. Он начинает понимать многие языки, может ответить человеку на родном языке, начинает чувствовать животных, природу, у него обостряются интуиция, ум.

Наиллю переходит накопленные веками знания предков. Если до встречи со старухой Убырлы целью Наилля было выжить и сохранить жизнь сестры, то после встречи с ней его цель преобразуется. Он осознает, что сможет помочь своим родителям выжить и вернуть им человеческий облик. Как отмечает В.Я. Пропп, «С этого момента конец уже предвидится. Между героем, вышедшим из дома и бредущим "куда глаза глядят", и героем, выходящим от яги, — огромная разница. Герой теперь твердо идет к своей цели и знает, что он ее достигнет» [4, с. 149].

В лесу герой получает или животное, или способность превращаться в животное [4, с. 150]. В романе есть эпизод, который можно рассматривать как вариант этого же явления. Старуха Убырлы при помощи магического ритуала переносит Наиллю черты, свойственные различным животным, их силу, ловкость, зоркость, быстроту, герой, после их обретения, становится не только неуязвимым, но и приобретает способность выживать, например, в водной стихии.

Сказочную борьбу героя и антагониста в романе заменяет эпизод драки Наилля и Убыр, который произошел в вагоне поезда. В этот вагон автор собирает и других персонажей, представляющих опасность для общества и человечества, которые хоть и не являются Убыр, но культивировали в себе черты этого образа. Это группа молодых людей, которые промышляют грабежом, способны и на более жестокие преступления, полицейские-оборотни, педофил, который ищет своих жертв. Они представляют для общества такую же угрозу, как и оборотни. Во время драки все эти персонажи погибают. В сказке за борьбой следует победа героя и ликвидация начальной беды или недостачи [2, с. 2569].

Победив Убыр, герой возвращается домой, обогащенный новыми знаниями и новым статусом. Для победившего врага Наилля возвращение в родной дом — это возвращение в нормальную жизнь. Это состояние автор описывает «счастье, облегчение и слабость. Я дома. Родители вернутся. Они сами разберутся» [1, с. 447-449].

Таким образом, сравнительный анализ романа «Убыр» Ш. Идиатуллина с волшебной сказкой, показывает, что они по своей структуре аналогичны и автор создал роман по мотивам сказки. Каждая функция сказочного персонажа, фабула сказки повторяется в романе.

Список источников

1. *Идиатуллин Ш.* Убыр: дилогия: романы. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018.
2. *Марусова И.В.* Структура волшебной сказки в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 2566–2570. — URL: <http://e-koncept.ru/2014/54777.htm>.
3. *Миннуллин К.М., Закирова И.Г.* Образ старухи Убырлы в татарских волшебных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019, т. 12. № 9. С. 81-84
4. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1946. 340 с.
5. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л.: «ACADEMIA», 1928. 151 с.
6. *Чугунов А.С.* Мифологические и фольклорные мотивы в романе Ш. Идиатуллина «Убыр» // Казанская наука №3 2021. С. 18-20.

10.01.01

С.Н. Ширяева

Религиозная духовная образовательная организация высшего образования
«Заокский университет Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня»,
Заокский, shiryaeva-s@mail.ru

ПСЕВДОДОКУМЕНТАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ С. ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «КУРТКА ФЕРНАНА ЛЕЖЕ»)

В статье представлено комплексное изучение рассказа «Куртка Фернана Леже». Впервые указанное произведение было изучено через сопоставление биографических фактов автора и описанных событий в тексте.

Ключевые слова: С. Довлатов, «Чемодан», рассказ «Куртка Фернана Леже», псевдодокументализм, предметная деталь.

Сергей Довлатов в 1978 году эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. Из книг, написанных им, можно составить образ автора. Все представленные сюжеты – это воспоминания Сергея Довлатова о жизни в России, отражение советской эпохи. Современник и друг Сергея Довлатова – А. Генис подчеркивает: «... У довлатовской прозы легкое дыхание, потому что его регулирует впущенная в текст пустота. Стараясь быть блестящим, но не слепящим, Сергей пуще всего ценил остроту оригинальности... Точность для Довлатова была высшей мерой... точность – отнюдь не простота» [3, с. 26, 35].

Рассказ «Куртка Фернана Леже» входит в цикл рассказов «Чемодан», первоначальное название которого было «Рассказы из чемодана». Эти рассказы впервые были опубликованы в 1985 году в эмигрантском журнале «Грани», издававшемся во Франкфурте-на-Майне. Вначале цикл задумывался без рассказа «Куртка Фернана Леже», который был дописан позже и вошел в изданный в 1986 году в Нью-Йорке сборник с заглавием «Чемодан». Композиционно рассказ «Куртка Фернана Леже» расположен в цикле пятым рассказом (воспоминанием) из восьми. Сергей Довлатов в письме к Наталье Евгеньевне Кузнецовой (супруге Г. Н. Владимова) от 29 мая 1985 года пишет: «... Посылаю Вам в качестве, так сказать, маневренного фонда – рассказ, дописанный мной в сборник “Чемодан”... для увеличения объема... Вы сможете, при желании, какой-то рассказ заменить этим, если он Вам покажется более интересным» [6, с. 278].

Первое упоминание, связанное с именем Леже, находим ранее в третьем рассказе («Приличный двубортный костюм») цикла, в котором описаны события, когда Довлатов работал в редакции газеты (автор делает оговорку «одной газеты»), речь идет о редакции Ленинградского кораблестроительного института «За кадры верфям». В упомянутом выше рассказе читаем: «Вы нас попросту компрометируете... На вас была какая-то старая ряса... – Это заграничная куртка. И кстати, подарок Леже. (Куртка и вправду досталась мне от Фернана Леже). Но эта история – впереди. Что такое “леже”? – поморщился редактор» [7, с. 45].

По справедливому замечанию Е. С. Добина, указывающего на то, что «... сюжеты сотен, тысяч произведений, составляющих драгоценное художественное достояние человечества, обязаны своим бытием жизни художника, верно уловившей биение пульса жизни, ее ход, взаимоотношения, коллизии...» [5, с. 170]. Поэтому для нашего исследования важно показать ведущий жанр, в котором работал Довлатов. Автор обозначил его как «... это такой псевдодокументализм» [4, с. 90]. Мы поясним, что большая часть описываемых событий в рассказе «Куртка Фернана Леже» правдоподобна, но, как предполагает художественное произведение, в канву текста привнесено видение Довлатова-рассказчика. Все изображенные события в рассказе можно разделить на этапы жизненного пути героя-рассказчика:

1) рождение: «В марте сорок первого года родился Андрюша Черкасов. В сентябре того же года родился я... У Андрея была заграничная коляска. У меня – отечественного производства. Питались мы, я думаю, одинаково скверно. Шла война» [7, с. 83-84]. Факты этого эпизода действительны. Лев Лурье, историк, журналист, писатель и друг Довлатова пишет: «Андрей Черкасов, единственный ребенок в семье, родился так же, как и Сергей, в эвакуации и стал другом детства будущего писателя...» [7, с. 149].

2) детство: «Черкасовы жили в правительственном доме... Мы – в коммуналке на улице Рубинштейн... К Андрюше была приставлена очередная домработница... У меня была няня Луиза Генриховна...» [7, с. 84–85]. На примере этого фрагмента наиболее ярко представлен художественный прием Довлатова: совмещение правды и вымысла. С семьей Черкасовых Довлатовы, действительно, дружили. Николай Черкасов был народным артистом СССР, любимым актером Иосифа Сталина, лауреатом премий. Вместе с Донатом Мечиком (отцом С. Довлатова) они работали в театре им. А. С. Пушкина (Александринском). В 1964 году Черкасова уволили из театра, его жену Нину Черкасову впоследствии сократили из театра и попросили сдать все награды мужа в музей, в 2000-е годы их сын Андрей эмигрирует. Также достоверным является сведение о няне Эльзе Карловне (попала на работу в дом Довлатовых по рекомендации Нины Черкасовой). Но Довлатов трансформирует имя няни Эльза Карловна – Луиза Генриховна, тем самым продолжая игру в «было – не было».

4) школьные годы: «... у каждого из нас появились друзья... Мои друзья внушали Андрюше Черкасову тревогу и беспокойство... Все они признавали единственную форму самоутверждения – конфронтацию. Мне же его приятели внушали ощущение неуверенности и тоски. Все они были честными, разумными и доброжелательными. Все предпочитали компромисс – единоборству [7, с. 89–90]. Сергей учился в школе № 206 (существует и в настоящее время), а Андрей Черкасов – в английской школе № 213, расположенной параллельно школе № 206. Довлатов пишет: «Среди моих преобладали юноши криминального типа. Андрей тянулся к мальчикам из хороших семей» [7, с. 88].

5) взросление: «Оба мы женились сравнительно рано. Я, естественно, на бедной девушке (Елене Ритман. курсив наш. – С.Ш.). Андрей – на Даше (Варваре. курсив наш. – С.Ш.), внучке химика Ипатьева... Шли годы...» [7, с. 90]. Автор рассуждает о том, что постепенно их (Сергея и Андрея) пути разошлись, у каждого сложилась своя жизнь.

Стоит отметить значимую портретную характеристику автора. Сергей Довлатов был высокого роста, крепкого телосложения. В советское время приобрести подходящую по всем параметрам вещь, а главное, средствам – дело непростое. Довлатов неоднократно подчеркивал это. Например: «Я расплатился с долгами. Купил себе приличную одежду... – Почему же у вас нет костюма? – ... Вы же работник солидной газеты. – Зарабатываю мало» [7, с. 26, 62].

Выстраивая текст по принципу концентрического сюжета [8], рассказчик акцентирует внимание на значимые для него детали [2]. В рассказе такой предметной деталью представлена куртка. Спустя время, рассказчик случайно встречает Нину Черкасову в библиотеке Дома журналистов. Рассказчик (главный герой) находится в Доме журналистов по работе, Нина Николаевна Черкасова – отобрать материал для написания книги, посвящённой ее мужу (действительно, в 1978 году будет опубликована ее книга «Рядом с Черкасовым»). Позже главный герой узнает, что Н. Н. Черкасова планирует поездку в Париж. Дело в том, что после смерти мужа Н. К. Черкасова ощущает одиночество, ранее привычный с мужем круг общения стал сужаться: «В общем, советские знаменитости куда-то пропали. Оставались заграничные» [7, с. 93].

Через три недели Нина Черкасова возвращается из Парижа и навещает Довлатовых. «Она вручила нам подарки... Мне досталась старая вельветовая куртка... Куртка явно требовала чистки и ремонта... У ворота и на рукаве я заметил следы масляной краски... Не мог же я крикнуть: “Где вам удалось приобрести такое старье?!”» [7, с. 96]. Эта куртка принадлежала известному французскому художнику Леже, с вдовой которого дружила Н. Черкасова. Женой Фернана Леже была Надежда Петровна Ходасевич (двоюродная сестра поэта

Владислава Ходасевича), художница, основатель музея имени Фернана Леже. О достоверности этого подарка написано в книге «Три города Сергея Довлатова», опубликованной в 2021 году. А. Арьев уточняет: «Куртка эта – не плод фантазии автора... на самом деле была передана молодому... прозаику. (Куртка ... до сих пор цела, но кому она теперь впору?)» [1, с. 27].

Получив подарок, рассказчик вспоминает, что же ему известно о художнике Жозефе Фернанде Анри Леже. Он пишет: «... высокий, сильный человек... отправился на фронт... рисунки проникнуты ужасом... мечтал рисовать на стенах зданий и вагонов... линия важнее цвета... изображал то, что понял... умер коммунистом...» [7, с. 97–98]. Герой (рассказчик) проносит эту куртку восемь лет, пятна краски постепенно исчезнут, о чем он будет сожалеть. Окружающим будет непонятна ценность этой «потёртой вещи», но память об этом подарке будет личной и значимой для Сергея Довлатова.

Проведенный анализ позволяет глубже понять уникальность личности автора и его художественного метода. Обозначим следующие **выводы**: во-первых, в изображении действительности Сергей Довлатов использует прием «художественного вымысла», указывающий на то, что литература для автора была дополнением к жизни; во-вторых, проанализированный рассказ построен по принципу концентрического сюжета, отразившего события из жизни Довлатова во взаимосвязи; в-третьих, подаренная *куртка*, как предметная деталь (вещь), служила автору напоминанием об уходящем времени, важных событиях, пережитых им в прошлом.

Список литературы

1. Арьев А., Скульская Е., Генис А. Три города Сергея Довлатова. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 248 с.
2. Вершинина Н.Л., Волкова Е.В., Илюшин А.А. Введение в литературоведение: Учебник / отв. ред. Л. М. Крупчанова. М.: Издательство Оникс, 2005. 416 с.
3. Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Издательство Астрель: CORPUS, 2011. 66 с.
4. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. 320 с.
5. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: «Советский писатель». 1981. 432 с.
6. Довлатов С. Жизнь и мнения. Избранная переписка. СПб.: Звезда. 2011. 384 с.
7. Довлатов С. Чемодан: Рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 160 с.
8. Николаев А. И. Классификация сюжетов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.listos.biz.ru> (дата обращения: 20.11.2020).

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА*10.01.10***Г.Л. Арсентьева**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра телепроизводства и цифровых коммуникаций,
Казань, leo2411@mail.ru

**РАДИОПРОГРАММА «БОН ВОЯЖ» В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ РАДИОЖУРНАЛИСТИКИ**

В статье рассматривается программа «Бон Вояж» радиостанции «Серебряный дождь», как один из примеров использования темы путешествий в радиожурналистике, с позиции применения в ней выразительных средств. Сделана попытка выявления количества и качества выразительных средств данной программы в контексте тенденций развития современной радиожурналистики.

Ключевые слова: *радиожурналистика, радиопрограмма, звуковой образ, выразительные средства.*

Контент радио традиционно построен на создании звукового образа. Звуковой образ, как указывает А.А. Шерель, это совокупность звуковых элементов, создающих у слушателя представление о материальном объекте, жизненном событии, характере человека [3]. Данное представление создается посредством ассоциаций. В этом кроется уникальная особенность звучащего слова: так как ассоциативный ряд у каждого человека свой, то звуковые образы у каждого слушателя будут индивидуальными, их ценность – в неповторимости. Именно этим объясняется столь серьезное отношение профессионалов радиовещания к созданию звуковых образов, которые рождаются при помощи выразительных средств радиожурналистики. Традиционно их делят на две большие группы: группу формообразующих выразительных средств радио и группу стилеобразующих выразительных средств [4].

Эмпирической базой настоящему исследованию послужили 14 выпусков программы «Бон Вояж» радиостанции «Серебряный дождь», вышедшие в эфир в июне и июле 2017 года (в настоящий момент программа не выпускается). Основной метод исследования – контент-анализ; выводы были сформированы через обобщение и синтез. Программа представляет собой разновидность трэвел-журналистики и основывается на советах путешественникам. На взгляд автора исследования, «Бон Вояж» можно считать эталоном трэвел-программ, представленных в современном отечественном радиоэфире, так как изучаемая программа находится в одном из тематических трендов журналистики и при этом использует полный спектр выразительных средств, характерных именно для радио. Ее ведущий – Александр Бунин – неоднократный победитель премии «Моя планета» в категории «Лучшая радиопрограмма о путешествиях». На сайте радиостанции программа представлена как авторский проект (Александра Бунина) о путешествиях [2], что предполагает определенную свободу в подаче и выборе тем каждого отдельного выпуска. Перечислим некоторые из них: практические советы по перевозке легко бьющихся вещей, не добро пожаловать в Америку, знаменитый бассейн на 200-метровой высоте, Радищев 2:0 и пр. Очевидно, одним из ярких признаков программы является не привязанная к определенной логике тематика, что создает эффект неожиданности. Программы короткие: средний хронометраж одного выпуска – 4 минуты 11 секунд, что вполне соответствует современному программированию радиоэфира и специфике аудитории радиостанций.

Основным выразительным средством в данной радиопрограмме является речь ее автора. Программа начинается неизменной фразой: «Я приветствую путешественников и просто катающихся по городам и весям», в которой прослеживаются три главные специфические черты речи, как основного формообразующего выразительного средства: юмор, стилистическое смешение, авторские лексемы и/или словосочетания. Каждая из этих черт присутствует во всех программах из эмпирической базы. Примеры стилистического смешения: *намедни, дескать, заморский, Волга-матушка* и тут же: *абсолютизм, шедевр, концентрация, безупречный*, а за ними: *чекиниться, фейсбучный, загуглить, лайфхак* и далее: *приятель, типа, гостиничка, запикиваете* и т.п. В рамках одного выпуска могут быть использованы лексемы из разных стилей, что, однако, не создает ощущения «грязной» речи, а подчеркивает авторскую подачу. Примеры юмористических фраз: *привычно плюхнуться в тридцатиградусную воду; пока желудок не крикнет... но желудок молчит; не то, что яблоку – виноградинке негде упасть; в эти минуты никак не хочется думать о такой ерунде как весы в номере того же отеля; для 146%-ной надежности; в тамошних краях я привык запасаться кое-какими жидкостями* и др. Примеры авторских лексем и оригинальных фраз: *винтажно-антикварная штукавина, бизнес-лимузин с крыльями, музыкально-пиротехническое блаженство* и проч. Тексты с такими стилистическими скачками логично встраиваются в особую интонационную подачу, что подтверждает факт высокого владения речью и делает программы легкими для восприятия, несмотря на большое количество номинаций и цифр. Помогает в этом и особая текстовая композиция программы: в отличие от разнообразных тем, структура передач всегда одна и та же, что создает целостность и цикличность. Открывает программу фраза, которая уже упоминалась выше, затем хронометраж в полторы минуты занимает преамбула, далее – основное повествование, и завершается программа логической фразой-выводом, «связывающей» Александра Бунина с его слушателем: *не бойтесь там чего-то разбить в дороге вместе с Буниным; если вам тоже есть, что вспомнить про завтраки в поездках, присылайте письма и фотографии Бунину; повспоминайте вместе с Буниным свою авиастатистику; соберетесь в Штаты, не мудрите и не врете, и не только Бунину* и так далее.

Помимо речи к формообразующим выразительным средствам радиожурналистики относятся музыка и шумы. Музыка, как часть выразительных средств, играет в программе «Бон Вояж» значительную роль: она не только выполняет функцию фона, но и имеет определенный смысловой оттенок. Как отмечает Т.В. Лебедева, хотя музыка является натуральным (природным) специфическим выразительным средством радио, но режиссерская игра со звуковыми планами, их резкая смена, наплывы, микширование, - это уже вторжение в иную сферу – сферу технических выразительных средств [1]. Так и здесь: фоновая музыка («подложка») во всех программах одинакова, что соответствует требованиям современного радиовещания по целостности и единообразию упаковки радиоканала. В исследуемой программе она имеет достаточно высокий темп, что придает программе дополнительную динамику и подчеркивает интонационную картину выпусков. Однако, помимо фоновой музыки, каждая передача включает в себя музыкальный отрывок, который полностью соответствует теме. Например, программа на тему «Завтраки Бунина», в которой шла речь о том, как кормят в различных отелях мира, завершается песенкой Винни Пуха из мультфильма «Винни Пух и все-все-все», в частности, следующим ее отрывком: «Винни Пух худеть не станет...»; программа на тему «Не добро пожаловать в Америку» об отказах в получении визы в США завершается строкой известной песни советского периода: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз» и т.д. Таким образом, музыка в программе выполняет как функцию фона, так и развлекательную функцию, соответствующую теме каждой отдельно взятой передачи. Что касается шумов, то в «Бон Вояж» они используются редко, к примеру, звуком клика компьютерной мыши завершается каждая передача, а в одной из программ (на тему «Чем передвигаться по Европе», эфир от 13.06.2017) дана оригинальная документальная запись песни «Эх, дороги» с шумом, характерным для магнитной ленты или виниловой пластинки. Стоит отметить, что

документальные записи также относятся к группе формообразующих выразительных средств радиожурналистики.

Что касается стилеобразующих средств, то в программе «Бон Вояж» используется акустический монтаж без звуковых эффектов (реверберации, мизансцены и т.п.). Концы фраз фоновой музыки совпадают с завершением текстовых частей, что говорит о высоком качестве выразительных средств, применяемых в программе, как формообразующих, так и стилеобразующих. Интересно проследить и за структурой программы, которая неизменна в каждом выпуске: представление, открывающий джингл, преамбула, основная часть, музыкальная вставка, диалоговая отводка (*пишите Бунину, вспоминайте вместе с Буниным, фотографируйте и высылайте Бунину* и т.д.), закрывающий джингл. Стоит отметить, что джинглы записаны женским голосом, а закрывающий джингл дополняется информацией о том, что все программы можно прослушать на сайте радиостанции. На протяжении всей программы происходит отсылка слушателей к интернет-ресурсам, в частности, страницам автора в Фейсбуке и Инстаграме. Все указанные страницы в социальных сетях, а также выпуски на официальном сайте «Серебряного дождя» дополнены мультимедийным контентом, что соответствует общим тенденциям развития современного радиовещания.

Таким образом, радиопрограмма «Бон Вояж» - авторский проект Александра Бунина о путешествиях – использует весь спектр выразительных средств радиожурналистики. Здесь особенно заметно представлена речь, наполненная авторскими лексемами и уникальной интонационной подачей, а также музыка, несущая определенную смысловую нагрузку. Акустический монтаж позволяет сохранить целостность и стилистическое единообразие всех выпусков программы, что закрепляется неизменной структурой передач при полной свободе автора в выборе тем; шумы же носят в программе исключительно вспомогательную функцию. Самостоятельность, гармоничность всех элементов передачи, харизма и профессионализм ведущего воплотили в эфире радиостанции «Серебряный дождь» программу на одну из самых популярных тем современности, консолидировали слушателей радио и пользователей интернета. Поэтому «Бон Вояж» в контексте использования выразительных средств по праву может считаться эталоном в ряду трэвел-программ современного отечественного радиовещания.

Список литературы

1. Лебедева Т.В. Жанры радиожурналистики: Учебное пособие / Т.В. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 172.
2. Официальный сайт радиостанции «Серебряный дождь» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.silver.ru> (Дата обращения: 20.04.2021)
3. Радиожурналистика: учебник / под ред. А.А. Шереля. – М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. – С. 140.
4. Радиожурналистика: учебник / под ред. А.А. Шереля. – М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. – С. 140-182.

10.01.10

Д.С. Ищенко

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
Краснодар, di_k_art@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ» В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ ЕГО ТЕКСТОВ

Статья посвящена вопросам отражения концепции издания в языке и стилистике его текстов. На материалах журнала «Континент» рассматривается соответствие миссии издания и его предназначения в обществе тем языковым единицам, посредством которых конструируется контент журнала. В результате выявления лингвостилистических особенностей материалов, представленных в журнале, приходим к заключению о невозможности исполнения заявленных редактором и авторами целей издания. Это позволяет делать выводы литературоведческого характера.

Ключевые слова: концепция издания, миссия издания, языковые единицы, лингвостилистические компоненты.

Первый номер русского литературного, публицистического и религиозного журнала «Континент», издаваемого с 1974 года в Париже, открывался словами его первого редактора, В. Максимова, о том, что «рождение нового журнала – событие одновременно радостное и мучительное. Радостное, потому что открывает новые перспективы, вселяет новые надежды, создает новую общественно-историческую ситуацию. Мучительное же, в силу множества сомнений, возникающих в процессе своего идейного и творческого оформления...» [3, с. 3]. По замыслу редактора издание должно было стать «голосом Востока для людей Запада», «континентом культуры» [3, с. 11], островком русской диссидентской мысли, которая может увидеть свет, лишь будучи выпущенной за рубежом.

Авторы нового литературного, общественно-политического и религиозного журнала (В. Максимов, А. Галич, В. Зидлер, А. Сахаров, А. Синявский и др.) представляли себя в качестве «объединенной творческой силы художественной литературы и духовной мысли Восточной Европы» [3, с. 4]. Как и эмигранты первой волны они видели свою миссию в сохранении духовного наследия Восточной Европы, но предлагали новые «перспективы», продолжая спор западников и славянофилов о выборе пути России на стороне вестернизации. И именно посредством маркеров русскости пытались донести читателю собственные идеи.

Уже в структуре первого текста «Континента» – «От редакции» – на лексическом уровне наблюдаем архетипическую триаду, столь характерную для русской культуры: «новые перспективы», «новые надежды», «новая общественно-историческая ситуация»; «за книгу ссылают», «за книгу <...> гноят», «за книгу запирают в сумасшедший дом» [3, с. 3]. Однако структурная форма не находит содержательного подтверждения. Контекст позволяет выявить смыслы, явно противоречащие русской ментальности. Так уже сама претензия эмигрантов на то, что журнал «создает новую общественно-историческую ситуацию», которая дает надежды и перспективы, никак не вписывается в сознание русского читателя, поскольку в России газета появилась как печатный орган государства, как проводник реформ государя. Авторы «Континента» напротив ставили своей целью «создать» новую общественно-историческую ситуацию, а это уже черта русского модернизма, основанная на создании новой реальности [4]. И лишь факт использования журнала в качестве «трибуны, с которой можно вещать», приближает издание к русской традиции, которая корнями восходит к русской газете от глашатаев.

Другой элемент архетипической триады – «за книгу ссылают», «за книгу <...> гноят», «за книгу запирают в сумасшедший дом» – представляет собой последовательное нагнетание смысловой и эмоциональной значимости, градацию, отражающую негодование от ущемления прав и свобод писателей, что также стоит за пределами русской традиции.

Претензией на русскость является и косвенное обращение авторов журнала «Континент» к русским классикам. Однако присутствие первичного текста также является чертой постмодерна, тексты которого «насквозь вторичны, так как сплошь состоят из подлинных или мнимых цитат, аллюзий, реминисценций» [5]. В текстах журнала ощутимо имплицитное присутствие классики. В обращении редакции журнала к читателю появляется «событие радостное и одновременно мучительное» [3, с. 3]. «Мучительное» отсылает к «Хождению по мукам» А. Толстого. Конечно, вполне обоснованно можно было бы предположить, что рождение журнала подобно мукам творчества, однако и это черта русских авторов. Далее по тексту неоднократно встречаем: «литература <...> преследуется, как уголовное преступление. Книга становится <...> причиной для наказания» [3, с. 4]. Это создаёт аллюзию идей Ф. Достоевского о катарсисе в искусстве. Кроме того, в обоих случаях речь идёт о преступлении в борьбе за свободу. У Ф. Достоевского преступление заключается в том, что герой борется за свободу, которая идёт в разрез с общечеловеческими ценностями. Тенденциозность публикаций журнала «Континент» идёт в разрез с идеями сильной государственности. В свою очередь А. Пятигорский как поборник вестернизации не чувствует этой разницы и в «Заметках о “Метафизической ситуации”» отмечает: «<...> молодой Набоков в “Даре” ... не заметил, что они (Чернышевский и Достоевский) были родными братьями по монизму, нетерпимости, ненависти к абсолютной свободе» [3, с. 217]. Данная позиция является следствием восприятия свободы, преступления и наказания исключительно как социально-правовых категорий, а для русской натуры это прежде всего духовные составляющие. Ф. Достоевский выступает против вседозволенности духовно-нравственной.

Другой автор «Континента» Э. Ионеско подмечает: «<...> о “справедливости” говорят в наши дни. На самом же деле <...> это не справедливость, а взыскание, наказание, каторга, гильотина» [3, с. 9]. И вновь происходит подмена исконно русского толкования слова его социально-правовой калькой. Для представителей западного мира справедливость видится в правильном или ошибочном исполнении уголовного или административного наказания, для русского человека – это категория духовная.

В западном менталитете теряется духовная сторона жизни. Всё приобретает материальную ценность. И даже свойственное традиционной русской литературе олицетворение в поэтике авторы «Континента» заменяют на опредмечивание. Определены явления, даже единое духовно-культурное пространство приобретает опредмеченные черты: «Еще бы мне не помнить Зойку! Я ведь сидел с ней *на одной парте*» [3, с. 108], «Бедная Анастасия. Никто по ней особенно не плакал. *Плакали*, может, *на кладбище*, но и то, наверно, как по чему-то *боковому*. Как не по избе, а по пристройке» [3, с. 57]. Определены наблюдения и в изменении русских пословиц – «Сапог под собой не чуял» [3, с. 57], вместо «Ног под собой не чуял». Да и мог ли герой их чувствовать, когда повесть называется «Без рук, без ног»? Подобный приём использовал И. Бунин в рассказе «Господин из Сан-Франциско» в стремлении подчеркнуть физиологическое существование своего героя и отсутствие «живой жизни», именно поэтому господин был «неладно скроенный, но крепко сшитый», рубашка была «с выпятившейся грудью», а «запонка порой крепко кусала дряблую кожицу», и только в период его болезни «желтоватое лицо стало темным, серебряные усы белыми, голова тяжко болела» [1]. Образность художественных текстов также принимает некие материальные формы: «Смотреть на них через стекла было чудно! Рты жуют воздух, а слов не слышно» [3, с. 108].

Лексическая сторона текстов «Континента» претендует на русскость, однако соблюсти жанровые каноны русской литературы авторам журнала не удаётся. Так в «Колонке редактора» В. Максимов использует фигуры фольклорного эпоса, пафос высокой гражданственности и патриотизм: «<...> с ненавидящих глаз долой, а из чёрного сердца вон! Долго тебе ещё краснеть от стыда, *моя страна*, когда очнешься ты, наконец, *от злых чар своего державного Черномора* <...>», «Они не судят тебя, *родная земля*, ибо *не ведаешь ты, что творишь!*» [3, с. 402]. Испокон веков повелось, что на Руси всякая русская душа подсознательно жаждет богоизбранной власти. В представленном тексте происходит снижение образа монарха как помазанника Божьего; снимается идеализация образа родителей: «Я еще по возрасту глупым был, а отец – без всяких причин» [3, с. 77], – что также не в традициях русской классики.

Ощущается смешение лексем «земля» – «страна», «земля – территория» («на коренной русской территории» [3, с. 7], по-русски было бы – «на русской земле»), где привязанность и любовь к родному дому, отчизне, сменяют социальная принадлежность и территориальные границы.

Подобное можем ощущать и на фонетическом уровне. В «Беседе с Милованом Джиласом», записанной К. Штрём, появляются элементы нейролингвистического программирования, где близкое и родное описывается лексемами, насыщенными звуками [д], [д'], но как только описывается советская действительность, эти звуки сводятся к минимуму: «Дом расположен в тихом переулке, неподалеку от белградского парламента. Высокие *деревья дарят* здесь свою тень. *Домашние хозяйки* возвращаются с послеобеденными покупками. Несколько мужчин погрузились, по-видимому, в *беседу*. Затем *подъезд* <...> Медная *дощечка* с надписью <...> Недоверчивая *домашняя работница* (а, может быть, *родственница*) *едва* приоткрывает *дверь*. Но вот и сам он стоит передо мной – бывший коммунист и профессиональный революционер» [3, с. 225].

Ощущение раскола и изменения русского сознания, ощущение «странной промежуточности» появляется и от стыка внутри одного текста русских и заимствованных слов. Так в ряду с иноязычными терминами «метафизика», «экзистенция», «эфемерность» появляются русские лексемы: «думанье», «удивительно», «причудливы». Положение промежуточности сознания подтверждается и анализом фонетического уровня языка. Русский язык изначально славен своей певучестью, в отдельных контекстах полногласные окончания преднамеренно сохраняются и сегодня. В «Континенте» встречаем «куда б на сердце было светлей» [3, с. 7], в данном контексте сохраняется тяга к «светлее». Далее появляется пограничное употребление: «оборачиваются новою надеждой» [3, с. 7] – необходима некая унификация либо «новою надеждою», как устаревшее, либо «новой надеждой».

Встречаются в текстах журнала сочетания, которые не являют красоту русского слова и видятся как пограничные, переведенными с другого языка: «Начинают об этом знать» [3, с. 9], «Покончить с этими последними» [3, с. 9], «Сегодня – то есть уже вчера – такое наворотил!» [3, 77].

Анализ лингвостилистических компонентов текстов журнала «Континент» показал, невозможность реализации замысла редактора. Несмотря на заявленную миссию издания стать «голосом Востока для людей Запада», журнал стал проповедником теорий и идей Запада. Лингвостилистический срез публикаций журнала «Континент» подтвердил факт духовного раскола и расщепления национального сознания его авторов, о чем свидетельствуют направленность на создание новой общественно-исторической ситуации, смещение духовного и телесного уровней, использование исконно русской и иноязычной лексики в пределах одного предложения, сохранение ориентации на архетипическую триаду в структуре текста и отсутствие её в содержательности, нарушение объектно-субъектных связей, использование реминисценций, применение методик нейролингвистического программирования.

Список литературы

1. Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско // URL: <http://ilibrary.ru/text/1016/p.1/index.html> (дата обращения: 25.02.2021).
2. Кириллова О.Ю. Лингвостилистические средства выражения функций текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 127. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-sredstva-vyrazheniya-funktsiy-teksta> (дата обращения: 25.02.2021).
3. Континент. – 1974. – № 1. – URL: https://vtoraya-literatura.com/publ_338.html (дата обращения: 15.01.2021).
4. Шапир М.И. Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм // Philologica. – 1995. – № 3/4. – С. 136-143. – URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Teca/Critica/01/shapir02.htm> (дата обращения: 25.02.2021).

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ²С.Г. Аксенов, ¹Р.Р. Юнусова, ²В.Д. Чистонов, ¹В.А. Перминова,
¹А.В. Зайнуллин, ¹Г.Р. Мустафина, ¹Ф.Б. Рахматова, ¹Н.А. Шамсиев

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
²Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, azatur3@yandex.ru

ВКЛАД ЖУРНАЛИСТА, ПИСАТЕЛЯ С.А. ПАНАСЕНКО В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

На протяжении 10 лет, начиная с первого номера, выпускница филологического факультета Башкирского государственного университета Светлана Алексеевна Панасенко руководила изданием газеты «Медик» Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ, в последующем 30 лет работала в газете «Аудитория» Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы. Журналист, писатель С.А. Панасенко — один из организаторов студенческой журналистики в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: журналистика, медицина, общественное здоровье, спорт.

В ноябре 2021 года исполнится 115 лет со дня рождения доктору медицинских наук, профессору Зайнулле Аминовичу Ихсанову, который был ректором Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ в 1965—1973 гг. При его руководстве были организованы и открыты санитарно-гигиенический факультет (1971 год) и вечернее отделение лечебного факультета; в 1970 году институт получил статус I-й категории и стал одним из ведущих медицинских вузов СССР, в 1970 году открылся Диссертационный Совет по защите диссертационных работ для получения ученой степени доктора наук. Одним из значимых событий стал выпуск первого номера внутривузовской газеты «Медик» в сентябре 1969 года. Тираж составил 999 экземпляров (по положению того времени тираж 1000 экземпляров необходимо было регистрировать в Реестре республиканских печатных изданий). Решение о газете было принято на Учёном Совете Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ и являлось печатным органом партийного комитета, ректората, местного комитета, комитета ВЛКСМ и профсоюзного комитета. Ректор, профессор З.А. Ихсанов пригласил на должность ответственного редактора новой внутривузовской газеты «Медик» выпускницу 1967 года филологического факультета Башкирского государственного университета, которая уже имела опыт работы корреспондентом районной газеты «К коммунизму». Газета «Медик» выходила на 4 полосах черно-белой печати ежемесячно и распространялась в БГМИ, именно Светланой Алексеевной были заложены основные рубрики, которые в последующем стали традиционными: «О лучших преподавателях», «Равняйся на них – об отличниках учебы», «Пульс института», «Коллективный портрет кафедры», «О студенческих строительных отрядах», «Молодежное научное общество — кузница ученых». Весь тираж распространялся бесплатно, в учебных корпусах института, во всех общежитиях, кафедрах, клинических больницах. Все экземпляры буквально расходились в первый день выпуска. Размещение информации о преподавателе, активном студенте или группе имело большое моральное и информационное значение. Справедливая критика отдельных недостатков в учебном процессе также имела большое мобилизующее значение для персонала. В течение 10 лет работы ответственным редактором газеты «Медик» Светлана Алексеевна практически одна наладила творческие связи с профессорско-преподавательским составом, издательством и

корреспондентами, которые были из числа «пишущих» преподавателей, тренеров, студентов). На факультете общественных профессий (ФОП) С.А. Панасенко открыла отделение журналистики, которое стало одним из самых популярных среди студентов-комсомольцев, для которых было очень престижно получить к диплому врача и удостоверение журналиста. За 10 лет работы в газете «Медик» журналист С.А. Панасенко подготовила более 200 врачей, выпускников отделения журналистики ФОПа, которые приехав по распределению в города и районы Башкирии стали авторами статей по оздоровлению населения, здорового образа жизни в районных СМИ. Таким образом, филолог С.А. Панасенко заложила основные традиции медицинской журналистики в Республике Башкортостан, которые продолжены в XXI веке первичным отделением Башкирского государственного медицинского университета при Союзе журналистов РБ [1, 2].

Член Союза журналистов РФ и РБ, член Союза писателей РФ и РБ, заслуженный работник печати и массовой информации РБ, автор свыше десяти книг Светлана Алексеевна Панасенко постоянно в творческом поиске и созидательной работе. Светлана Алексеевна из творческой семьи — она сестра известного в республике писателя Леонида Алексеевича Соколова. Они самые активные члены Президиума Союза писателей Республики Башкортостан. Подробно она описывает свое детство и юность в повести «Незабываемое», где родители были молодыми и как начинали свою семейную жизнь в Уфе, тяжелые годы в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Безусловно большое влияние на творчество С.А. Панасенко оказала работа в Башгосмедуниверситете, желание помочь ближнему, оздоровить душу и тело, стало основным лейтмотивом её творчества. В ее первой книге «Женские были» (1996 год) остро звучит женская тема — как много в этой жизни зависит от женщины, матери, жены, дочери. Продолжением этой темы стала и вторая книга С.А. Панасенко «Тет-а-тет», в которой описаны житейские истории, но в них всегда было светлое будущее, надежда и любовь. В 2001 году выходит сборник «Станция счастья» — потери, боль, надежда, житейское и личное счастье, которое не всегда увидишь сразу, показано в сочетании с жанровым разнообразием. В сборник вошли две пьесы, рассказы, юмористические новеллы и конечно же житейские истории. Писатель Роберт Паль отметил, что автор, «неплохо владея пером, умеет на небольшой текстовой площади запечатлеть целую жизнь, судьбу, немногими штрихами набросать живой портрет, характер, образ, создать определенное настроение».

В 2007 году выходит книга «Удивительные истории из жизни вещей и растений», где автор сказочно изложил детские рассказы о живых и неживых персонажах: «Люстра», «Пальма», «Сковородка», «Шляпка» и др. Впервые в башкирской литературе используется жанр целебных сказок для детей. Неслучайно творчество С.А. Панасенко обращено к детям, т.к. после работы в газете «Медик» у неё навсегда осталось желание исцелять, помогать полезным советом, душевным словом. Книга «Любимый цветок королевы» также посвящена детям, ее сказочные истории должны пробудить в сердцах юных читателей любознательность, заставят «задуматься над тем, как уберечь и сохранить для потомков наших зеленых друзей». Получив воспитание в творческой семье (отец Светланы Алексеевны издал книги ««Здравствуй, небо!», «Лучик и Хмурик») автор во всех своих рассказах стремиться к тому, чтобы читатель задумался о настоящем, как сохранить зеленых друзей (деревья, растительность и др.). Небольшим тиражом вышли книги «Целебная азбука. Фрукты от А до Я» и «Целебная азбука. Овощи от А до Я» для детей, как интересная форма алфавита знакомая с самого детства.

А.С. Панасенко после разработки основных рубрик внутривузовской газеты «Медик» начала подготовку корреспондентов из числа активных студентов, с которыми проводила дополнительные занятия по основам журналистики (интервью, анкетирование, фотография и др.). Наиболее активные корреспонденты (молодые преподаватели, студенты) кроме хорошего опыта написания статей, получали материальное поощрение по линии комсомольского и профсоюзного комитетов, а также ректората и партийного комитета

Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ. За 10 лет работы в газете «Медик» под руководством С.А. Панасенко было опубликовано более 1000 статей и журналистских заметок по различным темам учебной, спортивной и общественной жизни института. В настоящее время готовится музейная экспозиция по газете «Медик» в Музее истории медицины БГМУ, посвященная 90-летию образования университета (торжественные мероприятия запланированы на ноябрь 2022 года). В плане подготовки юбилейных мероприятий медицинского университета планируется составление книги «Люди и события», в которой будут представлены первые и последующие номера газеты «Медик» в виде дайджеста в хронологическом порядке, которые будут сопровождаться комментариями журналиста, писателя С.А. Панасенко [3, 4].

Выводы: 1) Журналист, писатель, заслуженный работник печати и массовой информации РБ Светлана Алексеевна Панасенко является одним из организаторов межвузовской журналистики Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Аксенов С.Г., Киньябулатов А.У., Лифанова А.Д., Зигитбаев Р.Н., Батанин С.А., Мухлисов А.Ф., Усманова Ф.Х., Нгуен Т.Н., Конг Т.Х. Значение внутривузовской газеты для подготовки молодых журналистов / Казанская наука. 2019. № 6. С. 22-24.
2. Киньябулатов А.У., Зиятдинов Р.З., Шарафутдинова Н.Х., Фаюшин А.З., Ахмадиева Г.Р., Салемгареев И.И. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины / Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.
3. Киньябулатов А.У., Аксёнов С.Г., Усманов В.Ф., Сафаров Р.Э., Рахматова Ф.Б., Минязева Л.Ф., Перминова В.А., Усманов Э.Г., Юсупов И.Р. Вклад в журналистику России медицинских работников (Анализ энциклопедии "Журналисты России. XX-XXI") / Казанская наука. 2020. № 2. С. 21-23.
4. Киньябулатов А.У., Аксёнов С.Г., Чистонов В.Д., Демаева А.Р., Усманов В.Ф., Сафаров Р.Э., Рахматова Ф.Б., Перминова В.А., Норматов Р.Н. / Организация музея медицинской и спортивной журналистики Республики Башкортостан / Казанская наука. 2020. № 6. С. 34-36.

*10.01.10***Ш.М. Султанбегова, Г.А. Магомедов канд. ист. наук**

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра печатных СМИ,
Махачкала, shamsi69@mail.ru

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются процессы формирования гражданской и этнической идентичности, происходящие в условиях глобализации и социокультурных трансформаций. Автор уделяет особое внимание роли национальных средств массовой коммуникации в формировании гражданских и национальных ценностей.

Актуальность данной темы обусловлена поиском необходимых инструментов в формировании гражданского самосознания молодого поколения. В статье сделан особый акцент на развитие этнической идентичности посредством интернет-коммуникаций.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, средства массовой коммуникации, Интернет, этническое сознание.

Цель исследования – раскрытие характера влияния региональных средств массовой коммуникации на формирование гражданской и этнической идентичности.

Новизна исследования состоит в попытке построения теоретической базы, которая позволила бы прояснить такие понятия как роль современных медиа, в том числе и на национальных языках, на формирование гражданской и этнической идентичности, а также в выявлении противоречий между ценностями современного потребителя СМК и ценностями, лежащими в основе социокультурных образов.

«Кто я?» - вопрос самоидентификации индивида, это очень важный вопрос для каждого человека. Каждый из нас относит себя к той или иной социальной группе, отождествляя себя единицей определенного сообщества. Нам всем, вне зависимости от возраста и пола, образования и социального статуса, важно ощущать себя частью «мы». Каждому человеку нужна опора, и ее он ищет в религии и/или в своем этносе (народе), или в принадлежности к определенному сообществу с устойчивым статусом и стабильностью, или все это вместе. Тогда он может строить определенную модель своего поведения, усваивает определенный образ и стиль жизни, определенные мировоззренческие установки. Такая общность создает у каждого участника группы условия для формирования «своей» гражданской или национальной (этнической), или же религиозной идентичности.

Говоря о гражданской идентичности, на наш взгляд, более оптимальным является определение А.Г. Асмолова, который считает «гражданскую идентичность» осознанием личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, имеющей определенный личностный смысл. Он рассматривает гражданскую идентичность как совокупность гражданской, этнической и общекультурной идентичностей [1].

По мнению И.В. Кожанова, показатели сформированности компонентов гражданской идентичности необходимо определять на этнической, общероссийской и общекультурной плоскостях. Это позволит подобрать "диагностический инструментарий" и определить дальнейшую целенаправленную работу по формированию гражданской идентичности [4].

В эпоху высоких IT технологий остро стал вопрос о роли средств массовой коммуникации в формировании гражданской и этнической идентичности. СМК стали мощным инструментом воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Так как

информационное пространство оказывает очень большое влияние на жизнь людей, на формирование их мировоззрения, гражданской позиции и этнические стереотипы (и автостереотипы), от уровня знания систем СМК и определения сферы их функционирования, степени их воздействия зависит формирование гражданской и этнической идентичности. Владея специфическими инструментами влияния на аудиторию, СМК имеют все шансы успешно манипулировать общественным сознанием, в том числе – и этническим. В силу своей всеохватности, СМК могут не только отражать реальность, но и создавать контент «под заказ». Под воздействием информационного потока у человека формируется распределение жизненных приоритетов и форм поведения.

В такой многонациональной республике как Дагестан остро стоит вопрос формирования гражданской идентичности и нормального (бесконфликтного, интегрирующего этнического сознания. Приоритетная задача информационной и национальной политики в республике – это разработка основополагающей консолидирующей идеи, которая объединяла бы все народы (этноты). Поэтому, важно заблаговременно определить те формы идентичности, на которые следует ориентироваться. Нужно признать, что большая часть людей не подходит к процессу выбора информации осознанно. Идентичность таких людей, будь она гражданская, этническая или религиозная, формируется, в немалой степени, под влиянием СМК.

Телевидение и пресса не только отражают происходящее, но и способствуют формированию определенных моделей поведения своего потребителя. В современную эпоху к этому процессу присоединился трудно контролируемый инструмент – Интернет. Будет большой ошибкой не принимать во внимание то, что молодое поколение сегодня проводит время не за экраном телевизора и чтением газет, а преимущественно погружено в Интернет-пространство. Сегодня именно Интернет занимает главенствующее место в плане формирования гражданской идентичности, этнического сознания и стиля поведения. Интернет дает возможность не только воспользоваться, но и творить, влиять и манипулировать, т.е. каждый потребитель информации может почувствовать себя в роли СМИ. Следует понимать, что существует реальная угроза «псевдоинформационного инфицирования» молодого поколения, такого ее заражения не просто информационным «мусором», а ложными и разрушительными (разлагающими и растлевающими) идеями. Создатели такого контента рассчитывают на невысокий уровень образования и отсутствие жизненного опыта своего «клиента». Во избежание такого рода «инфицирования» необходимо заблаговременно определиться с теми ценностями и формами идентичности, на которые следует ориентировать молодых потребителей информационного потока.

Говоря о формировании гражданской идентичности и нормального этнического сознания и самосознания (интернационального по духу) в республике, правильно будет указать на то, что здесь наблюдается некий кризис. Причин можно назвать много, но основные, на наш взгляд, – это социальное неблагополучие и неопределённость будущего в условиях зашкаливающей безработицы, вопиющая социальная несправедливость в обществе и тенденция глобализации. Отсутствие основополагающей идеи в формировании гражданской идентичности может привести к асоциальному поведению молодого поколения, к ксенофобии и межэтническим разногласиям. Острый характер может приобрести «всплеск» национального самосознания у некоторых этнических сообществ. Как правило, это те группы, которые считают себя обделенными властью (республики и/или федеральным центром) при решении важных вопросов социальной и политической жизни.

Понятие «этническая идентичность» (ethnic Identities) означает идентификацию себя с этнической группой, отождествление личности с определенной этнической общностью и "обособление" от других этносов, а также глубокое, личностно значимое, переживание своей этнической принадлежности [3].

Этническая идентичность – это явление, которое может быть использовано определенными силами как в конструктивных, так и в деструктивных целях. Знаки и символы этничности, транслируемые политиками и общественными деятелями через СМК в массовое сознание, могут интегрировать или, наоборот, дезинтегрировать этноты и общество

[7]. Мы имели возможность наблюдать за подобными процессами в течение 20 и более лет почти во всех регионах РФ, в том числе и в Дагестане. В политических целях могут быть использованы исторические факты и этнические символы, что порой может привести к межэтническим конфликтам.

«Игра» на этнических чувствах в прессе – это очень тонкое дело, связанное с эмоциями людей; оно должно быть «выполнено» очень «ювелирно». Информация о своем народе воспитывает в индивиде определенное отношение к своей общности, к своему этническому достоинству [2]. Неосторожно или же намерено задеты этнические чувства могут спровоцировать массовые беспорядки и межэтнические конфликты.

В дагестанских общественно-политических изданиях довольно большое и устойчивое место занимает «этническое пространство». В республике выходит 15 газет и журналов на национальных языках. Они относятся к общественно-политическим изданиям. Здесь довольно большое и устойчивое внимание уделяется этнической теме. Имея в таком изобилии печатные издания на разных языках, трудно сказать, какое место занимают в них этнические стереотипы (как позитивные, так и негативные), этническая история и культура. В республике отсутствует специальная экспертная комиссия для анализа содержания СМИ на национальных языках, чем могут воспользоваться те силы, которым выгодно «раздуть» ту или иную проблему, придавая ему «этнический окрас», как это делалось в годы перестройки. Выступая в роли аналитика, журналист может выглядеть ангажированным одной из сторон конфликта. Позиция журналиста оказывает большое влияние на читателя. В его силах выбором слов, расставленными акцентами способствовать не только смягчению конфликта, но и его разжиганию [5].

В последнее время часто встречается ситуация, когда в социальных сетях конфликт описывают случайные люди. При этом они пользуются непроверенными источниками и слухами. Обычно они плохо знают саму суть ситуации, не могут охватить и проанализировать обстоятельства происшествия, слабо знают или вообще не владеют предысторией и деталями. Безусловно, такое освещение не может не повлиять на сознание масс, намеренно затрагивая этнические чувства.

Не секрет, что СМИ могут являться не только информационной площадкой, но и полем «сражения» разных политиков, общественных деятелей и блоггеров. Специфическое освещение тех или иных событий, явно акцентирующее этнические чувства, негативно влияет на аудиторию [6].

История свидетельствует, что в основе противостояния различных групп в республике лежат не этнические различия, а политические или экономические интересы элитных групп, которые прикрываются этническими признаками, якобы это и есть «забота» о своем народе.

Толерантное или конфликтное освещение этничности в СМИ – проблема актуальная во все времена. От «правильной» деятельности СМИ в этой области зависит спокойствие и взаимопонимание людей разных национальностей и вероисповеданий, живущих на одной территории. Но что считать полезным и что вредным при освещении СМИ этнических особенностей того или иного народа? Этот вопрос актуален не только для Дагестана; ответ на него важен для сохранения целостности всей России.

На современном этапе эти вопросы приобретают особую остроту. Дело не только в необходимости просвещать полиэтническое и многоконфессиональное общество России, в воспитании уважительного отношения к этнокультурным различиям и историческому достоянию каждого народа, но и в формировании гражданской идентичности, адекватной государственной идеологии.

Список литературы

1. *Асмолов А.Г.* Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 2011. – С.151
2. *Блохин И.Н.* Этнологическая культура журналиста // Вестник Санкт-Петербургского университета Сер.9.2008. Вып.2. Ч. II С.302-303
3. *Горшкова В.В.* СМИ как субъект и участник конфликтов в современном обществе// Вестник СПГУТД 1' 2017. С. 115
4. *Кожанов И.В.* Показатели сформированности гражданской идентичности личности // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9802> (дата обращения: 31.03.2021).
5. Психология общения. Энциклопедический словарь. – М: «Когито-Центр». Под общей редакцией *А.А. Бодалева* 2011.
6. *Сулейманова Ш.С.* Журналистика между свободой и контролем // Коммуникалогия. М., т.8. № 6, 2014, С. 204-206
7. *Тишков В.А.* Реквием по этносу. С.105-107.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01*¹Г.К. Исмаилова, ²Ван Цзини

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
¹кафедра контрастивной лингвистики,
²кафедра русского языка как иностранного,
Казань, ismagilowagulyusa@yandex.ru, 9264546494w@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ МЕМА

В статье рассматривается феномен интернет-мемов, предпринимаются попытки выявления особенностей их структуры, функционирования в социальных сетях. Рассмотрение культурных аспектов функционирования Интернет-мемов основано на предположении об их связи с феноменом социальной памяти. На основе анализа серии популярных мемов «Ну как тебе такое, Илон Маск?» установлены закономерности их создания и распространения, а также факторы успешности.

Ключевые слова: Интернет-мем, креолизованные тексты, семитотика.

Развитие Интернет-коммуникации породило большое количество новых форм иронических креолизованных текстов - мемов. Обращаясь к коллективному бессознательному, эти единицы сетевой коммуникации отражают элементы национальной культуры, понимание которых необходимо для успешного межкультурного общения. Это обуславливает актуальность исследования механизмов функционирования мема.

Термин «мем» в употребление ввел Ричард Докинз, ему же принадлежит первое определение этого феномена. Оно звучит так: «Мем — это основная единица передачи культурной информации, т. е. имитации» [2, с. 160]. Ричард Докинз заложил основы понимания мема как репликатора культурной информации.

С появлением сети Интернет появился новый феномен – Интернет-мем. С.А. Шомова определяет его следующим образом: «специфический тип сообщений в Сети, объединяющий разножанровые и многообразные по семиотической природе краткие высказывания на актуальные для сетевого сообщества темы и обладающие при этом – благодаря яркости, броскости смыслового содержания и/или визуальной «упаковки» - вирусной природой» [4, с. 50].

Структура мема, объединяющая вербальный и невербальный компонент, позволяет говорить о том, что мем является разновидностью *креолизованного текста*. Е.Е. Анисимова определяет креолизованный текст так: «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с.17].

Особенностями мема являются его двухчастная структура, способность к самокопированию, ироничное содержание, интертекстуальность, связь с коллективным бессознательным. Указанные характеристики указывают на лингвострановедческий потенциал этой разновидности креолизованных текстов. Разберем данные особенности на примере популярного мема «Как тебе такое, Илон Маск»? Несмотря на то, что героем этой серии мемов стал американец Илон Маск, она появилась в России. Маск является одним из символов технического прогресса, это создатель мировой платежной системы PayPal, основатель космической компании и производитель знаменитых электрокаров Tesla. В 2018 году новатор и бизнесмен находился на пике популярности, именно тогда и появился мем

«Как тебе такое, Илон Маск?». В серии креолизированных текстов в противовес высокотехнологичным достижениям Запада ставились изобретения отечественных умельцев, выполненные из подручных средств.

В основе мема про Илона Маска лежит оппозиция «высокие технологии – народные изобретатели». В ней, на наш взгляд, обнаруживается связь с национальными традициями России и Запада. Российская наука, ее своеобразный путь, по мнению исследователей А.В. Дахина и В.А.Щурова, связаны с именем выдающегося ученого Ивана Кулибина. Отмечается, что, будучи механиком-самоучкой, И.П. Кулибин воплощал «вчерашний день» европейской науки. Это было обусловлено особенностями развития образования в России, некоторой непоследовательностью развития фундаментальной научной мысли в XVIII веке [4, с. 105]. Несмотря на то, что Иван Кулибин стал автором множества важных изобретений, академиком, его образ в народном сознании закрепился как образ изобретателя-самородка. На уровне языка это воплотилось в неологизме «скулибить» - «смастерить что-то практичное из подручных материалов».

Знаменитый философ В.Г. Белинский называет изобретательность характерной чертой русского человека – наряду с бесстрашием, смелостью, трудолюбием, неутомимостью, талантливостью, гуманизмом и самопожертвованием. «Русский народ смышлен и понятлив, усерден и горяч ко всему благому и прекрасному», - отмечает ученый [3, с.125].

В этой связи любопытно рассмотреть мем об Илоне Маске с точки зрения семиотики. Сторонники семиотического подхода трактуют феномен мема как миф. На существование неких социальных мифов, которые не осознаются субъектом, воспринимаются некритично и твердо встраиваются в массовое общественное сознание, указал французский философ Р.Барт. Объясняя механизм функционирования мифа, Р.Барт расширяет трактовку структуры знака (означающее, означаемое и сам знак). Означающее философ рассматривает с двух точек зрения: а) как результат первичной знаковой системы; б) как исходный элемент формирующейся вторичной мифологической системы. Таким образом, образ изобретательного русского, умельца, мастера на все руки начал формироваться в научной среде XVIII века, был мифологизирован и лег в основу вторичного мифа, представленного мемом. Для понимания мема его необходимо декодировать, разгадать. Обращаясь к национальному бессознательному, мем отделяет «своих» от «чужих». В этом проявляется его функция идентификации. Угадывая в представленных изобретениях свойственную своему народу черту, русские с легкостью декодируют заключенное в меме сообщение.

Важной чертой мема является способность к репликации. Социолог Н.А. Зиновьева описывает мем как объект со внутренней кодовой структурой, в котором имеются «ядро» и «периферия». «Ядро» выступает в качестве носителя социокультурного кода мема, а «периферия» являет своего рода «адаптивный комплекс», «позволяющий адаптировать смысловое ядро мема к описанию новой реальности» [5, с. 75]. В каждом новом меме прежняя знаковая структура рушится и на ее месте строится новая путем замены элементов. Этот процесс легко проследить на серии мемов про Илона Маска.

При создании новых единиц неизменным остается ядро, представленное оппозицией «изобретательность - технологии» (или же «свой - чужой»). В этой серии мемов формально оно представлено фразой «Как тебе такое, Илон Маск?» (или же «Как тебе такое изобретение, Илон Маск?»). Прагматической доминантой фразы является вызов, утверждение соперничества. На периферию же выносятся новые варианты содержания, представленные графически.

Функция идентификации способствует реализации иронии. Е.И. Зиновьева в работе «Русская ментальность в зеркале языка», характеризуя прагматику русского анекдота, отмечает, что часто механизмом создания комического эффекта в малых жанрах является «сопоставление устойчивых, узнаваемых характеристик представителей разных этнокультурных сообществ, представляет ситуацию соревнования или состязания» [5, с. 76]. Целью такого спора, как правило, является доказательство преимущества «своего» героя над «чужим». В меме про Илона Маска мы видим воплощение этого принципа: космическим

технологиям противопоставлена русская смекалка. А русский изобретатель должен, согласно замыслу авторов мема, победить иностранного ученого.

Присутствует здесь и самоирония. Если проанализировать серию мемов про Илона Маска, то можно заметить, что в качестве периферийной, переменной составляющей использованы хорошо знакомые, но порой нелепые русские изобретения. Нелепыми их делает несоответствие времени, несоответствие стремительно развивающимся технологиям. Предметом иронии является низкий уровень прогресса.

Таким образом, в основе мемов серии «Как тебе такое, Илон Маск?» лежат не случайные изображения изобретений из подручных средств. Такие изобретения являются неотъемлемой частью русской ментальности и обращаются к коллективной памяти русского народа. В рассмотренной серии мемов, на наш взгляд, нашел воплощение миф о русском изобретателе, созданный на основе образа Ивана Кулибина. Прагматика мема схожа с прагматикой русского анекдота: эффект комического реализуется посредством утверждения преимущества русской смекалки над западными технологиями. В этом же заключается и самоирония: представленные изобретения часто не соответствуют времени.

Анализ серии мемов, посвященных оппозиции «изобретательность - технологии» позволяет говорить о связи мема с культурным кодом народа. Представляется, что дальнейшее изучение функционирования иронического креолизованного текста является перспективным в контексте исследования межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Дахин А.В., Щуров В.А. Иван Кулибин как комплекс неполноценности русской науки // Вестник ВГАВТ. 2006. № 19. С. 104-110.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 606 с.
3. Зиновьева Е.И. Русская ментальность в зеркале языка: учебное пособие. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2010. 96 с.
4. Зиновьева Н.А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ Интернет-мемов: автореф. дисс. Санкт-Петербург, 2016. 28 с.
5. Исмагилова Г.К., Шашарин В.Ю. Английские жаргонизмы в интернете / Г.К. Исмагилова, В.Ю. Шашарин // Казанский лингвистический журнал. - 2018.- том 1, №1. -С. 75-82

10.02.01

П.Е. Топорков

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Калуга, ptoporkovnewnew@yandex.ru

ПРЕДИКАТИВ В ЖАРГОНАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Цель исследования – дать обзор основных семантико-грамматических проблем, связанных с лексикографическим описанием, а также функционированием предикатива и категории состояния в жаргонах русского языка. Научная новизна исследования заключается в формировании системного подхода к решению проблемы семантико-грамматического статуса предикатива как класса слов в русском языке с учётом социолингвистических данных русских жаргонов. В результате исследования описаны основные семантические, словообразовательные и грамматические закономерности функционирования данного класса слов в жаргонах в динамике взаимодействия со сферой литературного языка.

Ключевые слова: предикатив, жаргон, состояние, оценка, категория состояния, предложно-надежная форма.

В данной статье рассмотрим основные аспекты функционирования предикативов в жаргонах русского языка. Мы опираемся на содержательные характеристики понятия предикатива как класса слов, предложенные в нашей работе [4].

I. Семантические характеристики

А. Узкий круг значений, представленный обширными рядами синонимов к каждому из данных значений. Наиболее обширны синонимические ряды со значением положительной/отрицательной оценки предмета/ ситуации/ состояния.

‘Что-л. превосходное, прекрасное’: *баунти, забой, замолодь, клевета, клевяк, крутняк, круть, монтана, отвал, отлёт, покат, потолок, путьяк, ру, шица* [3].

‘Безразлично’: *до банки, по барабану, до зонтика, до лампы, пакорабана, параллельно, пополам, по сараю, фиолетово* [3].

Б. Энантиосемия предикативных значений

а) оценочная энантиосемия.

Некоторые предикативы со значением эмоционального состояния могут выражать в зависимости от контекста как положительную, так и отрицательную оценку ситуации: например, предикативы *в отпаде, в потрясе* могут иметь значения «очень хорошо» и «сильно потрясен, в растерянности».

б) номинативная энантиосемия (отмечается реже).

Ср. *Я на нулях* может означать: 1. Я ничего не *потерял* 2. Я ничего не *приобрёл*.

В. Отмечено сильное расхождение в семантике форм И.п. жаргонного существительного и формы косвенного, на основе которой образован предикатив (*в мясе - мясо*). Часто в речи функционируют только две данные формы.

Быть в мясе, шутл.-ирон. 1. *Крепко спать*. Он нам не открыл, наверное, ещё *в мясе*. (Запись 1999 г.). 2. *Находиться в состоянии алкогольного опьянения*. Он сегодня опять *в мясе*, уже целую неделю не просыхает. (Запись 1999 г.). 3. *Восхищаться чем-л.; получать удовольствие от чего-л.* Они *в мясе* от «Гражданской обороны». (Запись 1999 г.).

II. Словообразовательные и морфемные характеристики

А. Экспрессивное словообразование

Характеризуя морфологическое словообразование в арготизме, М.А. Грачёв приходит к заключению, что наибольшей продуктивностью обладают те суффиксы, которые образуют эмоционально-экспрессивные слова; суффиксы абстрактных существительных обычно не используются, см. [1].

По мнению В.С. Елистратова, в сфере арготической суффиксации число продуктивных суффиксов ограничено. Это такие суффиксы, как *-ак, -як, -ач, -арь, -ага, -яга, -уха, -уха, -ник, -ник, -он*. Особую роль играет «экспрессивное словообразование», см. [2].

Ср.: *железняк, жесткач, классман, ужирон, залепон, на умняке (быть), крутяк, непруха* и др.

Б. Словообразование по устойчивым общезыковым моделям

Для жаргонов преимущественное образование предикативов по моделям *в, на + П.п.* с семантикой ‘погружённость в состояние’, *с + Т.п.* с семантикой ‘характеристика лица + оценка’. Единицы, образованные по модели *в, на + П.п.* со значением ‘погружённость в состояние’, составляют большинство среди анализируемых единиц.

Ср. в уголовном жаргоне: *в больнице, в доле, в дыму, в минимундусе, в рамках, в санатории...*

Ср. также в молодёжном жаргоне: *в наваре, в нажоре, в напряге, в обалдайсе, в обломе, в отказке, в откиде, в откате, в отключе/отключке...*

III. Грамматические характеристики

А. В молодёжном жаргоне наблюдается параллелизм форм предикатива типа *в + П.п.* и конструктивно обусловленного употребления предикатива, преимущественно в восклицательной конструкции (*Я в отпаде – [...] Отпад!*, см. также *умат, улёт* и др.). В первом случае наряду с оценочной присутствует семантика психического состояния, при этом форма предикатива *в + П.п.* может выражать результирующую семантику.

Б. Некоторые предикативы (*отпад, улёт*) могут выражать различные виды значений в зависимости от типа конструкции.

В личной конструкции предикатив выражает два вида значений:

а) оценка ситуации (при субъекте, выраженном простым предложением).

Ну, представляешь, полный *отпад* — я в ванне была, а он заходит, ты его знаешь, говорит так, между делом: «Ларка, ругаться не будешь? (Андрей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000));

б) оценка субъекта:

Фотки с комментариями — просто *отпад*!) «танцуют фсе» и про слона хорошо:)))
Завидуем вам зубастым, у нас пока пусто:) (Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)).

В безличной конструкции предикатив *отпад* выражает значение ‘состояние + оценка ситуации’:

Когда я надеваю мини-юбку, то на работе полный *отпад*! (Олег Павлов. Асистолия // «Знамя», 2009).

IV. Класс предикативов в контексте взаимодействия сфер литературного языка и нелитературных форм

1. В живой речи наблюдается движение единиц из сленга и жаргонов в общий субстандарт (в том числе через активное усвоение жаргонных лексем в СМИ и художественной литературе – в разговорную речь): образование единиц в общем субстандарте от диалектных и жаргонных корней. Данное направление охватывает сферу морфологии, лексики и семантики: заимствуются отдельные значения словоформ и конструкций, конструкции в целом.

2. Наблюдается движение единиц из общего субстандарта и КЛЯ в жаргоны и сленг (словообразование в сленге и жаргонах по моделям и от основ КЛЯ и РР). Данный процесс охватывает преимущественно сферу словообразования и включает в себя две составляющие:

а) заимствование моделей образования единиц (напр., *в, на + П.п.* с семантикой погружённости в состояние).

Ср.: *в пожаре, на стакане;*

б) заимствование лексем с последующей словообразовательной трансформацией основ.

Возникают сленговые обозначения на основе литературных корней.

Ср.: *в потрясе* – потрясти (потрясён), *в напряге* – напрячься:

Ср. *на подсосе* – фигурирует в современном словаре сленга [3]; в качестве источника – словарь арг Елистратова [2].

Выводы по итогам исследования

С одной стороны, предикатив как гибридный семантико-грамматический класс вписан в систему устойчивых словообразовательных, семантических и грамматических парадигм, охватывающих все сферы существования языка. С другой стороны, динамика пополнения класса и динамика взаимодействия нелитературных форм со сферой литературного языка показывает наличие специфических вариантов. Такие специфические варианты охватывают области морфемной структуры, грамматической семантики, в то время как сфера собственно семантическая оказывается значительно обеднена и сводится к достаточно небольшому перечню (состояния опьянения, удивления; общие оценки, утилитарные оценки...). Эта тенденция выявляет словообразовательные и грамматические характеристики предикатива как класса слов – т.е. те характеристики, которые в сфере литературного языка часто оказываются в тени собственно семантических (отчасти в связи с определённой «консервативностью» словообразовательных процессов в литературном языке). Это же отличает функционирование предикатива в сфере жаргонов от сферы народных говоров: в то время как народная крестьянская среда концептуально иначе представляет мир (в частности, это касается сферы оценок, природных состояний, состояний общественной среды), сфера жаргонная во многом опирается на концептосферу обыденного сознания «среднего носителя языка», при этом снижает её, насыщает идеологическими обертонами, а также подвергает на уровне «языкотворчества» формальным (словообразовательным и грамматическим) модификациям.

Список литературы

1. Грачёв М.А. К вопросу о функциях арг // Wiener slawistischer Almanach. Band 35. W., 1995.
2. Елистратов В.С. Словарь московского арг. Материалы 1980-1994 гг. Около 8 000 слов. 3 000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 1994. – 700 с.
3. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг: Толковый словарь: Более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 912 с.
4. Топорков П.Е. Предикативы как семантико-синтаксическая группа слов в русском языке // Русский язык в школе. 2013. №1. С.74-76.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***Е.А. Боброва, Ю.Б. Косова**

Байкальский государственный университет,
кафедра иностранных языков для профессиональных целей,
Иркутск, yekaterina803@mail.ru, kosova.74@list.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ‘ПУТЕШЕСТВИЕ’
В ПОЭМЕ ДЖ. ЧОСЕРА “КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ”**

В статье приводятся результаты исследования языковой представленности концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в произведении Дж. Чосера “Кентерберийские рассказы”, которое осуществлялось на основе диахронического подхода к исследованию концептов. Проведен анализ языковых репрезентаций состояния концепта на одном из этапов его эволюции. В результате структурно-семантического, этимологического и контекстуального анализа языковых репрезентаций концепта ПУТЕШЕСТВИЕ и выделения его концептосферы, была выявлена религиозная христианская доминанта, определившая содержание концепта в данном произведении и актуализирующая его характерные признаки в языковой картине мира среднеанглийского периода.

Ключевые слова: языковая репрезентация концепта, среднеанглийский период, Дж. Чосер, “Кентерберийские рассказы”, диахроническое исследование концепта, эволюция концепта, концептосфера.

Метод исследования языка через призму изучения концептов в синхроническом и диахроническом аспектах дает возможность рассмотрения языковой динамики в тесной связи с историко-культурными сдвигами, изменениями в семантической сфере, свидетельствующими о постоянных динамических процессах в общественном сознании и трансформации языковой картины мира. Теоретической основой исследования послужили следующие положения лингвистики: 1) концепт есть единица ментального лексикона и человеческой памяти [4, 200]; 2) концепт существует в *сознании*, детерминируется *культурой* и опредмечивается в *языке* [1, 75]; 3) концепты есть единицы культуры [7, 824]; 4) некоторые аспекты концепта могут быть раскрыты через характер его соотношений с другими концептами [5, 53-56]; 5) *эволюция* есть постепенное развитие явления, в котором каждый последующий этап связан с предыдущим [9, 1064].

Исследования концептов в последние десятилетия охватывают широкий спектр проблем: исследуется место концепта в системе мышления, языка и культуры [1, 76], выявляются теоретические основы для его изучения [3, 84-102], проводятся практические исследования с помощью использования различных методологических подходов, как например, описания языковой представленности отдельных концептов [6], выявления иерархической взаимосвязи концептов [2], сравнения языковых репрезентаций концептов и фреймов в разных языках [8], а также через призму других методов. Таким образом, подтверждается актуальность данного подхода для изучения языковых явлений.

Произведение Дж. Чосера “Кентерберийские рассказы” датируется 1380-1390 гг. и относится к литературным памятникам периода среднеанглийского языка, который считается очень важным для англосаксонской культуры. В этот период произошли кардинальные изменения, повлиявшие на этнокультурную традицию и развитие английского языка [10, 122]. После Нормандского завоевания древнегерманский субстрат стал уступать место нормандскому, в обиход вошло много слов французского и латинского происхождения, началась интеграция норманофранцузского и англосаксонского субстрата в

английском языке [12, 19]. Это и произошло с лексемами-номинантами данного концепта в период среднеанглийского языка, в обиход вошли новые лексемы, почти полностью вытеснив древнеанглийские именованья.

В концептосфере появился ряд новых частных концептов, репрезентируемых лексемами французского происхождения: *armee* - 'военная экспедиция', *chivachee/chivachie* - 'поездка верхом'; *pilgrimage* - 'религиозное путешествие', 'паломничество', *journee* - 'однодневное путешествие', *viage* - путешествие. Лексема *herbergeours* репрезентирует концепт, характерный для периода средневековья: 'путешествие королевских служащих - квартильеров - с целью найти место для размещения короля во время его путешествия куда-либо'. Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ также репрезентирован в поэме глагольными сочетаниями *ryde(n, ryden out, be, wende, go, saile*.

Для определения социокультурных оснований концепта в тексте поэмы были выделены ключевые концепты культуры, характерные для Англии XIV века. Мотив "божественного путешествия" пронизывает религиозное сознание и ценностные установки англичан времени Чосера. Это проявилось в расцвете движения паломничества и появления одноименного концепта, в котором концепт БОГ находился в области основных целей данного путешествия.

В "Кентерберийских рассказах" концепт ПУТЕШЕСТВИЕ, а точнее частный концепт ПАЛОМНИЧЕСТВО является сюжетной канвой всей поэмы: 29 человек оказались попутчиками, совершая паломническое путешествие в Кентерберии к мощам Фомы Бекета, которые договорились рассказывать друг другу по дороге разные истории.

Wel nyne and twenty in a companye, of sondry folk, by aventure y-falle in felawshipe, and pilgrims were they alle, that toward Caunterburry wolden ryde (CT, The Prologue, 24-27): "Двадцать девять их было в компании, разного рода людей, которые по случаю стали товарищами, они все были паломниками, которые отправились в Кентерберии...".

Частный концепт ПАЛОМНИЧЕСТВО репрезентирован в данном отрывке лексемой *pilgrims*, а также глаголом *ryde*. Наряду с концептом БОГ в центре ценностной концептосферы англосаксонского общества XIV века находится концепт ВОЙНА. Войны того периода отражали меняющуюся экономическую систему Англии: войны в Уэльсе и Шотландии, Столетняя война между Францией и Англией (1337 - 1453) накладывали отпечаток на сознание людей [12, 13]. В тексте поэмы мы находим отражение частного концепта ВОЙНА ЗА ВЕРУ, в котором соединились концепты ВОЙНА и БОГ как выражение главных императивов эпохи - военного и религиозного.

Концепты ВОЙНА и БОГ как центральные элементы ценностной картины мира англичан и составляющие концептосферы ПУТЕШЕСТВИЕ актуализируются также в концепте РЫЦАРСТВО. В поэме Рыцарь - это образец абсолютной доблести, чести и всех положительно маркированных стереотипов поведения:

A knight ther was, and that a worthy man, that fro the tyme that he first bigan to ryden out, he loved chivalrye, trouthe and honour, freedom and curteisye. (CT, The Knight, 43-46): "Был там рыцарь, то был достойный человек, который с того времени, как начал ездить по миру, любил рыцарство, правду и честь, свободу и учтивость".

Использованная лексема *chivachye*, пришедшая из французского языка, означала 'конное путешествие', которое обрело особую релевантность в рыцарскую эпоху и репрезентировало актуальный в коммуникативном плане концепт ПОЕЗДКА ВЕРХОМ.

Бурное развитие международной торговли способствовало формированию концептов ТОРГОВЛЯ и ТОРГОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Они отражены в описании образа Шкипера, в котором отразились характерные черты "джентльмена удачи"; таким образом, проявляется и сфера действия концепта ПИРАТСТВО. Именно беспредел пиратов и разбойников, который царил в море в этот период, заставил торговцев и купцов Англии предпринимать активные действия по защите своих грузов.

He wolde the see were kept for anything bitwixe Middleburgh and Orewelle (CT, The Merchant, 276-278): “Он (купец) требовал, чтобы любой ценой море охранялось между Мидлбургом и Оруэллом.”

Предприниматели и купцы сами позаботились о том, чтобы наиболее важные торговые пути, каким был путь от Мидлбурга в Оруэлл, охранялись. Пиратство было серьёзной проблемой для Англии, и даже король Эдуард III пытался решить эту проблему, приняв меры для охраны Английского пролива [13, 628].

ДОМ как исходная точка путешествия – это концептуальная константа ПУТЕШЕСТВИЯ, его неизменный признак, характерный как для древних состояний концепта, так и для состояния концепта, отраженного в тексте “Кентерберийских рассказов”. ДОМ репрезентируется при описании путешествия паломников в прологе:

That each of yow, to shorte with your weye, in this viage, shaf telle tales tweye, to Caunterbury-ward, I mene it so, and hom-ward he shal tallen othere two (CT, The Prologue, 792): “и каждый из вас, чтобы скоротать путь, во время путешествия расскажет две истории на пути в Кентерберу и по дороге домой другие две”.

Направление движения паломников выражено сочетанием to Caunterbury-ward, где актуализируется их пункт назначения, а ориентир обратного пути виден в выражении hom-ward.

Таким образом, лексически концепт ПУТЕШЕСТВИЕ в поэме представлен 6 собственными лексемами именами существительными среднеанглийского периода: viage, herbergeouns, pilgrimage, wandring, chivachye, journée, а также глаголами ryde(n, ryden out, wende, be, saile, go в значении ‘путешествовать’.

Выделенная система частных концептов включает концепты ПАЛОМНИЧЕСТВО, ПОЕЗДКА ВЕРХОМ, ВОЙНА ЗА ВЕРУ, ТОРГОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Концепт ПАЛОМНИЧЕСТВО представлял массовый, положительно оцениваемый и социально значимый вид путешествий, что было обусловлено императивами христианской ценностной доминанты общественного сознания Англии XIV века. С концептом в тексте контактируют концепты семиотического окружения: БОГ, ВОЙНА, ТОРГОВЛЯ, ПИРАТСТВО, РЫЦАРСТВО. Концепт ДОМ в среднеанглийский период, как и в предшествующие этапы, является константным концептом, являясь неизменным ориентиром в путешествии.

Список литературы

1. *Карасик В.И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В.И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. трудов / Ред. И. А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
2. *Китова Е.Б.* Иерархия концептов Data, Information, Knowledge в английском языке: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2006. -197с. РГБ ОД, 61:06 -10/523
3. *Кравченко А.В.* Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления [Текст] / А. В. Кравченко // Жанры речи: сб. ст. Вып. 5. Жанр и концепт. – Саратов: ГосУНЦ “Колледж”, 2005. – С.84-102.
4. КСКТ - Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Кубрякова Е. С. [и др.]. – М. : [б. и.], 1996. – 200 с.
5. *Никитин М.В.* Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-65.
6. *Паульзен Н.С.* Концепт Verantwortung в современном немецком языке: дис...канд. филол. наук: 10.02.04 / Паульзен Наталья Сергеевна: [Иркут. гос. лингв. ун-т]. – Иркутск, 2008. – 176с. РГБ ОД, 61-08-10/ 241
7. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь Русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
8. *Тардыбаева Е.В.* Языковая репрезентация фрейма ЗАКОН: на материале русского и немецкого языков: дис...канд. филол. наук: 10.02.19.- Иркутск, 2006 .– 182с.: ил. РГБ ОД, 61 07–10\253
9. *Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры [Текст] / Л. Уайт. – М.: РОССПЭН, 2004б. – 1064 с.
10. *Шапошникова И.В.* Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте [Текст]: автор. дис. д. фил. наук. / И. В. Шапошникова. – М., 1999. – 243 с.
11. СТ- Chaucer, G. The Canterbury Tales. [Text]. / G. Chaucer. – Chicago: Encyclopedia Britannica, 1952. – P. 157-550.
12. *Morgan D.A.* Short History of the British people [Text] / D. Morgan. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989. – 179 p.
13. *Trevelyan G.M.* English Social History. A Survey of Six Centuries: Chaucer to Queen Victoria [Text] / G. Trevelyan. – London-NY-Toronto: Longmans, Green And Co., 1946. – 628 p.

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²Н.Е. Горская канд. психол. наук,
³А.В. Федорюк канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,
Иркутск, vecotd@yandex.ru,

²ЧОУ ВО «Восточно-Сибирский институт экономики и права»,
кафедра лингвистики,

Иркутск, Natgo2012@yandex.ru,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, Fedoryuk@rambler.ru

РОЛЬ ФРАЗЕЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЫ ДИСКУРСА

Целью статьи является исследование формирования иллокутивной силы речевого акта с точки зрения комплексного подхода. Подчёркивается, что ключевая роль в данном процессе принадлежит фразеологическим интенсификаторам. Описываются способы достижения ассертивной и директивной иллокутивных целей высказываний в дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, фразеологические интенсификаторы, иллокутивная сила, речевой акт, интенсивность, иллокутивная цель, интенциональное состояние.

Изучение структуры прагматического содержания дискурса является одной из актуальных проблем в современной лингвистике. В настоящее время активно изучаются основные процессы человеческого мышления, поскольку через призму познания окружающего мира, субъект структурирует и классифицирует необходимую для него информацию [1], [2], [4]. Особый интерес у ученых вызывает проблема формирования иллокутивной силы дискурса при непосредственном участии в этом процессе фразеологических интенсификаторов (далее ФИ). В своём исследовании мы придерживаемся точки зрения А.М.Каплуненко, который установил, что семантико-коммуникативная природа ФИ основана на иллокуции [3]. Анализ исследованного нами материала позволили сделать вывод о том, что ФИ в дискурсе являются знаками иллокуции, знаками, которые указывают на то, с какой иллокутивной силой произносится высказывание. Нами было выявлено, что основная функция ФИ в коммуникации заключается в усилении иллокутивной силы речевого акта. Иллокутивную силу можно отнести к комплексному понятию, поскольку оно включает такие компоненты, как: иллокутивная цель, способ и условие достижения иллокутивной цели, условие искренности речевого акта, а также интенсивность иллокутивной цели и интенсивность условий искренности. На наш взгляд, наиболее важным для анализа иллокутивной силы дискурса является рассмотрение таких компонентов, как: интенсивность иллокутивной цели и интенсивность условий искренности. Придерживаясь классификации речевых актов Дж. Серля и Д.Вандервеке, мы выяснили, что самую большую группу исследуемых речевых актов с ФИ, составляют высказывания с ассертивной иллокутивной целью [5]. Данная цель направлена на то, чтобы высказать с уверенностью, как обстоят дела. Приведём два примера речевых высказываний, которые демонстрируют синонимичность и произнесены одним адресатом.

“I think you’re guilty”, she said quietly. “I think you’re guilty **as hell**” (A.Drury “Decision”, p. 185). В первом утверждении мы наблюдаем, что иллокутивная цель выражена с меньшей интенсивностью, в сравнении со вторым, где адресант употребляет ФИ as hell. Используя данный интенсификатор, адресант надеется на то, что адресат признает реальное состояние дел, выраженное пропозициональным содержанием речевого акта.

Следующий пример демонстрирует последовательное нарастание интенсивности ассертивной иллокутивной силы.

“So”, she said, “tell me about Jane”.

“Janie,” he said, eyes and voice suddenly filling with pride, “is **quite** a girl. She’s almost fifteen – tall – blond – dark-eyed, which makes for a combination – everything in the right proportions and getting more so – charming – lovable – **extremely** intelligent- quick-witted – just **a hell of** a bright kid” (A.Drury “Decision”, p.48).

Важным моментом в нарастании интенсивности ассертивной иллокутивной силы является внутреннее напряжение, которое объясняется интенциональным состоянием говорящего. Можно заметить, что лексические интенсификаторы (*quite, extremely*) усиливают выражение интенционального состояния говорящего, испытывающего чувство гордости своей дочерью. По мере нарастания внутреннего напряжения, возрастает интенсивность иллокутивной цели и достигает своего предела с употреблением ФИ *a hell of*.

Помимо утверждения, ассертивная иллокутивная цель выражается в речевых актах заявлениях, сообщениях, предсказаниях, предположениях и догадках. Перечисленные способы достижения иллокутивной цели имеют, соответственно, разную степень интенсивности. Так, в ассертивном речевом акте догадки, интенсивность иллокутивной силы будет слабее, чем, например, в речевом акте предположении, которое содержит некие доказательства. Приведём следующий пример:

1. I tried to catch them, but I guess they were **good and** scared, because they ran too fast for me (A.Drury “Decision”, p.109).

2. Old Sally’s ankles kept bending in till they were practically on the ice. They not only looked stupid, but they probably hurt **like hell** too. She was killing herself. It was brutal. I really felt sorry for her. She wasn’t looking too happy (J.D.Salinger “The Catcher in the Rye”, p.116).

Первое высказывание выражает догадку, поскольку в нем присутствует перформатив “guess” (“догадываться”) и имеет слабую степень иллокутивной силы. Используя ФИ *good and ...*, говорящий повышает степень приверженности истине того, что утверждается пропозицией. Второе высказывание представляет собой предположение, выраженное наречием *probably*, в котором приводятся некие доказательства, а именно, интенциональное состояние сожаления, вербализованное речевым актом с ассертивной иллокуцией. Лексические средства: *to kill, brutal, not happy* указывают на то, что предположение говорящего оправдано; интенсивность ассертивной иллокутивной силы усиливает ФИ *like hell*.

Следующий пример демонстрирует способность ФИ усилить ассертивную иллокутивную цель речевого акта, который представляет собой заявление (*you may take it as definitely official*) :

“Did it hurt?”

“You may take it as definitely official that it hurt **like blazes**.”

“Coo! I’m sorry. I mistook you for the burglar” (P.G.Wodehouse “Joy in the Morning”, ch. XVII, p. 144).

Для достижения ассертивной иллокутивной цели заявления, адресант использует ФИ *like blazes*, усиливая тем самым данное высказывание. Это вызывает у адресата интенциональное состояние сожаления, которое выражается в междометии “Coo!” и экспрессиве “I’m sorry”.

В двух других примерах для достижения поставленной коммуникативной цели используются способы, которые соответствуют приказу и просьбе, т.е. директивные речевые акты.

1. Put your handkerchiefs over your noses and run **like hell**! (A.Drury “Decision”, p.259)

2. “Would it be too much to ask you to fly **like a bat out of hell**? I’ve a date”, Biff said. Mr. Scarborough assured him that he would be back in twenty minutes, if not sooner, and his promise was fulfilled (P.G.Wodehouse “Frozen Assets”, p.155).

В первом речевом акте для достижения иллокутивной цели говорящий использует такой способ достижения, как приказ. Именно этот способ, по его мнению, является наиболее

действенным. Следует подчеркнуть, что в каждом выбранном способе достижения директивной иллокутивной цели присутствует интенсивность, которая выражена ФИ *like hell, like a bat out of hell*. Как утверждают Дж.Серль и Д.Вандервекен, успех в достижении определённой иллокутивной цели возможен только в том случае, если в речевом акте присутствует побуждением выполнить действие, репрезентированное пропозицией [5]. Степень интенсивности зависит от поставленной иллокутивной цели. Соответственно, просьбе будет соответствовать меньшая интенсивность, чем приказу и требованию. Таким образом, целью любого директивного речевого акта является достижение перлокутивного эффекта; различие между способами достижения заключается в интенсивности выражения иллокутивной цели.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что речевые акты, включающие ФИ, могут иметь ассертивную иллокуцию, различной степени интенсивности, которая зависит от способа достижения иллокутивной цели. Различные способы достижения имеет и директивная иллокутивная цель, которая представляет собой как скромные, например совет, так и достаточно резкие (приказ, требование) попытки со стороны говорящего добиться определенного действия от слушающего. Согласно теории интенциональных состояний Дж. Серля [8], большую роль в речевом иллокутивном акте с пропозициональным содержанием, играет психологическое состояние говорящего, а именно, искренность сказанного. Вербализация соответствующего интенционального состояния осуществляется с помощью речевых актов, в составе которых присутствуют фразеологические интенсификаторы.

Список литературы

1. *Баребина Н.С.* Когнитивный антропоцентризм в условиях формирования эпохи антропоцена (на материале терминов когнитивного подхода в лингвистике) // Наука как движущая антикризисная сила. Сборник по материалам 6-й Международной конференции Киев, 31 августа 2019г. – Киев, 2019. С. 79-93.
2. *Егорова М.А., Сметанина-Крушевски Н.В.* Аргументация как одна из неотъемлемых частей диалогического дискурса // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности. Материалы X Всероссийской научной конференции. 2018. С. 97-103.
3. *Каплуненко А.М.* Историко функциональный аспект идиоматики (на материале фразеологии английского языка): Дис. . д-ра. филол. наук: 10.02.04 / МГЛУ – Москва, 1992. – 351 с.
4. *Костюшкина Г.М.* Коммуникативный акт как инструмент изучения категорий в языке. Коммуникативный акт как инструмент изучения категорий в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во Грамота, 2018. №9(87). Ч.2. С.361-365.
5. *Серль Дж.* Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д.Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18.С. 242-263.
6. *Drury A.* Decision . – New York: Pinnacle Books, INC. – 1984. 532 p.
7. *Salinger J.D.* The Catcher in the Rye – London: Penguin Books Ltd., 1994.
8. *Searle J.R.* Intentionality - Cambridge, Cambridge University Press, 1983.
9. *Wodehouse P.G.* Frozen Assets – London : Herbert Jenkins, 1964. 219 p.
10. *Wodehouse P.G.* Joy in the Morning – New York, 1946. 281p.

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²И.В. Пашаева канд. филол. наук, ³М.Б. Санина

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,
Иркутск, vecotd@yandex.ru,

²ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков,
Иркутск, pashaeva@istu.edu,

³ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков,
Иркутск, marinsanin@yandex.ru

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В АРГУМЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуются фразеологические интенсификаторы в рамках теории аргументации. Описываются различные точки зрения исследователей на данную проблему. Используется интерпретативный метод, в основе которого лежит процедура использования макроречевого акта. Представлен подробный лингвистический анализ исследования роли фразеологических интенсификаторов в аргументированном дискурсе. Делается вывод о том, что фразеологические интенсификаторы в макроречевом акте являются основным средством речевой стратегии, способные усиливать иллокутивную силу высказывания.

Ключевые слова: аргументация, дискурс, фразеологические интенсификаторы, иллокутивная сила, макроречевой акт.

В последнее время актуальными являются исследования фразеологических интенсификаторов, в основе которых лежит принцип антропоцентризма. Это связано, прежде всего с тем, что фразеологические интенсификаторы интересны ученым с точки зрения роли человека в их формировании. Изучение данных о дискурсивной дистрибуции фразеологических интенсификаторов и объединение этих данных с имеющимися научными представлениями, позволили нам получить некоторые ответы на вопросы о месте фразеологических интенсификаторов в языковой картине мира и о его дискурсивной нише.

Анализ языкового материала показывает, что фразеологические интенсификаторы функционируют благодаря нарративным и аргументативным дискурсам. Получить такие результаты нам удалось, применяя теорию аргументации.

Особой интерес, на наш взгляд, представляют современные исследования ученых по лингвистике, которые считают, что аргументация – это особый макротип коммуникации, иллокутивная цель которого заключается в том, чтобы тот, кому адресован речевой акт, принял нужное для субъекта решение [2], [4], [6], [6].

В своём исследовании, мы придерживаемся данной теории, и, рассматриваем аргументацию, как сложный, имеющий свою особую структуру, макроречевой акт. Проанализируем следующий пример:

He's a splendid young fellow. Boxed three years for Oxford and, so I learn from a usually reliable source, went through the opposition like a dose of salts [10: 210].

Рассматривая пример, мы видим, что первая часть высказывания «He's a splendid young fellow» – это тезис аргументации, содержащий препозицию. Два других «Boxed three years for Oxford» и «went through the opposition like a dose of salts» являются доводами к справедливости высказывания. В совокупности – это иллокутивная сила аргументации, фразеологическим интенсификатором которой, является like a dose of salts. Таким образом, можно утверждать, что отдельный речевой акт нельзя считать точкой зрения или аргументом.

Следует отметить, что составляющие речевого акта аргументации, имеют отличительные особенности. Эти особенности могут включать оценку суждения, суждение о будущем, суждение, имеющее модальный предикат (приемлемое/неприемлемое). При этом, понятие «приемлемость» является важным, поскольку позволяет отдалиться от формально-логического описания аргументации и приблизиться к ее лингвистическо-аксиологическому описанию. Целью субъекта аргументации является убедить собеседника, в том, что его точка зрения приемлема. Пропозиция аргументации может иметь основу признака или причины. Так, рассматривая пример «This meat hasn't been cooked properly (точка зрения). It's tough as old boots» (аргумент), мы наблюдаем признаковую аргументацию. Следующий пример «Mother hates it if we're late (тезис). The point is – that she clings like mad now to the day's routine – you know (аргумент)» [8: 16] можно интерпретировать как приемлемость аргумента, который выражает причину выдвинутой точки зрения. Следует отметить, что в данных примерах мы наблюдаем только один аргумент в пользу или против заявленной точки зрения, однако чаще всего, в литературе встречается несколько аргументов, имеющих различные виды связей. Ф. ван Емерена и Р. Гроотендорста называют такое описание структуры аргументации множественной, сложносочиненной, сложноподчиненной [3], что прослеживается в следующем примере:

I thought he was in many ways my superior. He'd gotten into Yale, and his grades were a hell of a lot better than mine had been in college. He was a better athlete. He had a natural command of languages and easier way of relating to other people – he was much more gracious, a relaxed guy, very charming [9: 380].

Приведённые примеры, демонстрируют важное значение фразеологических интенсификаторов в аргументативном дискурсе, способствуя усилению иллокутивной силы.

Исследуя фразеологические интенсификаторы А.Н. Баранов и В.М. Сергеев, вывели, что в аргументативном дискурсе чаще всего используется категория безопасности, которая является более убедительной [1]. Наше исследование также подтверждает тот факт, что категория безопасности наиболее ценна для макроречевого акта. Это связано, на наш взгляд с тем, что понятие безопасности ассоциируется с такими ценностями, как здоровье. Рассмотрим следующий диалог, который подтверждает вышесказанное:

«You were right. It was enteric. I've got five cases. But I don't know the ropes. ...I was worried about the origin, thought I might be dealing with a carrier. I've come to ask your advice».

«You see» Denny resumed, «paratyphoid is more or less endemic here. But one day soon, very soon, we are going to have a pretty little blaze-up. It's the main sewer that's to blame. It leaks like the devil, and seeps into half the low wells at the bottom of the town. I've hammered at Griffiths about it till I'm tired. He's a lazy, evasive, incompetent, pious swine». ...

«We'll have to do something about it. We must write to the Ministry of Health», Andrew said impulsively.

«We could write a dozen letters», Denny answered, « And all we'd get would be a doddering commissioner down here in six months' time. No! I've thought it all out. There's only one way to make them build a new sewer.»

«How?»

«Blow up the old one!» [7: 40]

Данный макроречевой акт, направлен на то, чтобы убедить адресата изменить мнение, поскольку ситуация настолько серьезная, что угрожает катастрофой всему городу. Для адресанта важно достичь своих целей, а именно: повлиять на когнитивное сознание и поведение своего собеседника. Для того, чтобы собеседник изменил своё мнение, субъект использует аргумент-ассертив, направленный на переинтерпретацию ситуации: «It's the main sewer that's to blame.» Данное высказывание направлено на то, чтобы убедить собеседника, что именно его намерения верны, поскольку те доводы, которые он приводил представителям власти к создавшейся ситуации, не помогли; говорящий не смог убедить: «I've hammered at Griffiths about it till I'm tired». В связи с этим обстоятельством, адресант использует иллокутивную силу основного аргумента с пропозицией: «It leaks like the devil,

and seeps into half the low wells at the bottom of the town». Усилителем аргумента является фразеологический интенсификатор *like the devil*, позволяющий посмотреть собеседнику на сложившуюся ситуацию несколько иначе. Использованный тезис- ассертив, выражает оценочное суждение в адрес местных властей, которые не хотят выполнять свои обязанности. Высказывание «He's a lazy, evasive, incompetent, pious swine» способствует вербализации интенционального состояния из вины. В этом случае фразеологический интенсификатор выражает средство иллюкутивного и интенционального усиления. Однако, адресат предлагает вариант решения проблемы, который, по мнению адресанта, не принесёт результаты «We must write to the Ministry of Health». Для полной убедительности необходимо было использовать ряд контраргументов, направленных против данного предложения. Для этого адресант использует аргумент с пропозицией директивной иллюкуцией «Blow up the old one!», с той целью, чтобы власти города построили новую трубу.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что фразеологические интенсификаторы в макроречевом акте аргументации играют большую роль, раскрывая коммуникативное предназначение фразеологических интенсификаторов в аргументативном дискурсе. Коммуникативный подход обеспечивает достижение поставленной цели к исследованию фразеологических интенсификаторов в теории аргументации. Учитывая тот факт, что труба была взорвана и власти приступили к её починке, говорит о том, что перечисленные аргументы оказались успешными. Таким образом, можно констатировать, что макроречевой акт убеждения безопасности адресанта, в составе которого используется фразеологический интенсификатор, способен изменить точку зрения адресата. Для достижения цели адресант оперировал определенными фразеологическими интенсификаторами, руководствуясь собственными коммуникативными целями, соответствующими правилами коммуникации и уместностью фразеологических интенсификаторов в контексте данных целей и правил.

Список литературы

1. Баранов, А.Н., Сергеев В.М. Естественнo-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М.: Центральный Совет философских (методологических) семинаров при Президиуме АН СССР, 1988. С. 104-130
2. Баребина Н.С. Аргументация как языковая деятельность (биокогнитивный подход) // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2017. № 1 (57). С. 78-85.
3. Емерен ван Ф., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб.: «Васильевский остров», 1992. 207 с.
4. Костюшкина Г.М., Баребина Н.С. Методологические ориентиры системного и синергетического подходов в исследовании новых объектов (на примере исследования языковой контраргументации) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 193-199.
5. Семенова О.Ф. Аргументирующая функция паремических единиц // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности. Материалы X Всероссийской научной конференции. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2018. С. 143-148.
6. Семенова О.Ф. Контекстные стратегии аргументации в политическом дискурсе российских руководителей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 279-283.
7. Cronin A.J. The Citadel. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957. 421 p.
8. Priestley J.B. Three Men in New Suits. New York: International Publishers, Co., 1975. 170 p.
9. Thomas J. Father Son and Co.: My Life at IBM and Beyond. New York: Bantam Books, 1990. 468 p.
10. Wodehouse P.G. Service with a Smile. New York: Simon and Schuster Co. 1961. 219 p.

10.02.04

Е.П. Дмитрова, А.В. Жиганова, Т.П. Смирнова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
Нижний Новгород, dmitrovaelizaveta@yandex.ru, ann-zhil@yandex.ru, tp_smirnova@mail.ru

**«ЛУННАЯ СОНАТА» Л.ВАН БЕТХОВЕНА:
СТИЛЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ**

«Лунная соната» (Mondscheinsonate, 1801) Л. ван Бетховена анализируется в статье как пример (музыкального) «прецедентного текста» (Ю.Н. Караулов), диссипативной порождающей модели новых стилистических образов и аналогий. Вариантом стилевой интерпретации «Лунной сонаты» Л. ван Бетховена в неакадемической музыке рассматривается композиция “Because” Дж. Леннона (The Beatles). В указанном ракурсе музыкальные сочинения Бетховена и Леннона исследуются впервые.

Ключевые слова: Л. ван Бетховен, «Лунная соната», Дж. Леннон, Because, прецедентный текст, Ю.Н. Караулов.

В 1801 году Л. ван Бетховеном было написано одно из наиболее известных музыкальных произведений, Соната *cis-moll* op. 27 № 2 («Лунная»), с авторским посвящением ученице композитора, Дж. Гвиччарди (*G. Guicciardi*). Позднее, в 1824 году, немецкий писатель, поэт и музыкальный критик Л. Рельштаб (*L. Rellstab*) сравнил сонату с лунным пейзажем на Фирвальдштетском озере (в действительности не связывая напрямую фрагмент своей новеллы «Теодор. Музыкальная зарисовка» (*Theodor. Eine musikalische Skizze*) с известной фортепианной сонатой Бетховена) [7]. Выразительный отклик Л. Рельштаба, с воссозданными в нём образами «мерцающей луны», летящих «лебедей-призраков», «руин», описанием жалобных звуков «эоловой арфы», тоскующей от «одинокой, неразделённой любви», был воспринят, тем не менее, прямой отсылкой к музыкальному тексту Бетховена и часто цитируется в публикациях о немецком композиторе [4. С. 231]. Метафоричное название «Лунная» легко закрепилось за произведением ещё при жизни композитора (указанный заголовок использовался также в одном из первых биографических жизнеописаний Бетховена, составленном А. Шиндлером в 1840 году) [7]; в том же наименовании произведение известно в XXI веке.

Сам Бетховен вряд ли учитывал какие-либо поэтические аналогии при написании «Лунной сонаты» (кроме, возможно, эмоций от пылкого чувства, «закреплённого» авторским посвящением). Вместе с тем, лейтмотив «круглой луны» косвенно «обыгран» в музыке сонаты «круговой строчной формой», характерной «для некоторых прелюдий Баха» и положенной Бетховеном в основу первой части «Лунной» [4. С. 232]. Именно выразительные элементы музыки, «глубокие и архаичные слои», апеллирующие к барочной музыкальной традиции XVIII века, позволяют понять, замечает Л.В. Кириллина, характер первой части «Лунной сонаты» Бетховена, *Adagio sostenuto*, без помощи пресловутых «лебедей» и «руин» [там же].

«Лунная соната» Л. ван Бетховена составляет неотъемлемую часть мировой музыкальной культуры и неоднократно вдохновляла художников на создание собственных шедевров. Так, общим местом музыковедческой критики разных лет видится вывод об аналогии «мелоса аккордовых тонов», воспринятых Ф. Шопеном из «Лунной сонаты» Бетховена, и перенесённых в «мелос романтического орнамента» знаменитой «Фантазии-экспромта» (1834) гениального польского композитора [6].

Редкий тип «прочтения» сонаты Бетховена демонстрирует европейски известная художница К. Патерсон (K. Paterson), «зашифровавшая» в 2007 году «Лунную сонату» азбукой Морзе и отправившая преобразованный музыкальный текст в виде радиоволн на Луну [9].

Столь разные «отклики» на музыкальный шедевр немецкого композитора, вовлечённость музыкального текста Бетховена «во всё новые ситуации резонанса на основе обратной связи» [2. С. 94] позволяют говорить о прецедентном потенциале «Лунной сонаты», рассматривать её как диссипативную порождающую модель новых стилистических образов и аналогий.

Концепция «прецедентного текста» (ПТ) разработана в отечественной гуманитаристике Ю.Н. Карауловым и включает ряд принципиальных положений: исследователь определяет ПТ как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, (3) обращение к которым возобновляется в дискурсе данной языковой личности» [3. С. 216]. В современной отечественной лингвистике ставшее классическим определение «прецедентного текста» Караулова экстраполировано на прецедентные феномены (ПФ); оба понятия активно используются в трудах многих учёных [1]. Так, В.В. Красных, опираясь на определение ПТ Караулова, понимает термин «текст» «в более узком смысле» и рассматривает ПТ наряду с прецедентной ситуацией (ПС) как «вербализуемые» прецедентные феномены [5. С. 47]: «вербальные» (к ним относятся «вербальные единицы, тексты как продукты речемыслительной деятельности») и «невербальные» («произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.») [5. С. 46]. Каждый ПТ – шире – прецедентный феномен, будучи интегрированным в иной контекст, способствует созданию новых дискурсивных взаимодействий, принципиально важных для межкультурной коммуникации. «Сверхличностный характер» ПТ обеспечивает при этом понимание и интерпретацию вновь возникающих смысловых структур и ассоциаций.

Проанализируем в указанном ракурсе вариант стилевой интерпретации «Лунной сонаты» Л. ван Бетховена в неакадемической музыке, в композиции “Because” (1969) Дж. Леннона (the Beatles), написанной с использованием схожих аккордовых последовательностей.

Считается, что исполнение Й. Оно “Лунной сонаты” вдохновило Дж. Леннона на сочинение песни, что следует из интервью музыканта американскому журналисту Д. Шэффу [11]. Обратимся к словесному тексту произведения:

Because the world is round it turns me on // Because the world is round // Because the wind is high it blows my mind // Because the wind is high // Love is old, love is new // Love is all, love is you ... [10].

Текст песни можно описать как меланхоличное рассуждение о любви и её месте в категории «вечного». Леннон исключает из словесного подстрочника музыкальной композиции образ «мерцающей луны» Рельштаба, но переносит из начальных трактовок названия сонаты-фантазии Бетховена метафоричный эпитет «круглый» (round), используя его в новом ключевом сочетании «круглый мир» (world is round). Итоговая словесная «комбинация» Леннона отсылает реципиента к семантическому полю иных смысловых и стилистических коннотаций: Вселенная, Мироздание, Космос, Гармония, Симметрия, Единение, Эрос [8].

Тематическая доминанта музыкальной композиции Леннона «круглый мир» очевидно привносит в песню дополнительную характеристику «вечного», совершенного чувства, отличающегося от светлой, но печальной истории, «рассказанной» в музыке Л. ван Бетховена (Кириллина указывает в этой связи на то, что диалог «мужского» и «женского» голосов финала «Лунной сонаты» прерывается «на полуслове мощным вторжением слепой стихийной силы», выраженным «арпеджио и пассажами через всю клавиатуру», и может восприниматься «ключом «сюжета» сонаты, если таковой вообще подразумевался композитором» [4. С. 235]).

Представляется, что изучение произведений в контексте прецедентности интересно с точки зрения нового, часто неожиданного их прочтения, наполняющего тексты новым

смыслом. Эмоциональная и познавательная наполненность ПТ, его экспрессия и информативность вовлекают реципиента в захватывающий мир интеллектуально-поэтических ассоциаций. Природная диалогичность ПТ обеспечивает при этом «основы взаимопонимания», придаёт «коммуникации смысл» [2. С. 86].

Список литературы

1. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. 417 с.
2. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И., Рябов Г.П. Словарь по межкультурной коммуникации. Понятия и персоналии. Москва: Флинта; Наука, 2010. 134 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 261 с.
4. Кириллина Л.В. Бетховен Жизнь и творчество: в 2 т. Том 1. Москва: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2009. 531 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. Москва: Гнозис, 2002. 282 с.
6. Кремлев Ю. Шопен. Фантазия-экспромт до-диез минор. // Электронный ресурс Интернет: https://www.belcanto.ru/chopin_op66.html (дата обращения 23.04.2021).
7. Gertsch N., Perahia M. Beethoven. Fünf berühmte Klaviersonaten. Vorwort. G. Henle Verlag. // Электронный ресурс Интернет: <file:///C:/Users/home/Downloads/HN%201392.pdf> (дата обращения 23.04.2021)
8. Карта слов и выражений русского языка // Электронный ресурс Интернет: <https://kartaslov.ru> (дата обращения 23.04.2021).
9. Сайт К. Патерсон // Электронный ресурс Интернет: <http://katiepaterson.org/portfolio/earth-moon-earth> (дата обращения 23.04.2021).
10. Because // Электронный ресурс Интернет: <https://genius.com/The-beatles-because-lyrics> (дата обращения 23.04.2021).
11. The Beatles Bible // Электронный ресурс Интернет: <https://www.beatlesbible.com/songs/because> (дата обращения 23.04.2021).

10.02.04

О.В. Звада

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, zoksana@inbox.ru

ИЗУЧЕНИЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматривается один из способов обучения английскому языку на примере газетных заголовков, представленных в британской прессе. Целью статьи является анализ трёх компонентов, составляющих лексическую компетенцию – когнитивного, действенно-практического и рефлексивного. В задачи статьи входит лексико-грамматический анализ языковых особенностей заголовков, способствующих формированию лексической компетенции. Установлено, что получение информации из заголовков представляет собой один из эффективных способов повышения уровня владением английским языком.

Ключевые слова: лексическая компетенция, газета, заголовок, публикации, формирование, совершенствование.

На данном этапе мировой глобализации, а также возросшей популярности интернационального воспитания в современном обществе, необходимо при изучении иностранного языка рассматривать все аспекты, связанные с жизнью социума. Формирование и совершенствование лексических навыков и умений участвует в становлении лингвистической компетентности, отвечающей потребностям российского общества, а также и всего мирового сообщества в квалифицированных кадрах, обуславливают социальный заказ на широкопрофильных специалистов, владеющих иностранным(-ми) языком(-ами).

Большинством исследователей отмечается, что периодизацию лексического материала необходимо проводить, принимая во внимание его коммуникативную составляющую, соответствующую жизненному опыту обучающихся данного возраста и их лексическому запасу на родном языке.

Целью данного исследования является лексико-семантический анализ заголовков в британской прессе, их систематика как основание для формирования лексической компетенции обучающихся. Лексическая компетенция – это способность говорящего выбрать лексическую единицу, адекватную речевой задаче, правильное сочетание с другими словами, и ситуативное использование её в речи в соответствии с нормами данного языка.

Лексическая компетенция включает в себя следующие компоненты: когнитивный, действенно-практический, рефлексивный. Когнитивный компонент участвует в приобретении знаний о конкретной лексической единице, знаний значения конкретного лексико-семантического варианта, знание формы слова. В английских заголовках очень распространено использование пассивной конструкции: Jewel thieves robbed of takings [BBC News], Woman arrested in Saudi Arabia for driving [BBC News], Couple found in Belgium after vanishing from ferry [The Washington Post], Harry Potter actor's killer jailed for life [The New York Times]. При этом, как указывалось выше, глагол to be опускается. Для английских заголовков характерно употребление настоящего времени в значении прошедшего времени: How fame wreaks havoc on the mental health of women [The Independent].

Употребление настоящего времени придает заголовкам живость, приближает события к читателю, делает его как бы участником этих событий и тем самым усиливает его интерес к публикуемому материалу [Царева 2010, с. 404].

Для английских заголовков характерно широкое употребление номинативных атрибутивных групп One Tree Hill's Hilarie Burton wants a 'do-over with a girl boss' [The Washington Times]. Как правило, английские предложения, выступающие в качестве информационных газетных заголовков, – двусоставные, распространенные: Cuts in aid to world's poorest countries to start within weeks, secret plans reveal [The Independent]. Ощутимые изменения в организации газетной речи могут быть объяснены стремлением уйти от строгого, унифицированного, официального стиля излагать мысль прошлого. Появляется новая тенденция выражать мысль, строить предложения, не обращая внимания на устоявшиеся традиции, исходя лишь из ориентации сообщения, избегая готовых форм речи [Володина 2008, с.474].

Действенно–практический компонент позволяет оперировать: языковыми структурами и речевыми актами, например: восстановление отсутствующих глаголов-связок: опущение глагола связки to be в пассивном залоге, именном сказуемом и формах продолженного времени: PM accused of ditching NHS pay rise promise, WandaVision fans unimpressed with Evan Peters reveal in episode 9 [The Independent]. Опускание служебных частей речи делает заголовок более информативным, позволяет в краткой форме передать большее количество информации. Такое отступление от общепринятой нормы также привлекает внимание читателя [Царева 2010, с. 401]. Для заголовков английских информационных заметок характерно также опущение служебных частей речи, в особенности артикля: Couple found in Belgium after vanishing from ferry [The Washington Post]. Артикль сохраняется лишь в тех случаях, когда его опущение может привести к неверной смысловой интерпретации, для заголовков специфична только краткость – инфинитив, употребление буквенной аббревиатуры: BBC Three to return as TV channel in 2022 опущение глагола связки to be в пассивном залоге, именном сказуемом и формах продолженного времени: PM accused of ditching NHS pay rise promise, WandaVision fans unimpressed with Evan Peters reveal in episode 9 [The Independent]. В данном примере заглавие кратко передает содержание информации. Никаких предварительных знаний коммуникативной ситуации от читателя не требуется.

Формат или стиль заголовка не предусматривает расширенной структуры языковых средств.

Рефлексивный компонент позволяет восстановить или реконструировать ассоциативные связи, например: Mars attacks! Morocco pelted with rocks from the Red Planet Марс атакует! На Марокко обрушился метеоритный дождь с Марса (*Аллюзия к фильму Тима Бертона «Марс атакует!»*)

Angela Merkel and the euro: the new iron chancellor Ангела Меркель и евро: новый железный канцлер Германии (*Отсылка к федеральному канцлеру Отто фон Бисмарку.*), провести реконструкцию способов аргументации и убеждения, например: Churches call for end to racial tension [The Washington Post]; Russia claims US interest in S. Sudan motivated by oil [The Washington Post].

Отличительная особенность формирования лексической компетенции состоит в том, что необходимо формировать все составляющие лексической компетенции, опираясь на комплекс заданий. Расширение материала для чтения предполагает достаточно полный учёт межкультурного аспекта при отборе текстов прежде всего в плане межкультурной информативности. Изучение газетных заголовков нацелено на феномены культуры страны изучаемого языка, на новое и особенное в них. Специфическое построение английских газетных заголовков служит различным целям: они должны заставить читателя заинтересоваться заметкой и обеспечить компрессию информации.

Заголовки английских газет оказывают большое влияние на установленные нормы развития стиля английских газетных статей [Гальперин 1958, с.395]. Название текста должно «зацепить» внимание читателя. То, каким образом будет озаглавлена статья, зависит сколько людей обратят на это внимание, и, следовательно, прочтут её.

Авторы текстов СМИ тщательно подбирают средства и способы вербализации, которые имеют непосредственное отношение к тому взгляду на событие, который автор старается донести до читателя [Володина 2008, с.231].

Тщательный анализ всех особенностей того или иного заголовка в большинстве случаев позволит перевести заголовок без знакомства с содержанием самого сообщения. Наконец, обучающимся следует учитывать, что в английских газетах, наряду с книжной лексикой широко используются разговорные и поэтические слова и сочетания. Обучающимся необходимо знакомиться и владеть реалиями той страны, о которой написана статья.

Газетные заголовки могут служить обучающимся важнейшим источником информации о новом «другом» в иноязычной культуре. Это может быть внешний план описания фактов, событий, действий, оценок субъектов культуры, включая автора. Стоит также упомянуть о том, что оформление газетного заголовка может выступать носителем новой межкультурной информации. Это не только отдельные лексические единицы с национально-культурной спецификой, но и лексические выразители: ряды доминантных ассоциаций, организующих текст (С чем автор или описываемые им лица связывают затронутые предметы речи в первую очередь?); способов аргументации и убеждения; поводов и фигур юмора (над чем и как шутят или иронизируют в таких ситуациях?). Также экспонентом межкультурной информации газетных заголовков могут выступать невербальные (либо комбинированные) изобразительные элементы (иллюстрации, фотографии, рисунки). Для методики межкультурного чтения эти средства важны тем, что они повышают сенсительность восприятия нового, «другого» в изучаемой культуре.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 6–13.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник / И.В. Арнольд. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 384 с.
3. Володина М.Н. Язык средств массовой информации / М.Н. Володина; под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Слово, 2005. – 240 с.
6. Методы межкультурного иноязычного образования // Методика межкультурного иноязычного образования в вузе: учеб. пособие.: под общ. ред. А.Л. Бердичевского / А.Л. Бердичевский, И.А. Гениатуллин, Е.Г. Тарева– М.: ФЛИНТА, 2019. – 368с.
7. Царева Е.Е. Специфика перевода газетных заголовков / Е. Е. Царева // Вестник Казанского технологического университета. – Казань, 2010. – С. 398 — 406.
8. <https://www.independent.co.uk> [The Independent]
9. <https://www.washingtonpost.com> [The Washington Post]

*10.02.04***А.Р. Курамшина**

Сибирский федеральный университет,
отделение иностранных языков,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, kuramshina.an@yandex.ru

**НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНОФИЛЬМА
ААРОНА СОРКИНА «MOLLY'S GAME»)**

Данная статья посвящена исследованию невербальных средств создания образа успешного человека на материале художественного кинофильма. В настоящей работе кинофильм рассматривается в качестве дискурса. В результате проведенного анализа были выявлены характеристики образа успешного человека, репрезентированные в кинофильме невербально.

Ключевые слова: *невербальные средства, невербальный код, кинофильм, кинодискурс, образ, успех, успешность.*

Кинофильм в рамках современных исследований представляет собой комплексное коммуникативное пространство, объединяющее повествования путем разнородных семиотических систем. В кинематографе вербальный и невербальный коды находятся в динамическом взаимодействии. Вербальные средства объективируются с помощью кинодиалога и киносценария и встраиваются в аудиовизуальный ряд. Так как киноповествование строится не только вербальными, но и невербальными средствами, следует рассматривать кинофильм в качестве дискурса.

В настоящей работе кинофильм понимается как «динамический процесс представления кинозрителям авторского сообщения, оформленного в виде аудиовизуального текста, состоящего из взаимосвязанных текстов подчиненного уровня, образованных средствами различных невербальных и вербальных кодов, что полностью соответствует принципам современного дискурсивного анализа и объясняет продуктивность и целесообразность исследования кинофильма как дискурса» [1, с.14].

Большинство исследований в области кинодискурса посвящено выявлению репрезентирующей силы кинотекста в целом и кинодиалога и киносценария в частности, в то время как невербальные кинематографические средства остаются малоизученными.

В полисемиотическом пространстве кинодискурса невербальный код является немаловажным смыслообразующим звеном. Кинообраз людей и предметов, представленный в виде кадра, выполняет функцию лексических единиц кинематографа. Механизм, который с помощью художественных и кинематографических приемов связывает один образ с другим, формирует киноповествование и называется грамматикой кино [3].

Как уже отмечалось ранее, образ представляет собой «лексику» кинодискурса. Среди многочисленных кинематографических образов наиболее сложной и многоуровневой лексической единицей является образ человека. Семантическая организация образа человека состоит из различных невербальных средств, репрезентированных на экране с помощью игры актера.

Невербальная коммуникация исследуется в рамках таких наук, как паралингвистика, кинесика, окулесика, аускультация, гаптика, гастика, ольфакция, проксемика, хронемика и системология. Основными направлениями считаются паралингвистика, наука о звуковых кодах, и кинесика, наука о жестовых движениях [2].

В кинематографе паралингвистические и кинесические средства общения проявляются в темпе и громкости речи, заполнителях пауз, а также жестах и мимике персонажей. В данной статье мы рассмотрим также средства окулесики и системологии, представленные в кинофильме в виде взглядов и системы объектов.

Так как кинодискурс включает в себя не только вербальные и невербальные средства, но и социокультурный контекст, с помощью образов, представленных в художественном кинофильме, транслируются те или иные общественно значимые феномены. Одним из таких феноменов является успех. В когнитивных и лингвокультурологических исследованиях приводятся следующие характеристики концепта «успех»: достижение результата/выполнение цели, положительный и/или предпочтительный результат, благополучие, богатство, высокий социальный статус, усердие.

На основе анализа англоязычных словарей синонимов можно охарактеризовать успешного человека следующими языковыми единицами: удачливый, счастливый, сильный, богатый, непобедимый, исполнительный, спокойный, уравновешенный, состоятельный, решительный, а также победитель и лидер [4, 5].

Так как такой социокультурный феномен, как «успех» формируется на уровне не только текста, но и дискурса, необходимо учитывать роль невербального кода в конструировании образа успешного человека.

В данной статье нами будут проанализированы невербальные средства создания образа персонажа Молли Блум как одной из самых знаменитых личностей в мире покера на материале кинофильма Аарона Соркина «Molly's Game» («Большая игра»).

В исследуемом художественном кинофильме повествование идет не в хронологическом порядке. Мы наблюдаем частую смену кадров, а также смену времени и действия. В кинофильме присутствуют пять основных периодов жизни Молли Блум: детство, юношество, студенческие годы, карьера в мире покера и судебные разбирательства. Действие происходит в период судебных разбирательств, в то время как остальные периоды показаны в кинофильме с помощью рассказов самой героини и ее книги. Однако киноповествование протекает непоследовательно, «переключая» внимание зрителя с одного периода на другой благодаря частой смене кадров.

Рассмотрим представленные в кинофильме паралингвистические средства создания образа успешного человека подробнее. Периоды детства, юношества, студенчества и карьеры в игровом бизнесе сопровождаются закадровым голосом Молли Блум, речь которой характеризуется быстрым темпом, четкостью, ровной интонацией без резких сдвигов, а также отсутствием пауз и хезитаций на протяжении всего киноповествования. Данные особенности семиотической организации свидетельствуют о высокой степени уверенности личности. Однако наблюдается значительное повышение голоса при защите своей позиции в коммуникации с мужчинами. При этом речь остается по-прежнему четкой и поставленной. Соответственно, героиня придает значимость своей позиции и считает невозможным «проиграть» в словесном поединке, но при этом не теряет внутренней уверенности.

В исследуемом кинофильме образ успешного человека репрезентируется также на уровне кинесики. В большинстве кадров Молли Блум выглядит спокойной и сосредоточенной, так как жесты и мимика минимальны. В сценах, где присутствуют конфликты, наблюдается активная жестикуляция руками. Состояние волнения проявляется в виде одного характерного невербального средства: учащенного дыхания, в то время как жестикуляция и мимика остаются нейтральными, что характеризует героиню как сильного и выносливого человека. Улыбка на лице Молли встречается в киноповествовании только в нескольких сценах: при переезде из родительского дома, при получении первой крупной суммы денег, при откровенном разговоре с отцом и во время разговора с адвокатом, защищающим ее. В ходе разговора с отцом и адвокатом улыбка сопровождается слезами, однако героиня сразу же успокаивается, предпочитая не показывать эмоции. Данные эпизоды демонстрируют нам решительность и целеустремленность Молли Блум. Несмотря на жизненные обстоятельства, героиня продолжает идти к поставленным целям, не теряя уверенности и энтузиазма.

На уровне окуlesiки взгляд персонажа всегда остается сосредоточенным, устремленным в одну точку. Во время игры в покер Молли внимательно наблюдает за ходом игры, не отвлекаясь на внешние обстоятельства. Однако взгляд Молли меняется, когда ее отец повышает на нее голос: в данных сценах героиня изображает недовольство, что свидетельствует о присущей ей самостоятельности и самодостаточности.

Одной из особенностей кинофильма «Molly's Game» является детально описанная система объектов, исследуемая таким направлением невербальной семиотики, как системология. Все сцены, демонстрирующие игру в покер, сопровождаются кадрами с деталями интерьера, расположением столов и стульев, расстоянием между объектами, особенностями ароматов, музыки и света, а также правил игры и самой игры в покер. Высокий социальный статус и финансовое благополучие подчеркиваются в кинофильме с помощью изображения дорогих аксессуаров, автомобиля и квартиры. Особая система объектов используется в кинофильме в качестве атрибута успешного игорного бизнеса.

Таким образом, анализ невербальных средств в художественном кинофильме показал, что звуковые коды, жестовые движения, мимика, взгляд и система объектов оказывают большое влияние на конструирование и восприятие образа успешного человека. С помощью невербального кода кинодискурса успешная личность предстает перед нами как сильный, уверенный, целеустремленный, спокойный и самостоятельный человек с высоким социальным статусом и финансовым благополучием.

Список литературы

1. *Корячкина А.В.* Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: дис. канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2017. – 312 с.
2. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
3. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 56 с.
4. Synonyms.com [Электронный ресурс] // <https://is.gd/XABU8z> (дата обращения 12.03.2021).
5. Thesaurus.com [Электронный ресурс] // <https://is.gd/COpBPo> (дата обращения 12.03.2021).

10.02.04

А.А. Никонов

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, andrewnikonov94@gmail.com

МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ПРЯМОМ ФУТБОЛЬНОМ РЕПОРТАЖЕ

Статья посвящена изучению интерактивных коммуникативных ресурсов прямого футбольного репортажа на британском телевидении. Эмпирический материал исследования позволил выявить способы взаимодействия футбольного комментатора с телезрителями. Анализ показал, что данный дискурс содержит ряд интерактивных метадискурсивных маркеров, которые делают репортажи более привлекательными для аудитории.

Ключевые слова: метадискурс, метадискурсивные маркеры, дискурс, прямой футбольный репортаж.

В ходе прямого футбольного репортажа на телевидении одной из задач, стоящих перед комментатором, является воздействие на зрителей, на то, как они воспринимают и оценивают события, происходящие на поле. Одним из средств решения данной задачи являются интерактивные коммуникативные ресурсы. Данное исследование представляет собой анализ их использования в речи футбольных комментаторов на британском телевидении. В качестве материала были использованы фрагменты речи комментаторов в ходе прямых трансляций различных матчей.

Исследование интерактивных маркеров в прямом футбольном репортаже тесно связано с понятием метадискурса, который можно определить, как как систему языковых средств адаптации речевого кода к потребностям коммуникативной деятельности в процессе вербального воплощения коммуникативной интенции.

Интерактивный метадискурс включает в себя метадискурсивные маркеры, которые рассматриваются учеными в качестве мета-операторов, мета-коммуникативов и дискурсивных маркеров [5, 6]. Функция метадискурсивных маркеров заключается в организации непосредственного межличностного общения и установлении связей между сегментами дискурса. Функционирование этих языковых единиц определяется спецификой дискурса, целями и коммуникативными стратегиями говорящих [7]. В нашем случае это комментирование футбольных матчей в реальном времени.

Метадискурс имеет интерактивную направленность. Дискурсивные единицы объединяются по функциональному критерию, по их использованию в устоявшихся контекстах как своего рода класс, специализирующийся на выполнении прагматических функций уменьшения или увеличения силы высказывания. Классификация, предложенная Кеном Хейлендом, основана на функциональном подходе, позволяющем выделить аспекты взаимодействия автора с текстом и автора с реципиентом [3].

Метадискурс представлен в категориях интерактивных маркеров и маркеров воздействия [5, 6], характеризующих отношения автора с текстом.

К интерактивным метадискурсивным маркерам относятся:

1) маркеры связи основного сообщения с контекстом (маркеры смены темы, контраста, детализации, вывода): *in addition, but, thus, instead, however, in contrast, above all, also, for example/instance, after all, hence* и т.д.

• ***On the other hand***, *all the Liverpool players are appearing for the first time tonight* [Real Madrid vs Liverpool, 26.05.18].

2) маркеры источника информации (*according to, X states, it appears, it is claimed, it is said, reportedly, they say*).

- *Roberto Martinez... as a player in the lower divisions in England he helped to keep Swansea in the Football League one day, **he said** that was pressure, that was more pressure than this* [Brazil – Belgium, 06.07.18].

К маркерам воздействия на адресата относятся:

1) маркеры отношения / оценки (*unfortunately, luckily, sadly, surprisingly*);

- *Well **happily**, the weather has improved; the nearby tube station was closed for the time on Wednesday due to flooding after heavy downpours* [Arsenal vs Leicester City, 11.08.17].

2) акцентирующие маркеры, усиливающие, подчеркивающие уверенность говорящего в пропозиции высказывания (*it is clear that, in fact, really, definitely*);

- *Boateng **certainly** thought he was in trouble... and he is* [Germany - Sweden, 23.06.18].

3) маркеры смягчения (*might, about, perhaps, possibly, if I may interrupt, if you don't mind*) [2, 4].

- *He's putting himself about **a bit, a bit** free with the elbow there, and the referee's seen that, he's three yards away* [Brazil – Belgium, 06.07.18].

Таблица 1 – Интерактивные метадискурсивные маркеры

Описание	Количество примеров
Маркеры связи основного сообщения с контекстом	43
Маркеры источника информации	14
Всего	57

Таблица 2 – Метадискурсивные маркеры воздействия

Описание	Количество примеров
Маркеры отношения / оценки	103
Акцентирующие маркеры	20
Маркеры смягчения	36
Всего	159

Метадискурсивные маркеры выполняют функцию уточнения или усиления, указывают на отношение говорящего к пропозиции высказывания (подтверждение / отрицание, положительная / отрицательная оценка), отражают процесс взаимодействия коммуникантов, обеспечивая эффективность речевого взаимодействия [1, 8].

К метадискурсивным маркерам, регулирующим отношения между автором и реципиентом, относятся:

1) Маркеры эпистемической модальности, определяющие степень уверенности автора в правдивости представленной им информации: *possibly, probably*. Например,

- *I think he **probably** got that covered, the Liverpool goalkeeper* [Real Madrid vs Liverpool, 26.05.18].

2) Маркеры, усиливающие иллокутивную силу высказывания: *indeed, clear*:

- *It wasn't bad and it's straight at the goalkeeper, that was Neymar's moment **surely*** [Brazil - Switzerland, 17.06.18].

3) Индикаторы пресуппозиции, выражающие отношение к ней со стороны автора: *strange, unexpected*:

- *And **somehow** he missed from a yard or two* [Brazil - Switzerland, 17.06.18].

4) Индикаторы межличностной коммуникации, которые обозначают интерактивную сферу адресанта и адресата: *look, you can see, turn to, consider*:

- ***Let's check** on Arsene Wenger's selection for tonight* [Arsenal vs Leicester City, 11.08.17].

5) Маркеры личности, автора (*me / we, mine / our*), а также интерактивной сферы адресанта и адресата:

- *And we are headed for extra time!* [Colombia - England, 03.07.18].

Таблица 3 – Метадискурсивные маркеры, определяющие отношения между автором и реципиентами

Описание	Количество примеров
Маркеры эпистемической модальности	28
Маркеры, усиливающие иллокутивную силу высказывания	1
Индикаторы пресуппозиции	5
Индикаторы межличностной коммуникации	31
Маркеры личности, автора, а также интерактивной сферы адресанта и адресата	25
Всего	90

Квантитативный анализ метадискурсивных маркеров в речи британских футбольных комментаторов на телевидении показал, что бóльшая их часть приходится на маркеры, отражающие отношения автора с текстом: 216 примеров. Маркеры, отражающие отношения автора и аудитории, присутствуют в материале исследования в меньшем количестве, что, однако, не свидетельствует об их второстепенной роли в прямых футбольных репортажах: 90 примеров.

В ходе анализа использования метадискурсивных маркеров в прямом футбольном репортаже мы исходили из предположения, что метадискурс – это система языковых средств адаптации речевого кода к потребностям коммуникативной деятельности в процессе вербальной реализации коммуникативного плана. Метадискурс регулирует как внутренние текстовые отношения, так и отношения между автором текста и самим текстом. Метадискурс представлен в категориях интерактивных маркеров и маркеров влияния. Исследование показало, что метадискурсивные интерактивные маркеры, отражающие отношения между автором и текстом, помогают репортерам организовать коммуникацию, облегчить взаимодействие, выражать свои идеи, создавать свой имидж и воздействовать на аудиторию. Использование этих маркеров способствует логической организации текста, делая его понятным и последовательным для реципиентов, помогая им легче находить связи между аргументами и лучше понимать то, о чем говорит комментатор. Метадискурсивные маркеры влияния управляют отношениями между комментатором и телезрителями. Оптимальное сочетание пояснительных, влиятельных и интерактивных ресурсов является залогом успешного комментирования.

Список литературы

1. *Cohen, Esther*. Discourse Markers: Cotext and Context Sensitivity. Lambert Academic Publishing, 2012.
2. *Fraser, Bruce*. What are discourse markers? Journal of Pragmatics, 1999. №31, pp. 931-952.
3. *Hayland, Ken*. Metadiscourse. Cornwall. MPG Books, 2005.
4. *Hyland, Ken*. Disciplinary interactions: Metadiscourse in L2 postgraduate writing. Journal of Second language Writing, 2004. № 3 (2), pp. 133-151.
5. *Mardani, Tooba*. Metadiscourse Markers: A Contrastive Study of Translated and Non-Translated Persuasive Texts. Journal of language and translation, 2017. Vol. 7, № 2, pp. 73-79.
6. *Schiffrin, Deborah*. Discourse markers. Cambridge. Cambridge University Press, 1987.
7. *Варпанова К.Ю., Соколовская Н.А.* Особенности функционирования метакоммуникативных операторов в англоязычном педагогическом дискурсе. Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: материалы II Международной научно-практической конференции. Пятигорск, ПГУ 2019; Ч. I: 115 - 120.
8. *Петкова С.* Реализация прагматического потенциала вводных метакоммуникативных единиц в контексте публичного диалога. Болгарская русистика. 2012; Т 2: 5 - 13.

10.02.04

С.А. Радионова

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра романо-германских языков и методик их преподавания,
Набережные Челны, svetrad@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ОНКОБОЛЬНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА ДЖОНА ГРИНА «ВИНОВАТЫ ЗВЕЗДЫ»

В статье описаны способы репрезентации эмоционального состояния онкобольных героев романа американского писателя Джона Грина «Виноваты звезды». Выявлены стилистические приемы и выразительные средства, позволяющие передать душевные переживания смертельно больных персонажей. Проведена научная интерпретация текста романа.

Ключевые слова: *депрессия, болезнь, боль, рак, смерть.*

Джон Майкл Грин – американский писатель художественной литературы для молодёжи, возглавивший список Best Seller по версии New York Times за роман «Виноваты звёзды» («The Fault in Our Stars») и удостоившийся награды Children's Choice Book Awards в номинации «Teen Book of the Year». Эмоционально-психическое состояние больных раком и людей, тесно с ними связанными, является объектом изучения, в первую очередь, медицины, в частности, психологии. Джон Грин с помощью художественного слова раскрывает одну из главных медицинских и общественных проблем – проблему рака, мастерски изображает эмоциональные драмы онкобольных, их соматические страдания, сочетаемые с нравственными [2].

Хейзел Грейс Ланкастер – главный персонаж произведения, девочка-подросток из Индианаполиса, которой диагностирован неизлечимый рак щитовидной железы с метастазами в легких. Хейзел находится в глубочайшей депрессии, что по Э. Кюблер-Росс есть четвёртый этап психологической реакции [1]. Однако, её поведение и реакции свидетельствуют об обратном: о том, что девушка находится на финальной стадии – стадии смирения, когда больной собирает все силы, чтобы несмотря на смертельное заболевание продолжать жить с пользой для близких. Писатель рисует юную душу, которая и не жила еще, чьи дни сочтены. Она давно осознала, что рано или поздно умрёт, что глупо отрицать неизбежное. И все же она смеётся: над жизнью, над своей участью, глупой и трагичной; Хейзел смеется смерти в глаза.

Whenever you read a cancer booklet or website or whatever, they always list depression among the side effects of cancer. But, in fact, depression is not a side effect of cancer. Depression is a side effect of dying. [3, с. 3].

Однако, девушка любит эту жизнь. Ей ненавистны те, кто шутки ради губят своё здоровье, особенно рядом с ней. Насмешка является лишь защитной реакцией, не позволяющей ей оказаться в депрессии в действительности: But of course there is always a *hamartia* and yours is that oh, my God, even though you HAD FREAKING CANCER you give money to a company in exchange for the chance to acquire YET MORE CANCER. Oh, my God. Let me just assure you that not being able to breathe? SUCKS. Totally disappointing. *Totally* [3, с. 19-20]. Комбинация иронии, эпитеты, анадиплосиса, корневого повтора, обособления и лексики с негативной денотацией, графики оказывает отношение девушки к болезни. Несмотря на то, что здесь повторяются слова «депрессия», «рак», «смерть», эффект создаётся прямо противоположный: Хейзел не находится в депрессии и не боится ни своей болезни, ни смерти. Её мысли отличаются мудростью, необычной для шестнадцатилетнего подростка.

Особенностью стиля Джона Грина являются сложные предложения, состоящие из нескольких сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, при этом чаще всего ироничного или саркастичного характера. Порой одно предложение может охватывать весь абзац. Однако использование подобных конструкций не утяжеляет текст, не делает понимание затруднённым. В этих предложениях вся Хейзел: её сложное, неординарное мышление, её способность объективно мыслить, рассуждать и оценивать.

(Which meant there was quite a lot of competitiveness about it, with everybody wanting to beat not only cancer itself, but also the other people in the room. Like, I realize that this is irrational, but when they tell you that you have, say, a 20 percent chance of living five years, the math kicks in and you figure that's one in five... so you look around and think, as any healthy person would: I gotta outlast four of these bastards.) (Чёрный юмор, неформальная лексика, скобки) [3, с. 5].

Приведённые выше примеры наглядно иллюстрируют откровенную насмешку Хейзел над болезнью. Инстинктивной реакцией любого человека является намерение пожалеть больного ребёнка, сказать ему, что всё будет хорошо, что он справится. Но героине это не нужно. Она слишком цинична и картина перед её глазами реалистична: она не питает иллюзий. Есть определённый процент выздоровления: если ты попал в него – ты счастливчик, нет – значит, твоё место займёт кто-то другой. И желание пережить кого-то, при других обстоятельствах показавшееся бы низким и эгоистичным, здесь обретает новый смысл. Она не боится и логического последствия смерти – забвения, потому что оно неизбежно для простого человека, и лучшее, что можно сделать – просто игнорировать подобные мысли: There will come a time, when all of us are dead. All of us. There will come a time when there are no human beings remaining to remember that anyone ever existed or that our species ever did anything. (анафора, анадиплозис, полисиндетон, аллитерация) [3, с. 12-13]. Хейзел – атеист, вероятнее всего утратившая веру в Бога из-за своей болезни.

Огастус Уотерс, другой главный герой романа, семнадцатилетний подросток, которому ампутировали ногу с целью остановить развитие остеогенной саркомы, разделяет её точку зрения. Казалось бы, подростки шутят, но за чёрным юмором скрывается обида на высшие силы: на то, что Бог не услышал молитвы больных детей. Однако Хейзел не бесчувственный, ожесточённый и озлобившийся из-за болезни подросток. Она нежна и чутка по отношению к своим родителям. И в ней крайне сильно чувство вины, которая распадается на несколько граней:

1) вина в том, что она больна раком: There is only one thing in this world shittier than biting it from cancer when you're sixteen, and that's having a kid who bites it from cancer (ирония, неформальная лексика, эпитифора) [3, с. 8].

2) вина в том, что она умирает, более того, она хочет умереть, лишь бы не чувствовать физическую боль: I finally ended up in the ICU with pneumonia, and my mom knelt by the side of my bed and said, "Are you ready, sweetie?" and I told her I was ready, <...> And I remember wanting not to be awake [3, с. 24-25].

3) вина в том, что её смерть причинит боль близким людям. С этим связано желание как можно больше времени проводить в одиночестве, чтобы максимально ограничить круг лиц, которые будут переживать утрату: Anyway, I did like being alone. I liked being alone with poor Staff Sergeant Max Mayhem <...> (глагол-усилитель, анадиплозис) [3, с. 47].

Несколько раз Хейзел сравнивает себя с бомбой замедленного действия, которая рано или поздно взорвётся, при этом осколки ранят всех, кто окажется в тот момент слишком близко. В первую очередь, это родители. Это и Огастус, которого она первое время пытается держать на расстоянии, боясь причинить ему лишнюю боль.

Like Caroline Mathers had been a bomb and when she blew up everyone around her was left with embedded shrapnel (сравнение, метафора) [3, с. 98].

I'm like. Like. I'm like a *grenade*, Mom. I'm a *grenade* and at some point I'm going to blow up and I would like to minimize the casualties, okay? I'm a *grenade*. <...> And I can't be a regular teenager, because I'm a *grenade* (парцелляция, курсив, сравнение, метафора, обрамление, анафора, полисиндетон, частичный параллелизм) [3, с. 99].

4) вина в том, что не только смерть, но и её прижизненные страдания причиняют родителям невыносимую боль: They might be glad to have me around, but I was the alpha and the omega of my parents' suffering (метафора) [3, с. 116].

Несмотря на всю тяжесть и нестабильность своего физического состояния, Хейзел остаётся девушкой, прекрасной юной девушкой, которой не чужды такие эмоции, как грусть, горе, радость, счастье, удивление; которой хочется любить и быть любимой. I liked Augustus Waters. I really, really, really liked him. <...> I liked that he took *existentially fraught* free throws. I liked that he was a tenured professor in the Department of Slightly Crooked Smiles with a dual appointment in the Department of Having a Voice That Made My Skin Feel More Like Skin. [3, с. 31-32].

В отличие от Хейзел, Огастус боится забвения, потому что считает, что за свои семнадцать лет он не успел совершить что-то выдающееся. Ему кажется, что его никто не будет помнить, так как его жизнь была обычной, что можно проиллюстрировать следующим примером, где сочетание анадиплозиса, эпифоры, корневого повтора, родственных дополнений и частичного параллелизма создаёт крайне пессимистичную и тёмную картину, лишённую всякой веры в светлое будущее:

Sure, I fear earthly oblivion. The oblivion fear is something else, fear that I won't be able to give anything in exchange for my life. <...> And I fear that I won't get either a life or a death that means anything [3, с. 168].

Этим он причиняет боль Хейзел, для которой прожить жизнь, достойную памяти, не значит сделать какое-то открытие в науке или совершить переворот в стране. Она считает, что любая жизнь достойна памяти, и, пока жив хоть кто-то, кто любил её, она будет жить вечно. Потому что особенной чью-то жизнь делает любовь близких.

Частое употребление анафоры в сочетании с параллельными конструкциями и градацией усиливает атмосферу повествования, делая её более напряжённой, помогая читателю сосредоточиться на мыслях, занимающих героя, его хрупком душевном состоянии. Курсив в большинстве случаев используется в качестве аналога логического ударения в устной речи, когда автором намеренно выделяется то, что имеет главное значение для его персонажа. Большой удельный вес аллитерации и ассонанса можно объяснить тем, что специально подобранный звуковой ряд вызывает определённые ассоциации у читателя, также помогая прочувствовать душевное, эмоционально-психическое состояние героев.

Список литературы

1. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании [Текст] / Э. Кюблер-Росс. – К. : София, 2001. – 320 с.
2. Радионова С.А. Языковые средства характеристики эмоционально-психического состояния персонажей (на примере современной американской прозы) // Казанская наука. – 2019. – № 12. – С. 122-124.
3. Green J. The Fault in Our Stars [Текст] / J. Green. – New York: Penguin Group, 2012. – 324 p.

10.02.04

С.Н. Саможенов, Ю.Н. Зинцова, А.А. Кузьмичева, И.В. Матвеева

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
кафедра теории и практики немецкого языка,
Нижний Новгород, samozh2301@yandex.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В работе рассматривается стилистическая и лингвопрагматическая специфика немецкоязычных рекламных текстов, которые отличаются определенной нестандартностью, оригинальными решениями с отказом от шаблонов, штампов и клише. Все указанные средства и приемы рекламных текстов позволяют привлечь внимание потребителя, перевести его из состояния восприятия сообщаемой в текстах информации в состояние выполнения определенного действия, что говорит о достижении коммуникативного эффекта и реализации прагматической установки текстов.

Ключевые слова: *рекламные тексты, немецкий язык, стилистические и лингвопрагматические особенности, коммуникативный эффект, языковые средства.*

Одной из составных частей СМИ является реклама, перешедшая из экономической сферы в массовую культуру. Возможности рекламы значительно расширились с развитием Интернета, благодаря которому она стала мультимедийной и интерактивной, охватывающей достаточно большие аудитории. Особый интерес вызывает исследование немецкой рекламы, которая считается одной из лучших в мире, отличаясь нестандартностью и красотой, создаваемой минимализмом и вниманием к деталям [4, с. 197]. Анализ тенденций, возникающих и развивающихся в области современной немецкой рекламы, позволяют выделить характерные особенности немецкого рекламного текста. Соответственно, *новизна* данного исследования заключается в рассмотрении немецких рекламных текстов, выступающих в качестве средств коммерциализации социального пространства, не только с точки зрения специфики воздействия на речевую культуру потребителя рекламных сообщений, но и в целом с позиции формирования немецких рекламных текстов как источника влияния на немецкий язык. *Цель* исследования состоит в выявлении и анализе стилистических и лингвопрагматических особенностей текстов рекламы в современном немецком языке.

Итак, на сегодняшний день не существует однозначного определения понятия «реклама». С точки зрения филологии, реклама – это сообщение, которое обладает всеми признаками текста (связностью, целенаправленностью, завершенностью, автономностью, цельностью и т.д.) [2, с. 111]. Общим в определении рекламных текстов является направленность на передачу информации о товарах, услугах, идеях, их продвижение в платной форме неличного представления (без прямого контакта с аудиторией) с целью оказать воздействие на потребителей рекламной информации. Рекламные тексты служат для создания положительного имиджа фирмы, заказчика и т.д. Для большинства текстов характерны такие цели, как повышение осведомленности о рекламируемом продукте, а также формирование определенного отношения к нему [8, с. 16-17]. Исследование специфики рекламного текста является одним из приоритетных направлений в современной лингвистической науке. Так, с точки зрения теории коммуникации в рамках исследования рекламных текстов рассматриваются коммуникативные стратегии, адресат рекламы, значение и функция рекламного текста как высказывания и т.д. Семиологический аспект рекламных текстов состоит в рассмотрении знаков, символов и их связи со словом, а также семантики текста в целом. Лингвопрагматические исследования рассматривают основные признаки рекламных

текстов: направленное социальное действие, жанры, стратегии, условия коммуникации, ценности и пр. Лингвостилистика изучает композицию и составляющие рекламного текста, его структуру, форму, особенности, языковые средства, средства выразительности, стилистические особенности языковых единиц и т.д.

Поскольку рекламный текст является завершенным сообщением, имеющим четкую прагматическую направленность, успех в коммуникации состоит в привлечении внимания к рекламируемому объекту и воздействии на его поведение. Однако обратная связь как важный аспект прагматики отсутствует, из-за чего достаточно проблематично предсказать успешность рекламного сообщения [6, с. 65]. Значительно влияет и неоднородность потенциальной аудитории рекламного текста: различные профессиональные группы, разный возраст потребителя, половая принадлежность и т.д. В частности, при исследовании современных рекламных текстов на немецком языке были выделены следующие принципы:

1. Рекламные тексты обладают определенной структурой, включающей в себя:

- слоган-заголовок, обращающий внимание на рекламу;
- вступление, побуждающее потребителя к дальнейшему ознакомлению с текстом;
- рассказ о рекламируемом объекте,
- эхо-фраза – финальная часть любого рекламного сообщения, концентрирующая внимание на основном содержании [7, с. 97]; эта часть обычно перекликается с заголовком, отличаясь краткостью и логичностью;
- справочные данные [3, с. 65].

Немецкие рекламодатели наполняют данную структуру содержанием, отличающимся нестандартностью, оригинальными решениями с отказом от шаблонов, штампов и клише, используя различные средства современного немецкого языка. Особенностью немецкой рекламы является обращение к рациональности, а не к эмоциональной составляющей. При этом задействуются приемы языкового манипулирования [1, с. 1670]: использование различных лексических средств (эмоционально-окрашенных слов, средств выразительности и т.д.), противоположностей, явных или скрытых сравнений (с целью выделить себя среди конкурентов), языковых средств формирующих иллюзию выбора и т.д.;

2. Для рекламы важно удерживать внимание потребителя в первые секунды попадания рекламного текста в поле восприятия, поэтому основным является принцип «максимум фактов, минимум слов» [7, с. 96]. Этому в значительной степени содействуют ключевые слова, являющиеся триггером ассоциативного мышления и акцентирующими точками для фокусировки внимания на определенном содержании, например: «*Unverkennbar, Effizienz, hocheffizient...*» [9]. Для этой же цели в рекламном тексте используются сложные слова, выражающие в одной лексической единице несколько смыслов, что придает сообщению компактность и более быстрое восприятие: «*extraweite Hose*», «*lofffelfertige Speise*». В то же время в тексте используется такой прием, как сокращение: «*Nutella aufs Brot – da hast du was drauf!*»;

3. В немецких рекламных текстах практически отсутствует отрицание (простое отрицание искаженно воспринимается потребителем сообщения при первом прочтении, что может побудить к выполнению отрицаемого в рекламе действия; двойное отрицание, в свою очередь, не подходит в силу сложности восприятия такой конструкции [7, с. 97]: «*nicht ohne Beteiligung = mit Beteiligung*»);

4. Для достижения определенных прагматических целей рекламный текст должен способствовать формированию доверительного отношения с адресатом, для чего используется повелительное наклонение: «*Kauf!*». Такой эффект наиболее актуален в современном медиапространстве при обращении к молодежи. Для немецкой рекламы также характерно использование риторических вопросов и структуры «вопрос-ответ», имитирующей диалог между потребителем и рекламным текстом: «*Tragen Engel Büstenhalter? Triumph International gibt die Antwort und zeigt Modelle, von denen jeder Engel träumt*»; «*Was darfs heute sein?*» [9].

5. Современная немецкая реклама учитывает гендерную разнородность потенциальной аудитории [5, с. 69]. Реклама, нацеленная на мужскую аудиторию, апеллирует к мужским интересам: «*Top Com ist Comfort pur. Sie ist so kompakt, dass sie auch auf kleinsten Raum ganz problemlos installiert werden kann*»; в случае с женской аудиторией рекламный текст воздействует на эмоциональную составляющую, зачастую за счет комплимента: «*Ein Make-up wie Satin auf der Haut: Unsichtbare Poren. Strahlender Teint*» [9].

Для воздействия на поведение потенциального потребителя рекламного сообщения используются различные языковые средства (лексические, синтаксические, фонетические [8, с. 39]), составляющие стилистическое своеобразие рекламного сообщения в современном немецком языке. Среди них выделяются такие, как:

- Разговорная лексика и элементы разговорной речи, использование молодежного сленга, а также номинативные и эллиптические конструкции; данные средства создают атмосферу непринужденности, доверительности, обладая также эмоциональными и оценочными свойствами и добавляя тексту выразительности и лаконичности: «*Total unterhaltsam!*», «*Wirksam gegen Schmerzen – Kytta Beinwell*» [9]. К разговорным элементам относятся также такие префиксы, как *super-*, *mega-*, *extra-* и др.: «*Maggi gekörnte Brühe extrafein*»;

- Слова и словосочетания, способствующие приближению аудитории к рекламному тексту: различные эмоции («*Wow*», «*Boey*» и т.д.); приветствие, формы вежливости («*Hey!*», «*Hallo!*» и т.д.); оценочные понятия (*total*, *atzend* и т.д.) и пр.;

- Неологизмы, которые служат для обозначения новых товаров/услуг и создают эффект новизны, современности. Новообразованные слова – часто встречающееся явление в современной немецкой рекламе, так как немецкие рекламодатели стремятся к оригинальности сообщения, созданию новых решений [4, с. 198]. Неологизмы эффективно привлекают внимание потребителя, если легко воспринимаются носителями немецкого языка: «*Ein echtes Highlight des Ford C-Max sind die hocheffiziente und leistungsstarken EcoBoostBenzinmotoren...*» [9]. Часто используются в текстах окказионализмы – авторские неологизмы, характерные использованием производных слов или объединением лексических единиц, что свидетельствует о тенденции к экономии речевых усилий в современном немецком языке: «*Unkaputtbare Mehrwegflasche*»; «*Hemdentaschenflach und aussergewöhnlich intelligent*»;

- Иноязычная, заимствованная лексика – англицизмы и американизмы, добавляющие рекламному тексту престижности и привлекательности в глазах молодежи, а также позволяющие продвинуть рекламируемый немецкой рекламой товар на международный рынок: «*Ready to Charge mit attraktiven Leasingkonditionen*», «*Who is perfekt. So will ich leben*»; *star – star-architect*, *star-model*; *cool – coole Stil-Ikone*, *high-tech-Zeitalter* [9] и т.д.;

- Каламбуры и игра слов, являющиеся запоминающимися элементами и добавляющие сообщению выразительность и оригинальность: «*Tic Tac ist meine neue Taktik*», «*Lieber neureich als nie reich!*» [1, с. 1671];

- Слова и выражения, вносящие в сообщение оттенок иронии, что характерно для молодежного стиля общения: «*Hotel Mama*» – жизнь с родителями, «*der Parkbankphilosoph*» – бомж;

- Повторы слов, имитирующие определенные процессы реальной жизни и добавляющие рекламному тексту подвижности и приближенности к потребителю, а также игровую составляющую: «*Zapp-Zapp*» – имитация нажатия на кнопку телевизора, «*Blubber-Blubber*» – разговор и т.д.;

- Фразеологизмы, обладающие экспрессивностью и воздействием на эмоциональную составляющую, создают уникальный образ, дополняющий образ рекламируемого объекта, содействуют распространению выразительного своеобразия немецкого языка: «*Die Uhr hat geschlagen*», «*Setzen Sie Ihre Freundin in die frische Luft*», «*Ueber Geschmack kann man nicht straiten*» [9].

В немецкой рекламе активно задействуются средства художественной выразительности. Метафора и эпитет служат для создания образности и формирования определенных эмоций [4, с. 199], что способствует не только коммуникативному успеху рекламы в момент первого ознакомления с ней адресата, но и дальнейшему запоминанию: «*Unverkennbar ein Athlet*», «*Der spannendste Weg nach Glashütte führt über das Meer*». Данные средства выразительности помогают создать положительный образ товара: «*Ikea-das unmögliche Möbelhaus*», сюда же относится и сравнение: «*Der neue NESCAFÉ Cappuccino, köstlich wie ein gestohlener Kuss!*» [5, с. 68-69]. Современная немецкая реклама также использует:

1) эпитеты, указывающие на страну, которая производит тот или иной рекламируемый объект: «*Mazda kümmert sich jetzt um die Garagen. Japanischer Komfort hat die Schwedische Sicherheit*»;

2) антитеза употребляется для контрастного представления рекламируемого объекта с целью обратить внимание на его преимущества: «*Digital Handycam. Große Momente. Kleine Kamera*», «*Einfach riesig, der Kleine*»;

3) гипербола акцентирует внимание на сильных сторонах рекламируемого объекта и подчеркивает их: «*Deloforce Port. Der willkommene Genuss*», «*Die Welt liegt auf unserem Weg*»;

4) метонимия позволяет создать яркий образ: «*Ein Teufel in der Wüste. Ein Engel auf Asphalt*»;

5) аллитерация привлекает внимание потребителя как визуально, так и фонетически: «*Gas geben. Geld sparen*» «*Spiel, Spass, Spannung, Schokolade*», «*Flippen – floppen – flappen*» [9].

В немецких рекламных текстах также могут быть задействованы перифраз, инверсия, эвфемизмы. Однако, излишняя нагруженность языковыми средствами может отвлечь от содержания или затруднить его восприятие, в результате чего прагматически направленной коммуникации не состоится [2, с. 110]. Следует отметить, что в немецких рекламных текстах реже применяются непристойные выражения, нарушающие этическую составляющую сообщения и доверительную связь с потребителем, а также рифмы, выполняющие эстетическую функцию, но лишенные достаточной информативности, т.е. уместить прагматическое содержание в рифму проблематично [1, с. 1671]. В немецкой рекламе малоупотребительными элементами являются профессионализмы, аббревиатуры и термины, аллюзии, так как подобное содержание может стать недоступным в понимании для широкого зрителя. Таким образом, в ходе проведенного исследования было выяснено, что основой для рекламного текста является прагматический аспект, т.е. создание ситуации успеха в коммуникации между рекламодателем (рекламным текстом) и потребителем, а также в привлечении потенциальной аудитории к товару/услуге и т.д. Для того, чтобы коммуникация состоялась, в немецкой рекламе задействуются различные стилистические средства, во многом обеспечивающие прагматический эффект рекламного текста. Для рекламного текста важно создать доверительные отношения с адресатом, выстраивая диалог с ним с помощью лексических, синтаксических, стилистических средств. Немецкая реклама сочетает в себе различные стили, используя разнообразные средства выразительности (метафора, эпитет, сравнение, гипербола, аллитерация, антитеза и т.д.), не теряя при этом краткости сообщения, а также его качества.

Немецкая реклама отличается оригинальностью и новизной, отказом от шаблонов и клише, чему также способствуют различные языковые средства (каламбуры, неологизмы, повторы слов, фразеологизмы и т.д.). На язык рекламы значительно влияют процессы глобализации, что наблюдается по обилию англицизмов и американизмов, позволяющих не только придать рекламе современный облик, но и вывести товар/услугу и т.д. на международный уровень. Все вышеперечисленные средства и приемы позволяют немецкому рекламному тексту не только привлечь внимание потребителя, но и перевести его из состояния восприятия сообщаемой в тексте информации в состояние выполнения определенного действия, что говорит о достижении коммуникативного эффекта и реализации прагматической установки текста.

Список литературы

1. *Вирченко М.А., Лымарь Ю.А., Чех Н.В.* Лингвистические особенности немецких рекламных текстов // Молодой ученый. – 2016. – № 11(115). – С. 1669-1672.
2. *Гегнер Н.Е.* Специфика рекламного дискурса (на материале немецкого языка) // Известия ВГПУ. – 2012. – № 2. – С. 109-112.
3. *Иванова К.А.* Копирайтинг. Секреты составления рекламных и PR-текстов. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 157 с.
4. *Кравцова Е.В.* Некоторые языковые особенности современной немецкой рекламы // Труды Оренбургского института (филиала) Московской гос. юридической академии. – 2013. – № 17. – С. 196-200.
5. *Снигирева О.И., Талалай Т.С.* Языковые особенности прагматики рекламного текста // Вестник ОГУ. – 2017. – № 11(211). – С. 67-72.
6. *Стрельникова Е.С.* Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 62-68.
7. *Талалай Т.С.* К вопросу о рекламном дискурсе (на материале немецких текстов рекламы) // Вестник ОГУ. – 2011. – № 11(130). – С. 94-99.
8. *Титов А.Б.* Реклама: учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1996. – 98 с.
9. *Cosmopolitan. Das Frauenmagazin für Mode, Beauty, Liebe, Erfolg, Karriere und Trends* [Electronic resource]. – Deutschland: Cosmopolitan, 2016. – URL: <https://www.cosmopolitan.de>.

10.02.04

¹М.С. Харченко, ²Т.В. Горбунова

¹ Иркутский государственный университет,
педагогический институт, отделение гуманитарно-эстетического образования,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, porova-mary@mail.ru,

² Иркутский национальный исследовательский технический университет,
институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков №1,
Иркутск, tanya.mironchuk@hotmail.com

ГЛАГОЛЫ КАУЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ БОЛИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению глаголов каузации физической боли с позиций прототипической семантики. Предпринимается попытка определения прототипической ситуации каузации боли и деления исследуемых глаголов на семантические группы.

Ключевые слова: *прототип, каузация, глаголы боли.*

Боль – это ощущение, которое в той или иной степени испытывает каждый человек, что позволяет исследователям отнести понятие боли к семантическим универсалиям [4, с. 125]. В философии боль определяется как «Психическое состояние, возникающее в результате сверхсильных или разрушительных воздействий на организм при угрозе существованию или целостности» [7]. Однако с медицинской точки зрения боль «... играет положительную роль в жизни живых существ, пока она предупреждает или предохраняет организм от грозящей ему опасности, или помогает врачу распознать болезнь» [1]. Религиозные взгляды на боль также не единодушны – от добродетели в христианстве до посланного судьбой несчастья в античной Греции. В лингвистике на материале английского языка известны работы, посвященные изучению концептологии боли [4], типологическому описанию предикатов боли [3], анализу глаголов боли с точки зрения грамматики конструкций [5].

Каузация – связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой [6]. Для прототипической ситуации каузации характерно наличие следующих признаков: «... наличие Агенса (Субъекта) (1), у которого есть цель (2) физически изменить Объект (3), план (4) и программа (5) выполнения этой цели; Агенса (Субъекта) контролирует (6) программу, ответственен (7) за ее выполнение (8) при помощи физического контакта (9) и органов восприятия (10), а также воспринимает (изменения) (11); отношения между Агенса (Субъектом) и Объектом – это отношения источника и цели приложения энергии (12)» [12, с. 71-72]. Однако, в след за Л.М. Ковалевой, мы склонны полагать, что описанная ситуация является в некотором смысле гипотетической, поскольку в языке не существует конструкции, в которой были бы реализованы все перечисленные элементы [2]. Таким образом, отправной точкой настоящего исследования является составление следующего описания прототипической ситуации каузации физической боли: «Субъект намеренно заставляет страдать Объект, причиняя ему физическую боль», где Субъект и Объект – одушевленные существительные. Основываясь на данных словарей синонимов и тезаурусов английского языка нами были отобраны 18 глаголов: *to bite, to break, to bruise, to cut, to damage, to flog, to harm, to hit, to hurt, to injure, to kick, to pinch, to poke, to punch, to slap, to sprain, to stab, to wound*. Дефиниционный анализ позволил нам распределить эти глаголы по трем группам. В группу 1 включены глаголы так называемой «общей семантики» физического воздействия (*to damage, to harm, to hurt, to injure*). К группе 2 мы отнесли глаголы с импликацией инструмента физического воздействия (*to bite, to flog, to hit, to kick, to pinch, to poke, to punch, to slap, to stab, to wound*). Группа 3 объединяет

глаголы с импликацией результата физического воздействия (*to break, to bruise, to cut, to sprain*).

Группа 1. Глаголы «общей семантики».

Глаголы: *to damage, to harm, to hurt, to injure*

Прототипическая ситуация: «Субъект намеренно заставляет страдать Объект, причиняя ему физическую боль»

Отличительной особенностью глаголов является их взаимозаменяемость в большинстве случаев. В примерах 1-3 речь идет о болевых ощущениях, полученных в результате физической активности. Отметим, что вербализация происходит при помощи разных глаголов.

1) Lewis damaged his knee in training and will not appear in the game [10].

2) Angus *injured* his leg playing rugby [13].

3) He *hurt* his knee playing football [10].

Об этом же свидетельствуют словарные дефиниции, ср: If you damage something or part of someone's body, you cause physical *harm* [10]. To harm a person or animal means to cause them physical *injury*, usually on purpose [10]. If you *injure* a person or animal, you damage some part of their body [10]. To hurt - to *injure* yourself or someone else [13].

Анализ фактического материала позволил заметить, что употребление глаголов данной группы для выражения ситуаций каузации физической боли, где Объект и Субъект – одушевленные существительные, крайне незначительно. Мы связываем этот факт с малой информативностью глаголов. Более того, признак «преднамеренность» ситуация приобретает только в том случае, если Субъект и Объект – разные люди, ср.:

4) The kidnappers didn't harm him, thank God. [13]

5) Put that thing down – you might hurt someone with it. [13]

В противном случае речь идет о так называемой автокаузации и ситуации «непреднамеренности» действия, поскольку в норме человеку не свойственно намеренно причинять себе боль

Группа 2. Глаголы «с импликацией инструмента воздействия».

Глаголы: *to bite, to flog, to hit, to kick, to pinch, to poke, to punch, to slap, to stab, to wound*.

Прототипическая ситуация: «Субъект намеренно заставляет страдать Объект, причиняя ему физическую боль при помощи определенного инструмента».

Данную группу глаголов объединяет признак «инструмент». В падежной грамматике Филлмора, инструмент определяется, как партиципant, используемый одним из участников для изменения физического состояния другого участника [18]. Мы полагаем, что к инструментам относятся не только отдельные предметы, но и органы и части тела человека, которые помогают ему (Субъекту) достичь своей цели, а именно каузировать физическую боль у Объекта (другого человека). Экспликация прототипической ситуации каузации боли, выраженной глаголами данной группы, возможна двумя способами: (I) когда признак «инструмент» не находит своего выражения в структуре предложения в виде отдельного члена предложения, но заложен в семантике глагола, (II) когда семантика глагола «требует» вербализации инструмента отдельной языковой единицей.

I. Самыми многочисленными являются глаголы со значением физического воздействия при помощи разных частей рук, например, пальцами (*to pinch* - to press a part of someone's skin very tightly between your finger and thumb, especially so that it hurts [13]), кулаками (*to punch* - to hit someone or something hard with your fist [13]), ладонью (*to slap* - to hit someone with the flat part of your hand [13]), ср.:

6) We have to stop her *pinching* her baby brother [13].

7) He *punched* me on the chin. [16]

8) Then, with a resounding smack, she *slapped* Claudia's face (MD)

Причинить физическую боль можно не только руками, но и ногами (*to kick* - to hit someone or something with your foot [13]), и зубами (*to bite* - to *injure* someone by making a hole in their skin [13]).

- 9) The attacker *kicked* him in the stomach [16].
10) She *bit* him four times as they struggled on their bed. [10]
11) Some children will *bite* and *kick* when they get angry. [15]

Как видно из примеров (6-11) в качестве Объекта может выступать как человек (her baby brother, me, him), так и часть тела, которая подвергается воздействию (Claudia's face, chin, stomach).

Появление в структуре высказывания инструмента после данных глаголов говорит о непрототипической ситуации, когда необходимо уточнение (12) или инструмент отличается от прототипического (13):

- 12) He *kiks* with the heel of the foot [8].
13) <...> She *slapped* with the brush [8].

Ниже представлены примеры глаголов, семантика которых включает в себя описание инструмента воздействия в виде предмета, например, кну́та (*to flog* - to beat a person or animal with a whip or stick [13]), но́жа (*to stab* - to kill or hurt someone by pushing a knife or other sharp object into their body [10]), ору́жия (*to wound* - to injure someone with a knife, gun etc. [15]).

- 14) Soldiers used to *be flogged* for disobedience [10].
15) One fan *was stabbed* to death in a fight between gangs [13].
16) Gunmen killed two people and *wounded* six others in an attack today [13].

II. Здесь речь идет о глаголах типа *to poke* (If you *poke* someone or something, you quickly push them with your finger or with a sharp object [10], *to hit* (If you *hit* someone or something, you deliberately touch them with a lot of force, with your hand or an object held in your hand [10]). Семантика этих глаголов предполагает воздействие на Объект руками, но с необходимым уточнением – будь то палец руки или предмет, который Субъект держит в руке, ср.:

- 14) You'll *poke* someone in the eye with that umbrella if you're not careful! [10].
15) The robbers *hit* him over the head with a baseball bat. [13]

Группа 3. Глаголы «с импликацией результата воздействия».

Глаголы: *to amputate, to break, to bruise, to cut, to sprain*

Прототипическая ситуация: «Субъект намеренно заставляет страдать Объект, причиняя ему физическую боль для достижения своей цели»

К этой группе относятся глаголы, семантика которых предполагает конкретный результат причинения физической боли, в виде синяка (*to bruise* - to cause someone or something to have a bruise [10], перелома (*to break* - If you *break* a part of your body such as your leg, your arm, or your nose, or if a bone breaks, you are injured because a bone cracks or splits [9], раны (*to cut* - If you *cut* yourself or cut a part of your body, you accidentally injure yourself on a sharp object so that you bleed [10]), растяжения (*to sprain* - to cause an injury to a joint by a sudden movement [10].

- 16) How did you *bruise* your arm? [13]
17) She fell downstairs and *broke* her hip [10].
18) I started to cry because I *cut* my finger [13].
19) Amy fell down and *sprained* her ankle [10].

Употребление этих глаголов имеет ряд особенностей. Во-первых, самыми частотными конструкциями являются те, в которых Субъект и Объект – один человек, т.е. случаи автокаузации с признаком непреднамеренности. Во-вторых, все перечисленные глаголы употребляются в конструкциях типа N₁ have/get N₂ Ven, где N₁ – Субъект, N₂ – часть тела или орган N₁.

- 20) <...> he had his collarbone broken and he never played again after [8].
21) my brother Jem got his arm badly broken at the elbow [11].

Такие конструкции также весьма популярны в английском языке. Здесь мы имеем дело с результатом каузации физической боли, но истинный каузатор в структуре высказывания не представлен. Чаще всего последний либо неизвестен, либо неважен. В-третьих, нам встретилось ничтожно малое количество примеров предложений, где Субъект и Объект

выражены личными местоимениями. Можно предположить, что это обусловлено попыткой избежать неясности, двусмысленности. Так, например, в предложении **He broke his leg* без контекста не совсем понятно, чью же ногу Он сломал – Свою или Его? Тогда как в следующих примерах ситуация предельно ясна, ср.:

22) *Obama once broke schoolmate's nose* for calling him a racial slur [17].

23) *<...> he broke his wife's arm* during an altercation. [14].

В рамках проведенного исследования удалось описать прототипическую ситуацию каузации физической боли, при которой: «Субъект намеренно заставляет страдать Объект, причиняя ему физическую боль», где Субъект и Объект – одушевленные существительные. Вербализация высказываний указанной ситуации происходит при помощи таких глаголов, как: *to bite, to break, to bruise, to cut, to damage, to flog, to harm, to hit, to hurt, to injure, to kick, to pinch, to poke, to punch, to slap, to sprain, to stab, to wound*. На семантических основаниях перечисленные глаголы были распределены в 3 группы: 1 – глаголы «общей семантики», 2 – глаголы «с импликацией инструмента воздействия», 3 – глаголы «с импликацией результата воздействия».

Список литературы

1. Биомедицинская этика: Практикум /Под общ. ред. С.Д. Денисова, Я.С. Яскевич – Мн.: БГМУ, 2011. – 201 с.
2. Ковалева Л.М. Английская грамматика: предложение и слово. – Иркутск, 2008. – 397 с.
3. Новичков Ю.П., Бонч-Осмоловская А.А. Глаголы боли в английском языке / Концепт боль в типологическом освещении. – Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго. – С. 199-209.
4. Раренко М.Б. Концептуализация боли в языке (на примере английской лингвокультуры) / Человек: образ и сущность. – М., 2015. – С. 124–132.
5. Резникова Т.И., Бонч-Осмолова А.А., Рахилина Е.В. Глаголы боли в свете Грамматики конструкций / НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 2008. №4. – С. 175-180.
6. Русская грамматика – М.: Наука, 1982. – 1492 с.
7. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. – 574 с.
8. BNC – British National Corpus. <https://www.english-corpora.org/bnc/>
9. CCD Collins Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com/>
10. CD – Cambridge dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
11. Goodreads. <https://www.goodreads.com/quotes/12738-when-he-was-nearly-thirteen-my-brother-jem-got-his>
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.
13. LD – Longman Dictionary. <https://www.ldoceonline.com/>
14. Metro. <https://metro.co.uk/2020/01/07/eastenders-spoilers-horror-for-chantelle-as-evil-gray-breaks-her-arm-in-violent-attack-12015864/>
15. MD – Macmillan Dictionary. <https://www.macmillandictionary.com/>
16. MWD – Merriam Webster Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/>
17. The New York Post. <https://nypost.com/2021/02/24/obama-once-broke-schoolmates-nose-for-calling-him-a-racial-slur/> Концептуализация
18. Fillmore C.J. *The Case for Case / Universals in Linguistic Theory*. – 1968. – P. 1-88.

*10.02.04***Г.З. Шараева**

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра романо-германских языков и методик их преподавания,
Набережные Челны, garnetflower@yandex.ru

АНАЛИЗ КОНВЕРСИВОВ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

В работе раскрываются продуктивные способы образования конверсивов на фразеологическом уровне. Пристальное внимание уделяется использованию конверсивов в современной англоязычной и русскоязычной прессе.

Ключевые слова: *конверсивы, фразеологические единицы, английский язык.*

Конверсия является одним из основных способов словообразования в современном английском языке. Это чрезвычайно продуктивное средство пополнения лексического состава новыми словами. Конверсивы представляют собой единицы разных уровней языка – лексического, грамматического, фразеологического. Являясь как бы двумя противоположными «полюсами», они выражают одну и ту же мысль, а значит, образуют целостную, замкнутую систему взглядов на одну и ту же ситуацию. В этой статье проанализируются наиболее часто встречающиеся конверсивы в англоязычной и русскоязычной прессе на фразеологическом уровне.

Источниками данного исследования стали газетные статьи англоязычной и русскоязычной современной прессы. Безусловно, язык газеты обладает особенностями, отличающими его от разговорной речи, от языка художественной или научной литературы. Результатом этого является отбор языковых выразительных средств, наиболее соответствующих той социальной задаче, которую выполняет газета как основное средство массовой информации.

Стремление в кратчайший срок сообщить о свежих новостях находит отражение как в характере коммуникативных задач, так и в речевом их воплощении. Газетная информация рассчитана на разнородный многочисленный круг читателей и должна привлечь к себе внимание. Соответственно, она организуется так, чтобы сообщение было передано сжато, чтобы оказать на читателя определенное эмоциональное воздействие без траты большого количества времени. Всё это приводит к тому, что публицистический стиль в газете часто упрощается, стандартизируется. Наличие стандарта порождает газетные штампы, или клише, так характерные для газетной речи. Например, выражения:

a champion of peace (борец за мир) “President Reagan regretted the loss of a “great statesman”, declaring, “Mankind has lost a champion of peace.” 24 September 2011 *The Sunday Times* (Президент Рейган сожалел о потере “великого государственного деятеля”: “Человечество потеряло борца за мир.”) [3]

cold war (холодная война) “Boris Johnson said a new cold war with China would be a “mistake” as he faced a backlash from his own MPs today over plans to build deeper trade links” 16 March 2021 *The Times* (Борис Джонсон заявил, что новая холодная война с Китаем будет “ошибкой”, поскольку сегодня он столкнулся с негативной реакцией со стороны своих депутатов...) [2]

vital issue (жизненная проблема) “Her ability to “cut through the fuss” on the vital issues of the day is the one quality which makes the Prime Minister’s weekly audiences with the Queen invaluable.” 31 May 2012 *The Sunday Times* (Ее способность “пробиваться сквозь суету” по жизненно важным вопросам дня – это то качество, которое делает еженедельные аудиенции премьер-министра с королевой неоценимыми) [4]

Существительные, образованные с помощью конверсии, широко распространены в газетной лексике. Несомненный интерес представляет собой рассмотрение конверсии на фразеологическом уровне. Ю.Д. Апресян, Л.А. Новиков рассматривали конверсивы-фразеологизмы как структурный тип. М.А. Жилиев классифицировал конверсивы-фразеологизмы как «единицы языка, соответствующие определённым частям речи». [1, с. 16]

Для проведения анализа английских конверсивов необходимо также учесть, что английская фразеология, по сравнению с русской, объединяет в своих рядах гораздо большее количество фразеологических единиц благодаря аналитическим свойствам языка. Многие находящиеся на лексическом уровне единицы в русском языке, в английском пополняют фонд фразеологических средств.

Мы проанализировали некоторые статьи современной английской прессы. Были рассмотрены Интернет-версии таких англоязычных изданий, как «The Times», «The Daily Telegraph», «Daily Mirror» и «Morning Star».

Хочется отметить, что в русском языке среди имён существительных лексическим единицам *мачеха, отчим, падчерица, пасынок, тесть, тёща, невестка, зять* и т.д. соответствуют фразеологизированные обороты в английском языке: *mother-in-step, father-in-step, daughter-in-step, son-in-step, father-in-law, mother-in-law, daughter-in-law, son-in-law*. Для таких русских слов, как *соотечественник, сверстник, ровесник* в английском языке существуют выражения объяснительного характера *someone who lives in the same country, someone of the same age*. Среди глаголов также немало таких случаев, например: ср., русск. *жениться, знакомиться, дружить*, англ. *to get married to smb, to get acquainted with smb, to be friends*. [1, с. 19]

Особо подчеркнём при этом, что приведённые выше лексические единицы русского языка и фразеологические единицы английского языка входят в состав конверсивных средств обоих языков.

Мария – мачеха Анны <=> Анна – падчерица Марии.

Mary is Ann's mother-in-step. <=> Ann is Mary's daughter-in-step.

Среди приведённых выше групп следует особо остановиться на глагольно-пропозициональных фразеологических единицах. Фразеологизмы данного типа объединяются общим значением действия, которому подвергается или которое испытывает лицо, либо значением состояния, в котором пребывает лицо: *хмель выскочил из головы* – ‘кто-либо быстро отрезвел’; *смешинка в рот попала* – ‘кто-либо не может перестать смеяться, смеётся без причины’ и другие.

Что касается английского языка, то в нём нет такого типа фразеологических единиц, а подобным оборотам русского языка в английском чаще всего соответствуют предикативные единицы, например: *сердце разбито* – *one's heart is broken*.

Для фразеологических единиц, так же как и для лексических, характерными являются синонимические и антонимические отношения, многозначность фразеологизмов, хотя и не в такой мере, как среди лексических единиц [1, с. 20].

Конверсивные отношения особенно характерны между глагольнопропозициональными и глагольными фразеологическими единицами: *ноги не держат* – *еле на ногах держится*; *след простыл* – *дал дёру*; *ветром сдуло* – *мало каши ел* и др. Большое количество конверсивов-фразеологизмов существует среди фразеологических единиц на основе конверсии одного компонента: *дать по шапке* – *получить по шапке*; *намылить голову* – *получить по голове* и др.

Следует учесть также и другие случаи, в которых фразеологизм образует «обратное» отношение со свободными (нефразеологическими) оборотами. При этом фразеологизм и свободное сочетание составляют денотативное тождество на синтаксическом уровне :

Слово отца – закон для сына. <=> Сын слушается отца беспрекословно.

Это пошло на пользу книге. <=> Книга от этого только выиграла.

Таким образом, конверсивные пары как в русском, так и в английском языках могут включать:

- два фразеологизма (чаще всего эти конверсивы, образованные фразеологизмами с общим компонентом), например:

русск. дать по шее – получить по шее;

англ. to give it to smb in the neck – to get it in the neck,

- фразеологизм и свободное словосочетание, например: русск.: Он принимает близко к сердцу чужие беды. <=> Чужие беды волнуют его.

англ.: He takes others' troubles (too close) to heart. <=> He worries about others' troubles.

- фразеологизм и слово, например:

русск.: Это тебе даром не пройдет. <=> Ты ответишь за это. англ.: It will not be free for you.

<=> You will pay for it.

Фразеологический потенциал как русского, так и английского языков располагает также множеством примеров конверсивов-фразеологизмов, в которых оба актанта денотативной пары являются фразеологизмами:

1) У него молоко на губах не обсохло. <=> Он ещё не вылупился из яйца.

The milk hasn't dried on his lips. <=> He is scarcely out of the shell (yet).

«Видимо, сейчас это такой тренд – думать о заслуженном отдыхе, когда ещё молоко на губах не обсохло». 25 апреля 2013 *Аргументы недели* [5]

2) Ему все сходит с рук. <=> Он ни за что не в ответе.

Everything ends well for him. <=> He doesn't answer for anything. He gets away with it.

3) Они отдали концы (в значении 'удрали, скрылись') <=> Их ветром сдуло.

They have made a run of it. <=> The wind has blown them away. They disappeared like a shot of a gun.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод о том, что конверсия довольно широко представлена в англоязычной прессе, подобно синонимии, антонимии, многозначности, омонимии. В системах русского и английского языков существует ряд продуктивных способов образования конверсивов; за счет этого происходит пополнение лексических средств конверсивной лексики.

Проанализировав примеры использования конверсии в англоязычной прессе можно сделать вывод, что наиболее часто в газетном стиле употребляются имена существительные, образованные с помощью конверсии, что является одной из отличительных черт публицистического стиля.

Среди имён существительных, прилагательных и наречий в сравнительной степени, а также предлогов и союзов, конверсивные отношения менее распространены. Большинство конверсивов-существительных образовано от конверсивных глаголов с помощью различных суффиксов.

Конверсия существует на фразеологическом уровне как в русском, так и в английском языках. При широком понимании фразеологии и включении в состав фразеологических единиц не только фразеологических сращений, единств, но и фразеологических сочетаний, список конверсивов-фразеологизмов значительно возрастает.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Конверсивы как средство синонимических преобразований языковой информации / Тез. межвуз. конф. (16-19 декабря 1969г.) // Проблемы прикладной лингвистики. - М.: Изд-во Моск. пед. ин-та ин. яз. им. Мориса Тореза, 1969. - С. 16-22.
2. <https://www.thetimes.co.uk/article/uk-builds-up-nuclear-arsenal-to-counter-cyber-threat-cl96v0wbb>
3. <https://www.thetimes.co.uk/article/the-assassination-of-president-sadat-65210vrblde>
4. <https://www.thetimes.co.uk/article/my-weekly-hour-with-her-is-vital-says-cameron-she-cuts-through-the-fuss-96lp7wdfnn>
5. <https://argumenti.ru/50plus/n386/249329>

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Ч.З. Абдуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
отдел общей лингвистики,
Казань, chulpan_markiz@mail.ru

**СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ,
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Любая языковая ситуация определяется целым рядом объективных факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, но прежде всего языковой политикой, которая осуществляется данным государством. От национальной политики государства зависит языковая политика. Одним из признаков национальной культуры является язык. Именно, поддерживая национальную культуру, государство поддерживает и сохраняет национальный язык.

Ключевые слова: *современная языковая ситуация, языковая политика, двуязычие, сферы применения языков.*

Проблемы сохранения и развития национальных языков народов и наций, проживающих на территории современного Татарстана, является одной из важнейших проблем языковой политики.

В настоящее время в области языковой политики и языковой ситуации события развиваются особенно быстро. В Татарстане сложились новые принципы языковой политики. Они отличаются от принципов языковой политики последних десятилетий. Отсюда следует, что основным условием сохранения и развития языков является сохранение и развитие самих народов, их творцов и носителей. Таким образом, степень функционального и структурного развития языка зависит от общего уровня развития этноса. Все другие факторы лишь ускоряют или, наоборот, тормозят развитие языков. По мнению ученых, можно выделить следующие факторы: языковая политика государства как часть национальной политики: общая демографическая и языковая ситуация; уровень национально-языкового самосознания; употребление языка в различных сферах жизни его носителей; уровень и направление двуязычия (многоязычия) и др. [3, с. 6].

Язык имеет большое значение не только для общения, но и для консолидации людей, живущих в одном сообществе, для решения общих вопросов.

Языковая политика является важнейшим фактором развития и функционирования языков. Четко выверенная языковая политика особенно важна в многонациональном государстве, где она должна регулировать сложные национально-языковые процессы.

На современном этапе развития процессов общественного обновления выявилось множество болевых точек в сфере национально-языковых отношений которые породили определенную этнопсихологическую несовместимость. «В этой связи можно упомянуть декабрьские события в Казахстане (1986), погромы месхетинцев в Узбекистане (1989 г.), узбекско-киргизские конфликты, столкновения между таджиками и узбеками на юге Таджикистана и в Самаркандской области Республики Узбекистан, события в Чечне, а также не совсем продуманная языковая политика в Эстонии привели к дестабилизации отношений между носителями языка коренной нации и русскоязычным населением» [1, с. 81]. И сегодня то и дело обозначаются очаги напряженности, например, события, происходящие на территории Донбасса и Украины, а также конфликт между Нагорным Карабахом и

Азербайджаном. Все это накладывает своеобразный отпечаток на внутреннюю жизнь народов многонационального Татарстана. На территории Республики Татарстан открытых межнациональных конфликтов не было. Однако основы демократии все-таки сохраняют свою суть. На современном этапе в республике идет оживленная работа по сохранению баланса интересов многонационального населения.

На территории Татарстана проживают представители свыше 173 национальностей. Из них татары самые многочисленные - 53,2%. Русские составляют второе место по численности населения, чувашаи – третьи. Две наиболее крупные этносоциальные группы – татары и русские определяют развитие республики. Для достижения межъязыкового и межнационального согласия в Республике Татарстан все мероприятия должны базироваться на учете интересов этих полиэтнических групп. Также необходимо учитывать национально-языковые отношения между национальным большинством и национальными группами и меньшинствами.

Одним из проявлений языкового фактора в развитии и совершенствовании межнациональных отношений, которое рассматривается в тесной связи с развитием национальных языков – это двуязычие. Оно является первостепенной причиной возникновения потребности в речевом общении между разноязычными людьми в процессе их контактирования. В современных условиях двуязычие является объективной реальностью с этим никак нельзя не считаться. Исследователи утверждают, что двуязычие должно развиваться без принуждения только как осознанная необходимость и без какого бы то ни было ущерба для родного языка.

На современном этапе развития Республики Татарстан двуязычие – это одно из основных тенденций языкового развития. В нашей многонациональной республике двуязычие является необходимостью. Основным типом двуязычия в республике является национально-русское двуязычие.

История показала, что национально-русское двуязычие в некоторой степени породило чувство неопределенности национальной принадлежности, упал интерес к языку своего народа.

Базовой и самой массовой сферой обучения языкам является система народного образования. В республике имеется сеть общеобразовательных школ, появляются учебные заведения нового типа – полилингвальные школы. При общеобразовательных школах открыты чувашские, марийские, мордовские, немецкие, еврейские и т.д. классы. Несмотря на предпринимаемые меры, она все еще не справляется со своими задачами.

Вопрос решен не до конца о совместимости родного и неродного языков в процессе образования, формирования и развития личности. Большинство ученых отмечает, если национальный язык высокоразвитый и способен обеспечить среднее и высшее образование и интеллектуальное развитие на требуемом уровне, то обучение должно вестись на родном языке. В данном случае изучение другого языка преследует лишь коммуникативные цели. Принцип обучения на родном языке должен не противоречить принципу хорошего владения русским языком.

Одной из наиболее острых проблем национальной школы, национальных классов следует отметить низкое качество обучения, в том числе и родным языкам. Некоторые учителя не владеют чистыми литературными нормами родных языков. Все это требует повышения уровня профессиональной подготовки преподавательских кадров.

Необходимо также качественно изменить преподавание национальных языков в русских школах. Русскоязычный учащийся должен иметь реальную возможность овладеть навыками речевого общения на татарском языке в процессе школьного обучения [2, с. 191.].

Знание родного языка должно поощряться и стимулироваться, и прежде всего, путем создания всех условий для изучения родного языка. Что, безусловно, приведет к расширению сферы применения родного языка и, главное, – будет способствовать поднятию его престижа. Следует разработать систему мер морального и материального поощрения, стимулирующих изучение родных языков.

Общее руководство и координацию работы по обучению родным языкам правительство Республики Татарстан должно взять на себя, что явится своего рода гарантией и стимулом для развития дву- и многоязычия в республике.

Список литературы

1. Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. – Казань, 2003. – 160 с.
2. Сагдеева Ф.К., Абдуллина Ч.З. Языковая ситуация, языковая политика и вопрос о межъязыковом и межнациональном согласии в Республике Татарстан // Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеральных государствах): международная научно-практическая конференция (Казань, 11 декабря 2019 г.): сб. материалов / сост.: Г.Н. Мухарлямова, Д.М. Абдуллина, М.М. Шакурова Л.М. Гиниятуллина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 188-193.
3. Слепцов П.А. Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл: (Судьба наша – язык родной). – Якутск: Северовед, 1999. – 188 с.

*10.02.19***Д.В. Бобков, Г.Ф. Мратхузина, Э.А. Хабибуллина**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра востоковедения, африканистики и исламоведения,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Казань, gmratkhuzina@gmail.com

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ИНДИИ: ПАРАДИГМЫ И ДИСКУРСЫ

Всегда исторический и культурный образ Индии в России основывался на взаимном стратегическом партнерстве, в настоящее время в академических парадигмах он приобретают системную связь.

Сегодня особую актуальность приобретает проблема коммуникативных стратегий в контексте татаро-индийских контактов и векторов современного дискурса по примерам моделирования ситуационного аспекта общения с индийскими делегациями и представителями индийской диаспоры.

Теперь для Казанского федерального университета подготовка будущих переводчиков с индийских языков для Республики Татарстан становится приоритетной, а с учетом соответствующей разнообразной языковой ситуации в Индии особенно актуальной.

Ключевые слова: индийский полилингвизм, лингвистическая типологизация, современные парадигма и дискурс.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что в последние десятилетия академические лингвистические исследования расширили и углубили исследования многоязычного фона в Индии, а обширная литература позволяет воссоздать картину развития знаний о феномене языковой пестроты. Теоретические и методологические методы исследования дают возможность диалектически изучать и углублять научные основы использования современного языка в Индии, когда прослеживаются общие ценности влияния идеологии и практики государства, социокультурные факторы, система универсальных и академических этических норм. В современной Индии санскрит и хинди уходят на второй план в общении, а английский становится наиболее важным средством общения. [3]

Интересно, после обретения Индией независимости предполагалось, что языковое объединение станет необходимым предварительным условием для политического и национального объединения. Хинди был обозначен Конституцией языком коммуникации между и внутри штатов и планировалось продвигать хинди в качестве языка, который мог бы выразить все аспекты многократной индийской культуры. Английский язык был оставлен как язык общения между штатами наравне с хинди, однако этот статус был придан английскому языку временно. Через пятнадцать лет хинди должен был полностью его заменить, но этого не произошло, главным образом, потому, что южные регионы Индии населены народностями, не владеющими хинди. Представители этих этнических групп чувствовали себя профессионально и социально ущемленными в том случае, если бы государственным языком бы оставлен хинди. В настоящее время в стране насчитывается 18 государственных языков, а хинди является еще и официальным языком Индийского союза. Английский язык не принадлежит к государственным языкам Республики Индия, но определяется как временный официальный язык (associate official language).

Сегодня становится ясно, что лингвисты обеспокоены проблемой сохранения языков коренных народов, особенно языков небольших этнических групп, которые постепенно вытесняются из повседневного употребления речи английским языком.

Предполагается, что английский должен использоваться исключительно для функциональных целей, он должен быть лишен особого престижного статуса, его область применения должна быть сужена. Такого же мнения придерживаются и те, кто считает, что, хотя сельские территории практически не затронуты, в городах английский практически не оставляет места для других языков в повседневных разговорах молодых людей.

Понятно, другие лингвисты придерживаются иной точки зрения: они не воспринимают английский как угрозу для языков коренных народов – английский может поставить под угрозу одноязычные общества, но никогда не будет такого многоязычного, как Индия.

Получается, статус английского языка в Индии довольно неоднозначен, он существует в условиях «противоречивой общественной оценки». Противоречия во многом определяются отсутствием в Индии единодушно признанного языка межэтнического общения, кроме английского. По разным оценкам, в Индии насчитывается от 281 до 1652 местных языков, 24 из которых представлены как минимум одним миллионом говорящих, но ни один из них, включая хинди, не имеет абсолютного большинства говорящих. Более того, любая попытка статистически рассчитать такое большинство наталкивается на решительную оппозицию других носителей языка. В то же время, спор становится откровенно резким, оппоненты не теряют своих слов, наделяя друг друга эпитетами, такими как «хиндивала» или «инглишвала», что в основном означает сторонников хинди или английского языка соответственно.

Однако, постоянно возникают споры о негативном влиянии английского языка на автохтонные языки. Точка зрения на английский как язык убийцы в Индии находит своих сторонников во многих слоях населения, как говорится, «английский язык – это болезненная страсть номер один для Индии». Центральный институт английского и иностранных языков был создан в Хайдарабаде, его название явно показывает сложное отношение к английскому языку, поскольку он отличается от других иностранных языков. [4]

Многие индийцы утверждают, что индийский английский очень похож на британский английский, но это лишь поверхностное впечатление. Следует иметь в виду, что носители индийского английского языка не используют весь массив языковых элементов, и что существует много региональных вариантов. Тем не менее, мы можем различать и идентифицировать различные элементы уровня языка, уникальные для этого конкретного варианта, что свидетельствует о существенности индийского английского языка. Они функционируют на разных фонологических, морфологических, лексических и синтаксических уровнях.

Конечно, любой новый (производный) вариант или разновидность английского языка имеет основные категории отклонений и нововведений: заимствования, гибриды (производные и сложные), инновации (производные и сложные), изменения в лексической совместимости, переосмысление значения, изменение стиля (формализация / книжность, архаичный стиль, сленг), грамматические отклонения. Эти особенности полностью присущи и индийской версии английского языка. Исследователи определяют индийский английский в целом скорее как комбинацию многих языковых разновидностей, а не как однородный язык, тем самым характеризуя его как непрерывную речь с широким разнообразием речевых слоев от нижнего (базилект) до среднего (мезолект) и более высокого (acrolect).

С одной стороны, для стран, представляющих бывшие колонии Великобритании, английский признан глобальным, с другой стороны, он называется «язык-убийца», потому что он оказывает разрушительное влияние на языки местного населения по мере его изменения и развивает новые диалекты. Язык одной из этнических групп используется в качестве ксенолекта, что означает диалект в чрезвычайно легкой форме для облегчения восприятия иностранцами. Ксеноэлектрик, как правило, используется эмигрантами. Их социальный статус оценивается как низкий, что влияет на отношение к этому языковому разнообразию.

Таким образом, детальное изучение английского языка в Индии приводит к выводу, что индийский английский является независимым вариантом английского языка (IE). В связи с появлением этого нового лингвистического феномена появились новые проблемы для переводчиков – перевод должен учитывать тот факт, что Hinglish демонстрирует смесь английских и хинди фразеологизмов и наборов выражений. Все эти аспекты требуют тщательного изучения, особенно в рамках российско-индийского общения.

Учитывая многочисленность представителей индийской диаспоры в Татарстане и крепкие научные и образовательные контакты Центра изучения Индии Института международных отношений Казанского федерального университета, знание разговорного английского языка позволит расширить горизонты понимания культурных, научных и образовательных связей между нашими народами и, более того, понять проблему идентичности индейцев в Татарстане, проследить пути и условия сохранения их национальной культуры и национальной сознание и овладеть накопленным ими опытом адаптации и общения. [1, 2]

Список литературы

1. *Bushkanets L.E., Mahinina N.G. & Nasrutdinova L.H.* (2016). Problems of modern higher education in the sphere of Russian philology and the ways of solving them (On the example of the situation in Kazan federal university). *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(6): 1231-1236.
2. *Bushkanets L.E. Mahinina N.G, Nasrutdinova L.H. & Sidorova M.M.* (2016). The Concept of Higher Philological and Pedagogical Education in the Tatarstan Republic. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, XII: 264-269.
3. *Saidasheva E.A., Mratkhuzin D.A.* (2017). Hinglish as spoken English in India (Historical and Linguistic Aspects). *Modern Journal of language teaching methods* (ISSN: 2251-6204), 7(9): 62-65.
4. *Khayrutdinov R.R., Mratkhuзина G.F., Sitdikov A.G. & Bobkov D.V.* (2017). Education in India: historical traditions and modern innovations. *Man In India*, 97(8): 143-152.

10.02.19

К.Ю. Василюк

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, minami17@yandex.ru

ТРАУРНАЯ РЕЧЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ РИТУАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

Статья раскрывает содержание понятий «ритуал» и «ритуальное событие». Значительное внимание уделяется особенностям траурной британской речи как кульминационному моменту ритуального события. В статье также исследуются стратегии и содержание траурных текстов.

Ключевые слова: *ритуал, ритуальное событие, траурная речь.*

Язык является не только системой знаков и формой сознания человека, но и важнейшим инструментом человеческой деятельности. Система языковых средств позволяет адресанту коммуникации опосредовано или непосредственно достигать определенной цели через адекватное выражение мыслей и чувств. Со стороны реципиента, восприятие и осмысление информации собеседниками невозможно без применения коммуникативных стратегий и коммуникативных компетенций, основанных на знаниях индивида о нормах общения, обусловленных национально-культурными особенностями социума, в том числе и правилами речевого этикета, которые, напрямую зависят от обычаев, традиций и ритуалов, сложившихся в каждом отдельно взятом обществе.

Традиции – это сложившаяся система норм и принципов поведения, которые охватывают наиболее существенные сферы человеческой жизни. Традиции являются более общими формами взаимодействия и включают в себя обычаи, которые возникают на базе фактических отношений между людьми и представляют общепринятый порядок поведения, утвержденный в обществе. Совокупность установленных обычаев действий, предписанных индивидам в различных ситуациях, именуется обрядом. Наиболее важные события в жизни общества, как правило, наделяются символизмом и реализуются в закреплённой последовательности обрядовых действий, то есть в ритуале.

Ритуал как культурная доминанта является характерной чертой всех человеческих обществ и является неотъемлемой частью социальной жизни, так как он отражает систему культурных взаимодействий между членами социума, а также формирует представления людей о значимости тех или иных стратегий поведения, проводя границу между шаблонным поведением и проявлением индивидуализма.

Следует отметить ряд социально значимых функций ритуала:

- 1) социальное воспитание членов общества и трансляция ценностей путем отправки и получения заранее повторных сообщений (типизированных текстов);
- 2) обеспечение взаимодействия и понимания между индивидуумами в условиях лингвокультурных концептов данного социума, утверждая коллектив как социальную единицу;
- 3) подтверждение принадлежности индивида к определенному сообществу и закрепление позиции отдельно взятых индивидов и их социально-правовой статус;
- 4) самоорганизация сообщества и установление иерархии взаимоотношений в соответствии с социальными ролями и личными качествами с помощью вербальных и невербальных каналов коммуникации;
- 5) эмоциональное воздействие на получателей информации, в том числе и сохранении эмоциональной стабильности участников.

Дуглас Маршал вывел два следствия ритуальных практик: верование и причастность. По Д. Маршалу верование - это «альтернативный способ выразить уверенность, доверие и убежденность, которые являются следствием ритуала», в то время как причастность – это осознание индивидом его единства с общностью [7, с. 363].

Однако ритуал – это не просто совокупность этикетных действий в рамках культурной парадигмы социума. Ритуал помогает человеку вступить в новый этап своего существования, придавая социальную значимость естественным действиям, то есть физиологическим процессам протекания жизнедеятельности человека. Таким образом, ритуал отражает реальный процесс жизнедеятельности общества, протекающей в определенной символической форме поведения, то есть в форме ритуального события или ритуальной церемонии.

В данной статье мы предлагаем разграничить понятия «ритуальное событие» и «ритуал». Согласно Н.Д. Арутюновой, «действия становятся событиями, только получив ролевую интерпретацию» и имеют последствия, которые способны кардинальным образом изменить дальнейшую жизнь человека, социальной группы, этноса, человечества [1, с. 168]. Событие обладает следующими качествами: структурность, имманентность, каузальная независимость. Под структурностью понимается четкая последовательность повторяющихся событий. Имманентность подразумевает определенные законы развития и связь с другими событиями в потоке времени. Казуальная независимость выражается в том, что отдельное событие имеет закономерную связь причины и действия.

Любое явление, в частности ритуал, имеет границы и выражается в рамках некой смысловой оформленности, то есть воплощается в реальной жизни в виде конечной единицы явления или, в данном случае, в форме ритуального события. Ритуальное событие может рассматриваться как единичная актуализация плана выражения и плана содержания ритуала, при этом в плане выражения ритуала допускается некая вариативность поверхностного уровня ритуала, в то время как план содержания ритуала устойчив и единообразен.

С помощью ритуальных действий некие процессы календарного и жизненного цикла сводятся к ритуальному событию посредством создания символической (знаковой) реальности [2, с. 175]. Такое событие в жизни социума ознаменует изменение социального статуса индивида и выполняет роль способа переживания напряженных моментов и адаптирования к изменяющейся реальности. Ярким примером могут служить такие ритуальные события, как свадьба, крещение, получение наград, траурная церемония.

Похоронный ритуал в Великобритании находится на стыке светского и религиозного мероприятия, так как англиканская церковь основывается на утверждении неразделимости духовной и светской власти. Похоронный ритуал как светское мероприятие направлен на принятие нового социального статуса индивида. С точки зрения религиозного обряда, похоронная церемония является закреплением перехода индивида из мира живых в мир мертвых посредством ритуальных действий, которые символизируют и отражают духовные традиции, сложившиеся в обществе.

Как любое ритуальное событие, траурная церемония имеет сюжетную целостность и строгую регламентацию действий, в зависимости от которых варьируется коммуникативное поведение участников ритуала. Как правило, выделяют четыре этапа: подготовка, начало, действие и завершение. Подготовка подразумевает приготовление и организацию ритуального действия в зависимости от предписанной процедуры ритуала. Начало ритуального действия выполняет функцию привлечения внимания аудитории. В траурной церемонии эта часть проводится служителем церкви, который начинает церемонию прощания с чтения молитв и отрывков из Библии. На этапе действия выполняется собственно цель ритуала, а именно поминание покойного родными и близкими.

Кульминацией траурной церемонии является траурная речь – через поминание усопшего происходит окончательное закрепление нового статуса человека. К одной из функций траурной речи относят функцию консолидации присутствующих. Человек, проговаривая ритуальные тексты, осознает себя частью общества, так как переживает схожие эмоции

вместе со всеми участниками ритуала. Сутью коммуникации в рамках ритуального события является воздействие на всех участников, включая самого говорящего. Таким образом, происходит слияние ролей адресанта и адресата в рамках данного ритуального события.

Во время траурной речи реализуется воздействие на различные каналы восприятия всех участников ритуального события. При этом стратегии воздействия складываются из ценностей отдельно взятого сообщества и могут варьироваться в зависимости от контекста конкретной ситуации. Так, М.Г. Извекова пишет, что «чем короче действие, тем эффективнее ритуал, а чем больше оно затянуто, тем более громоздко выглядит ритуал» [3, с. 46]. Поэтому, как правило, длительность траурной речи варьируется в среднем от 3 до 8 минут.

Кроме этого, траурная речь относится к числу ритуальных текстов панегирического содержания, то есть влияние на эмоции аудитории происходит через восхваление заслуг и личных качеств покойного, а также с помощью указания на неоценимый вклад покойного в жизнь говорящего или собравшихся на церемонию людей. Данные тактики реализуют психологическую разгрузку и помощь в примирении и осознании смерти близкого человека. Это может быть биографический рассказ о жизни умершего, призыв к укреплению веры во время скорби и подчеркивание тесной связи умершего с его родными и близкими, выражение чувства уважения и любви к покойному, которое аудитория разделяет с говорящим [6, с. 67]. Кроме этого, данные стратегии помогают снизить эмоциональное напряжение как аудитории, так и самого говорящего.

Траурная речь также может рассматриваться как форма социального поведения, где учитывается принадлежность индивида к речеповеденческой ситуации, в основе которой лежит ролевая интерпретация, базирующаяся на парадигме ценностей социума и определяющая роль индивида в конкретном событии. Особую важность имеют социальные отношения между выступающим и покойным, которые непосредственно связаны с содержанием траурных текстов.

В Великобритании речевой этикет предписывает отказ от открытого демонстрирования эмоционального состояния в пользу эмоционального дистанцирования. Поэтому, содержащие выступления только близких родственников характеризуется глубоким переживанием, но в тоже время отличается высокой степенью эмоционального сдерживания как проявление национального характера. Для речи близких родственников характерно чествование покойного как семьянина, ставя во главу его моральные качества и общехристианские ценности. Также, для траурной речи близких родственников характерен символизм и закрытость, которые выражаются в направленности выступления на определенный круг лиц. Например, говорящие часто упоминают в речи моменты из биографии покойного, смещая акцент на факты личного характера, которые могут быть известны только близким и родным.

Таким образом, будучи разновидностью ритуального дискурса, траурная речь являет собой отражение традиций, закрепившихся в данной социальной среде, и выполняет ряд социально значимых функций. Траурная речь как составляющая ритуального события является кульминационным моментом, так как с помощью траурной речи происходит формальное признание обществом принадлежности человека к иному миру через тексты панегирического содержания, которые отражают ценностные доминанты, принятые в отдельно взятом социуме.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. - 2-е изд., испр. - Москва: Языки русской культуры, 1999. - С. 168.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.- С.183.
3. Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: Дис. кандидата филологических наук Волгоградского государственного педагогического университета, Волгоград: 2006. – С. 32-48.
4. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. №3. - С. 157-171.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // Волгоград: Перемена, 2002.- С. 117.
6. Kent M.L. The rhetoric of eulogies: A generic critique of classic and contemporary funeral oratory // ETD Collection for Purdue University, 1997. – С. 97.
7. Douglas A. Marshall D.A. Behavior, Belonging, and Belief: A Theory of Ritual Practice , Sociology/Anthropology Program, University of Illinois–Springfield, PO, 2002. – С. 360-380.

10.02.19

К.Д. Войцех

Башкирский Государственный Университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра АЯимКК,
Уфа, kseniavoytsekh@gmail.com

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

В статье рассматривается двусмысленность как основа для создания языковой игры в кинематографическом дискурсе. Дается определение двусмысленности, а также различные формы языковой игры, так или иначе построенные на реализации двух планов содержания высказывания. Статья содержит богатый иллюстративный материал из англоязычных телесериалов последнего десятилетия.

Ключевые слова: языковая игра, двусмысленность, кинематографический дискурс, кинодискурс.

В последние несколько десятилетий возросло внимание отечественных и зарубежных учёных к феномену языковой игры (далее – ЯИ), не обходящему стороной ни одну из сфер человеческой деятельности [4]. Несмотря на то, что понятие ЯИ является одним из наиболее значимых в отечественном языкознании последнего столетия [5, с. 28], его нельзя назвать всесторонне изученным.

Так, одной из наименее исследованных областей с точки зрения использования языковой игры можно считать кинематографический дискурс, или кинодискурс, который относится к наиболее распространённым типам креолизованных текстов в современной массовой культуре [9, с. 4]. Новизна предпринятого нами исследования заключается в недостаточной изученности форм существования и функционирования ЯИ в сфере кинематографа, а именно – в англоязычных телесериалах. Целью исследования является всестороннее изучение ЯИ в кинодискурсе и выявление наиболее общих закономерностей использования языковой игры в телесериалах различной жанровой принадлежности.

В ходе изучения материала британских и американских телесериалов последних двух десятилетий мы выявили, что наиболее частотные случаи языковой игры объединяет присутствие двусмысленности в высказываниях.

Под **двусмысленностью** понимается «неоднозначность фразы, высказывания; возможность двоякого понимания речи» [6, с. 149]. То есть, к данной группе случаев языковой игры можно отнести все, которые тем или иным образом создают двусмысленность и возможность двоякой интерпретации (как на семантическом, так и на синтаксическом уровне).

В традиционной лексикологии существует точка зрения, согласно которой проблему двусмысленности не следует преувеличивать [3], и любая двусмысленность **обычно** «обезвреживается контекстом» [2, с. 47]. Однако уже в самом высказывании видно противоречие, поскольку «обычно» не исключает существования и тех случаев, когда контекст не способен «нейтрализовать» второе значение. Отмечается также существование контекстов, для которых сложно или вовсе невозможно выявить реализуемое значение полисеманта [1]. Следует согласиться и с мнением, что «если слушающему необходимо обращаться к контексту, то это уже означает, что омонимия задерживает процесс коммуникации» [7, с. 25]. Мы считаем, что правомерно применять это высказывание не только к примерам омонимии, но и ко всем случаям языковой игры с элементом двусмысленности. Кроме того, данная точка зрения подтверждает наш вывод о том, что контекст в подавляющем случае является необходимым условием для корректного понимания ЯИ в кинодискурсе [8, с. 383].

Среди случаев языковой игры, используемой в кинематографическом дискурсе, нами выделены следующие приёмы, в той или иной степени основанные на двусмысленности: буквализация значения высказывания, двойная актуализация значения высказывания, полисемия, омонимия. Следует отметить, что это неполный список встретившихся нам приёмов ЯИ, однако именно эти являются наиболее частотными в изучаемом материале. Приведём конкретные примеры из собранного нами материала.

Полисемия

FRANCES: You promised the doctor not [to drink] until after dark.

THOMAS: Oh, it's pretty dark, Frances.

(“Peaky Blinders” – телесериал, s05e03)

Приведённый пример из британского сериала «Острые козырьки» подтверждает наш тезис о том, что контекст играет ключевую роль для понимания ЯИ в кинодискурсе. В данном диалоге речь идёт о главном герое сериала, Томасе Шелби, жизнь которого никак не назовёшь безмятежной: он не может оправиться после смерти жены, теряет авторитет, его смерти желают сразу несколько группировок, как преступных, так и политических. Поэтому в диалоге с заботящейся о его здоровье прислугой, которая использует полисемант *dark*¹ в прямом значении “time with little or no light”, Томас использует ту же лексическую единицу в другом, метафорическом, значении: *dark*² – “relating to grim or depressing circumstances”. Тем самым с уверенностью можно утверждать, что намеренная двусмысленность, создающаяся при использовании полисемии, служит для раскрытия образа персонажа, а также для передачи эмоционального состояния главного героя.

Двойная актуализация значения высказывания

OSWALD MOSLEY [after Thomas had ordered Irish whiskey]: And you prefer Irish to Scotch.

(“Peaky Blinders” – телесериал, s05e04)

Для полного понимания данного примера необходим более широкий контекст высказывания. Герой сериала Томми – член Палаты лордов Великобритании конца 1930-х годов, имеющий шотландские корни, и в беседе с любым членом политического сообщества Великобритании разговор рано или поздно заходит о политике, зачастую имплицитно. Так случилось и в рассматриваемом примере, где собеседником Томаса стал Освальд Мосли, политик, придерживающийся радикальных фашистских взглядов и находящийся в поисках соратников для создания фашистской партии Великобритании. Поэтому его, казалось бы, безобидная реплика о «шотландском» и «ирландском», произнесённая после заказа виски в ресторане, имеет второй план содержания – Мосли пытается получить информацию о политических взглядах героя. Тем самым, двусмысленность в данном случае служит для передачи состояния эмоциональной и интеллектуальной борьбы между героями.

Буквализация значения высказывания

OSWALD MOSLEY: Where do you stand on the Irish question, Mr. Shelby?

THOMAS: Never been asked it.

(“Peaky Blinders” – телесериал, s05e05)

В приведённом примере представлен следующий разговор описанных ранее героев, Томаса Шелби и националиста Мосли. Томас понимает, что вступление в фашистскую партию противоречит его убеждениям, но он хорошо чувствует настроения общества и сознаёт, что отказывать столь сильному потенциальному врагу опасно. Поэтому он ведёт свою игру из недомолвок и полуправды, всячески избегая прямого выражения своих истинных интересов. В этом ему помогает буквализация вопроса собеседника, когда он отвечает, что ему «никогда не задавали» ирландский вопрос, хотя оба понимают, что Мосли имел в виду политическую ситуацию внутри страны. Говоря, что ему не задавали этого вопроса, Шелби мастерски уходит от ответа, не давая сопернику взять верх в непрекращающейся интеллектуальной битве. Языковая игра, затрагивающая два плана содержания в данном случае, служит для раскрытия образа героя и для передачи атмосферы напряжённого поединка умов.

Омонимия

*BEN YOUNGER: Thought you said it was about **business**.*

*THOMAS: Yes, **family business** and **government business**, all in one envelope.*

(“Peaky Blinders” – телесериал, s05e05)

Данный обмен репликами состоялся между Томасом и женихом его сестры, офицером Беном Янгером, который должен был оказать некую услугу Шелби. Томас припугнул парня, что в случае его провала он может не рассчитывать на дальнейшие отношения с его сестрой. Недовольный юноша восклицает, что ожидал разговора о *business*¹ – “a commercial enterprise”. Однако Томас поправляет его, что речь идёт о *family and government business*² – “affair, matter”. Тем самым он возвращает молодому человеку его же слова, но уже с иным значением, тем самым демонстрируя своё господствующее положение в сложившейся ситуации. Приём омонимии создаёт семантическую двусмысленность, служащую для создания образа персонажа.

Таким образом, богатый арсенал средств языковой игры, встречающихся в кинодискурсе, в большинстве своём объединяется намеренным использованием двусмысленности для достижения надъязыкового, эстетического или художественного эффекта. Среди таких средств выделяются как наиболее яркие языковая игра с привлечением полисемии, омонимии, буквализации и двойной актуализации значения высказывания.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Намек как способ косвенной передачи смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 46-50.
2. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. 177 с.
3. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996. 225 с.
5. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
6. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Ширяева Е.Н., Иванова Л.Ю., Сковородникова А.П. М.: Флинта, 2007. 840 с.
7. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / отв. ред. Р.Г. Пиотровский; вступ. Ст. Н.Л. Еремия. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
8. Нухов С.Ж., Войцех К.Д. Особенности языковой игры в кинематографическом дискурсе // Вестник Башкирского университета, 2020. Т. 25. № 2. С. 382-389.
9. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

10.02.19

А.В. Гуркова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, avgurkova@yandex.ru

ВРЕМЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В данной статье представлены основные этапы развития категории времени в философии и лингвистике. Произведен обзор этапов формирования представления философами и учёными о времени в период античности, средневековья, Возрождения, XIX-XX веков, а также современности.

Ключевые слова: *категория времени, объективное время, субъективное время, темпоральность.*

Данная статья посвящена особенностям развития одной из основополагающих категорий философии и науки – времени. Проблема изучения категории времени занимала многих философов и учёных на протяжении нескольких тысячелетий существования человечества, поскольку время было и остаётся непостижимой формой бытия. Время получило детальное исследование с точки зрения разных аспектов. Лингвисты и литературоведы так же проявляли особый интерес к изучению и познанию категории времени в последние десятилетия. Категория времени представляет собой обязательную составляющую как человеческой жизни, так и истории человечества в целом. Многие философы утверждали, что материя может существовать только в движении, которое является сущностью времени. Таким образом, время является неотъемлемой частью мироздания.

Представления первобытным и современным обществом о базовых категориях бытия существенно разнятся. Прежде всего, время представляет собой его отождествление с природными явлениями. Так же время наделяли мистическими характеристиками, благодаря чему оно было не линейным, а скорее, цикличным. В период античности проблемой исследования времени занимались такие философы, как Платон, Аристотель и Плотин. Античные деятели считали, что космос неразрывно связан с временем. Это объясняется тем, что время отождествлялось с движением небосвода [1, с. 6], и являлось подвижным образом. Таким образом, можно утверждать, что в период античной науки преобладал космоцентризм. Платон выделял три сущности времени: существующее вечно, существующее всегда и существующее временно. Аристотель утверждал, что время представляет собой движение. Мере времени Аристотель, как и Платон, связывал с движением небесных тел, и определял его величину как «число движений по отношению к предыдущему и последующему». [1, с. 6]

Аристотель описывает систематическую разработку времени, чем меняет представление о его цикличности. Существование настоящего подвергалось глубокому анализу, так как очевидно было существование прошлого, и более того, его можно было измерить, в то время как для настоящего не существовало меры исчисления, что затрудняло его определение. Плотин считал необходимым определить время через вечность, так как она имела характеристики неизменности и неподвижности. Так же он полагал, что категория времени была связана с существованием мировой души, что могло определять связь времени с космосом.

В средневековой науке времени не было уделено достаточное внимание. В то же время античное представление о данной категории не удовлетворяло требованиям средневековой науки, так как в период раннего средневековья время остаётся в подчинении идеи вечности.

Влияние христианства на развитие категории времени было велико, поэтому вечность оставалась атемпоральной, вследствие чего категория времени становится неразделимой с христианской доктриной. Однако, из фундаментальных свойств времени философы выделяли атемпоральность несамобытного мира. Данная категория представляется в качестве внутреннего опыта, который человек приобретает на протяжении своего существования. Человек становится не властен над временем и интерес к его движению падает. Причиной этому является убеждение в том, что Бог – единственный, кто владеет временем. Таким образом, концепция времени становится линейной. Однако прослеживается разнообразие восприятия времени в период средневековья. В исследованиях деятелей того времени мы можем найти такие категории, как время аграрное, родовое, библейское, историческое. [8, с. 32] Средневековое представление времени меняется с появлением такого понятия, как субъективное время человека, которое превращается в «путь к смерти». [3, с. 46]

Августин, отождествлял время с жизнью души и движением. Под временем он понимал время прошлое, будущее и то, что не имеет длительности – мгновение настоящего. Более того, Августин разделял время божественное и земное, тем самым он отвергал циклизм. Под вечностью Августин подразумевал Бога, который способен творить все времена. Фома Аквинский полагал, что настоящее являлось переходом от прошлого к будущему, тем самым он выделял вневременное бытие. Фундаментальные понятия, которые были им выделены, это время, бесконечная длительность и вечность. Так же особое внимание уделялось «моменту», последовательность которых составляло само время.

Существенная трансформация времени начинается в эпоху Возрождения. Это связано прежде всего с появлением нового подхода к изучению и восприятию данной категории, а именно наблюдением. Время превращается в сложный механизм, который подлежит детальному исследованию. Такие учёные, как Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Джон Локк, Дэвид Юм, Джордж Беркли, Ньютон, Готфрид Вильгельм Лейбниц и Иммануил Кант, внесли огромный вклад в изучение категории времени в период Ренессанса.

Рене Декарт был последователем аристотелевской теории, поэтому он разграничил время на абсолютное и относительное. Философ определял длительность времени через число движений. Ньютон же говорил о том, что абсолютное время не может зависеть от внешнего мира, так как оно является математическим и протекает равномерно. Более того, Ньютон представлял время в качестве некой субстанции, которая существовала сама по себе. Как для Ньютона, так и для других философов эпохи Возрождения, было важным разграничить длительность как объективную основу времени и время как относительное понятие. [1, с. 115]

Теория относительности оказала большое влияние на развитие категории времени в начале XX века. Новый подход Эйнштейна показал, что при отказе от толкования времени как отвлечённой сущности, оно становится относительным. А абсолютное время становится ненаблюдаемо.

Категория времени лежит в основе не только научной картины мира, но и языковой. Развитием данной категории в лингвистике занимались такие исследователи, как А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.А. Богородицкий, Р. Якобсон, В.В. Виноградов и другие.

Многогранность и сложность времени как категории повлекло за собой исследования в различных отраслях науки. Говоря о воплощении времени в гуманитарных науках, в частности в языкознании, стоит отметить, что оно является языковой проекцией комплекса существующих знаний человечества об этом явлении. Более того, его можно описать как отношение между языком, действительностью и действий индивидуума. Таким образом время связано не только с очевидными физическими изменениями природы, но и с изменением человеческого состояния, что придаёт данной категории противоречивый характер. С точки зрения языковой картины мира категория времени проявляется как на грамматическом уровне, так и на лексическом. Более того, имеет отражение в синтаксических конструкциях, а также в лексических единицах, обладающих темпоральным

значением. Необратимость речевого потока так же является способом выражения времени. Исследователи в области грамматики ввели понятие темпоральности, которое отражает одну из важнейших характеристик времени в языковой картине мира.

Проблемой исследования категории времени в области лингвистики занимались такие современные учёные, как П.П.Гайденко, Е.И.Головаха, А.А.Кроник, В.И.Молчанов, Дж. Уитроу, Р.Я.Штейнман и другие. Основываясь на их трудах, были выделены два направления в изучении времени, которые определили его субъективность и объективность, абсолютность и относительность.

Долгое изучение времени точными науками вызвало появление таких наук, как хронобиология, хрономедицина, хроноэкология, хронемика, семиотика времени и другие. Время остаётся протеворичивой категорией, способной совместить как объективные, так и субъективные характеристики. Исследование категории времени не утрачивает своей актуальности на протяжении всего существования человечества. На данный момент не существует единой концепции представления времени, поэтому данный вопрос остаётся открытым для исследования учёными разных наук. Лингвистическое время представляет собой сложную и многомерную категорию, которая включает в себя различные представления времени. Разноаспектные исследования времени имеют единую цель – постичь данную категорию в полной мере, что порождает применение комплексного подхода к его изучению. Восприятие времени современными учёными включает в себя все существующие в различных науках представления, которые основаны на теоретических трудах и экспериментальных исследованиях. Однако исследование данной категории остается актуальной, так как она остаётся до конца не постижимой.

Список литературы

1. *Гайденко П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс- Традиция, 2006. – 464с.
2. *Гак В.Г.* Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 122–130.
3. *Гуревич А.Я.* // Избр. труды. Т. 2. Средневековый мир. М.-СПб.: Университетская книга, 1999. 352 с.
4. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. Ч. I. М.: Искусство, 1972. 318 с.
5. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
6. *Потаенко Н.А.* Языковая темпоральность: содержательные аспекты. Пятигорск: ПГЛУ, 2007.
7. *Тарасова Е.В.* Время и темпоральность. Харьков: Основа, 1992а.
8. *Чернухина М.А.* Категория пространства и времени в истории и философии культуры. Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. – 32-36 с.

10.02.19

Н.В. Зененко, Л.П. Сон

Военный университет министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра романских языков
Москва, zenenko@mail.ru, luciason@mail.ru

ИНТЕРАКЦИЯ С ИНТЕРАКТИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ: АКТИВАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Научно-технический прогресс, компьютерные устройства и системы, Всемирная информационная сеть порождают новые эволюционирующие средства и формы общения между людьми. Подконтрольным взаимодействием индивида с мультимедийными средствами становится интеракция с интерактивными материалами. Импульсом активации когнитивных возможностей человека становятся мультимедийные средства. Результат подобного взаимодействия формирует ответную реакцию человека, что приводит к существенным изменениям в системе языка.

Ключевые слова: *интеракция, интерактивные материалы, мультимедийные средства, когнитивные возможности человека.*

В современном информационном обществе, когда использование мультимедийных средств, большинство из которых являются интерактивными, приобретает массовый характер, становится актуальной проблема исследования интеракции с интерактивными материалами.

Под интерактивным материалом мы понимаем мультимедийный продукт, обладающий нелинейной структурой, функцией внутреннего (со стороны программы) и внешнего (со стороны пользователя) контроля, способностью устанавливать диалог между индивидом и компьютером посредством стимулов, заложенных в программе компьютера и отправляемых пользователю с целью получения ответа субъекта, на которое программа компьютера реагирует путем представления новой перцептивной ситуации.

С одной стороны, для того чтобы состоялся *диалог* между индивидом и компьютером (программой) необходимо, чтобы символический код, используемый программой, был понятен пользователю. С другой стороны, для того чтобы *диалог* между компьютером и субъектом стал *непрерывным* и послужил формированию поля когнитивной деятельности индивида, важно, чтобы символический код программы учитывал уже прошлые знания пользователя.

Испанский ученый М.Е. Мингель в статье, посвященной проблемам интеракции с современными мультимедийными средствами, опираясь на положение российского ученого Л.С. Выготского, рассуждает о том, что индивиды, для того чтобы находиться в состоянии внутренней гармонии со своим «Я», вырабатывают свои собственные формы интерпретации и стратегии относительно типа интеракции с различными средствами передачи информации и системами внешних знаков (коммуникационными кодами, которые соотносят внешние знаки с определенными означаемыми) [6, с. 92-97].

Таким образом, в случае, когда в мультимедийных продуктах используются новые символические коды (новые элементы со значением: иконические образы, гипертексты, ссылки и т.д.) и новые синтаксические структуры, пользователь, для того чтобы правильно истолковать сообщение, вынужден будет прибегнуть к иным ранее не применяемым им стратегиям. Это, безусловно, становится импульсом изменения когнитивных способностей человека и, следовательно, способствует его развитию и совершенствованию.

Пытаясь понять, каким образом пользователю удастся ориентироваться в столь огромном потоке информации современного социума и почему дети так быстро приспосабливаются ко всем новым веяниям мира цифровых технологий, представляется интересным провести аналогию между тем, как представлены различные данные в интерактивных программах, например их синтаксическая структура, и тем, как эта информация связана с мыслительной деятельностью человека.

Вновь обратимся к исследованию интеракции испанским ученым М.Е. Мингелем, который продолжает свои рассуждения и подчеркивает, что согласно Л.С. Выготскому, человек анализирует информацию, поступающую к нему из внешнего мира, посредством «внутренней речи», за счет свойственных человеку высших мыслительных процессов. Эта «внутренняя речь» имеет форму внутреннего диалога, которому присущ особый синтаксис и который имеет свое название, а именно «аббревиация». Для аббревиации характерно опущение, так называемых, «ненужных» слов. Языку, который используется многими мультимедийными продуктами, также свойственны подобные характеристики, поскольку он (язык) включает в себя только важнейшие структурные элементы, при этом опускаются те элементы, которые в данный момент не являются значимыми [6, с. 92-97].

С похожим явлением мы встречаемся в интернет-коммуникации, например, в чатах, для которых характерен феномен *аббревиации*, подобный тому, который наблюдается при интеракции человека с интерактивными материалами и который релевантен внутреннему диалогу индивида. Например, акронимы, инверсия, эллиптические конструкции, пиктограммы и т.д., что является весьма наглядной манифестацией мыслительных процессов участников интеракции.

Также очень важен аспект избирательности мышления, поскольку человек при запоминании информации, как правило, опирается на самые простые слова и фразы, а также использует образы, иллюстрирующие определенные концепты, и объединяет поступающую к нему информацию в соответствии с критериями значимости этой информации для индивида.

Следует подчеркнуть, что большинство современных мультимедийных материалов организовано в соответствии с вышеназванным принципом, а именно:

- в меню программы обычно предлагается определенный список слов; как правило, это глаголы или пиктограммы, которые можно использовать при реализации определенных функций этой программы;
- поступающая информация ассоциируется программой с определенными иконическими образами;
- большинство данных в программе представлено не посредством текстовых сообщений, а при помощи различного рода схем, фотографий, комментариев; – предлагаемые текстовые сообщения сформированы в соответствии с правилами *аббревиации* информации.

В то же время при таком построении мультимедийной программы возникает новая проблема: с одной стороны, информация легко усваивается пользователем, но, с другой стороны, *аббревиация* может стать причиной неправильного толкования данной информации.

Однако эта проблема нивелируется в том случае, когда не программа, а сам *пользователь* выстраивает свою собственную стратегию и опускает те элементы, которые для него не имеют существенного значения. Вместе с тем пользователь знает и помнит об их существовании, в отличие от автора программы, который предлагает свой продукт уже с заранее исключенными из этого продукта данных, которые он расценил как автор второстепенные, ненужные.

Поэтому очень важно, чтобы в процессе разработки программы вся информация, которая реализуется посредством мультимедиа, подвергалась самому тщательному и всестороннему анализу во избежание возможных ошибок и неверного ее толкования адресатом.

В то же время также необходима соответствующая подготовка пользователя программы, с тем чтобы адресат смог принять, понять и оценить информацию, а также осознать

определенный риск, который присущ современным мультимедиа по причине аббревиации заложенной в них информации.

В этой связи представляется уместным привести точку зрения испанского ученого Х. де Паблоса, который считает, что если сегодня мы сделаем попытку актуализировать и соотнести концепт «язык» эпохи Л.С. Выготского с концептом «язык», который используется современными мультимедийными средствами, а именно *новый аудиовизуальный язык*, мы обнаружим, что с точки зрения семиотики в этом языке происходит направленное движение от межличностного (*interpsicológico*) к внутриличностному (*intrapsicológico*) функционированию. В данном случае, по мнению испанского ученого, по аналогии с тем, как Л.С. Выготский исследует лингвистическую интеракцию, которая устанавливается между взрослым и ребенком, представляется возможным проанализировать интерактивную ситуацию, которая складывается непосредственно между мультимедиа (медиа – ребенок) и пользователем [5, с. 49-23]. Иными словами, интеракция человека с интерактивными материалами релевантна интеракции взрослого человека и ребенка.

Принимая во внимание, что мультимедийный продукт – это своего рода визитная карточка современного общества, явление социокультурного уровня, в этом случае язык мультимедиа, по мнению Де Паблоса, берет на себя роль *семиотического конструктора* внутреннего диалога субъекта; при этом имеет место переход от плана межличностного (*interpsicológico*) отношения между индивидом и мультимедийным средством, созданным в данном социуме для коммуникации, к плану внутриличностному (*intrapsicológico*) субъекта, что непременно повлечет за собой изменения на языковом уровне индивида. Таким образом, языковой код, используемый новыми мультимедийными продуктами, может быть использован и человеком для осуществления своего «внутреннего диалога» [5, с. 49-23].

Далее Х. де Паблос делает очень важный вывод о том, что когда пользователи будут способны усвоить этот новый язык, понять его и применять осознанно, то вполне возможно, что следующим шагом станет употребление данного языка в общении с другими людьми, когда этот язык станет еще одной системой коммуникации [5, с. 49-23].

Еще 2000 году М.Е. Мингель писал о том, что в глобальной сети Интернет уже имеет место подобное общение, при котором его участники придумывают новые формы интеграции различных элементов коммуникации: статичные/подвижные иконические символы, картинки, звуки, ссылки, при которых общение становится нелинейным и весьма привлекательным.

Несмотря на это обстоятельство, самые первые попытки такого общения, по всей вероятности пока не приводят к реализации существенных изменений в контексте использования нового языка в качестве узуального ресурса как внутри одной отдельно взятой страны, так и за ее пределами. Совершенно очевидно, что революция в области информационных технологий, охватившая всех нас и особенно молодое поколение, безусловно, приведет к новому пониманию мира, в котором мы живем. Нужно только немного подождать, и мы сможем понять и оценить все те изменения, которые произойдут в обществе и в языке [6, с. 92-97].

Прошло уже более 20 лет с того момента, как М.Е. Мингель высказал данную мысль. Сегодня мы живем в обществе, где Интернет и общение пользователей посредством глобальной Сети стало нормой; активно применяются новый язык общения между участниками коммуникации, причем практически сформировалась его вербальная и невербальная семиотика. Создаются гипертексты, произведения художественной литературы, лексикографические источники и т.д. Тем не менее, само главное – это то, что появилась новая форма общения индивидов в виртуальном пространстве, новый языковой материал, который стал основой формирования новых форм его организации.

Таким образом, новые средства общения, появившиеся благодаря достижениям научно-технического прогресса, породили новые формы общения между людьми, опосредованные компьютером и Интернетом, которые (формы) эволюционны и находятся в состоянии непрерывного развития и совершенствования.

Интеракция с интерактивными материалами – это, безусловно, нелинейное, подконтрольное взаимодействие, диалог индивида с мультимедийными средствами, когда мультимедийные средства становятся импульсом активации когнитивных возможностей человека, порождающим ответную реакцию индивида, что неизменно приводит к значительным изменениям в системе языка.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. – 606 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь / Изд. 5-е испр. М.: Лабиринт. 1996. – 352 с.
3. *Рыжова Л.П.* Французская прагматика. М.: КомКнига, 2007. – 240 с.
4. *Сидоров Е.В.* Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. – 147 с.
5. *De Pablos, J.* La investigación psicológica sobre los medios de enseñanza: una propuesta alternativa a la teoría de Lev S. Vygotsky. *Curriculum*. 1992. – P. 4, 9-23.
6. *Minguell. M.E.* Interactividad y interacción // *Revista Interuniversitaria de Tecnología Educativa*. n – Oviedo, 2000. – P. 92-97.

10.02.19

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, ayakafedra@ggtu.ru

К ПРОБЛЕМЕ УНИФИКАЦИИ И СТАНДАРТИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ ЛОГИСТИКИ

Статья посвящена конкретизации проблемного поля в рамках стандартизации и унификации терминологической системы логистики как науки. Авторы также рассматривают основной источник пополнения словарного состава терминосистемы логистики – аббревиацию (и ее основные типы). Отмечено, что проблема терминологической неопределенности логистики также создает трудности в кросскультурной коммуникации.

Ключевые слова: *терминосистема, логистика, аббревиация, лексикография, английский язык.*

Ученые, которые изучают логистическую науку с точки зрения ее теоретического и практического аспектов, установили, что с логистикой пересекаются двенадцать разных областей знаний. Этот факт указывает на то, что терминосистема логистики была сформирована по принципу объединения (описанного в свое время В.М. Лейчиком), когда достижения нескольких областей знаний в комплексе приводят к формированию объединенной совокупности терминов. По словам В.М. Лейчика, «анализируя пути образования терминологии определенной области знания, можно увидеть, что эти пути совпадают с путями создания совокупностей лексических единиц, присущими данному естественному языку в целом» [6, с. 96].

По мнению некоторых специалистов, терминологический аппарат логистики все еще до конца не сформирован. На наш взгляд, формирование русскоязычной терминологии логистики является актуальной задачей для теории и практики современной лингвистики. Терминология логистики в настоящее время приобретает статус самостоятельной сферы знаний. Сама наука логистика первоначально входила в структуру менеджмента, однако в начале 50-х гг. XX в. стала выделяться как особая сфера деятельности [3, с. 63].

В современном значении логистика отвечает за обеспечение получения сырья, материалов, продуктов, товаров и услуг. Поскольку логистика является развивающейся областью менеджмента, то ее терминология нуждается в научном осмыслении. Ядро терминосистемы логистики включает термины, отражающие специфику логистики по отношению к другим сферам знаний. Эти лексические единицы можно по праву называть «терминами», т.к. они обозначают специальные понятия, которые принадлежат к специальной области знаний, и характеризуются следующими специфическими чертами:

- дефинированностью;
- контекстуальной независимостью;
- устойчивостью;
- воспроизводимостью в речи;
- однозначностью [4, с. 5].

Терминосистему логистики в английском языке можно считать практически полностью сформированной несмотря на то, что большинство терминов пришли из других областей знания, таких как менеджмент и маркетинг. Кроме того, она включает такие функциональные области бизнеса, как: снабжение, производство, сбыт, распределение услуг и др. Данное разнообразие источников заимствования терминов в логистике объясняется ее происхождением (о чем было сказано выше).

С точки зрения словообразовательных моделей, большинство современных терминов логистики являются сложными двухкомпонентными терминами, которые состоят из двух именных основ при раздельном их написании.

Термины логистики характеризуются безаффиксальным способом образования, где практически отсутствуют основосложение и компрессия, но распространены и продуктивны такие способы словообразования, как конверсия и аббревиация. Встречается аббревиация нескольких типов: сложение названий начальных букв в производящих словах (TOT – time of transmission); аббревиатуры, образованные усечением основы одного или нескольких компонентов (DIM – dimensions, CNEE – consignee, firavv – first available vessel), а также омоакронимы (например, HERMES – Handling European Railway Message Exchange-System, LASH – lighter aboard ship, LSD – landing, storage and delivery charges, S.P.A. – subject to particular average) [1]. Сфера использования последних довольно широка. Особенно часто прибегают к омоакронимии при создании специальных терминов в различных областях знаний (сфера логистики подтверждает данный постулат) [2, с. 91].

Таким образом, можно сделать вывод, что логистика – это новая область знания, обладающая собственной терминологией, которая представляет собой самостоятельную систему языковых номинаций.

Европейская логистическая ассоциация (European Logistics Association – ELA) (Швейцария) ведет работу по стандартизации терминологии логистики для всех европейских языков. Основные результаты этой деятельности нашли отражение в словаре терминов логистики. Данные словаря постоянно обновляются и дополняются новыми единицами, также идет работа по уточнению и корректировке уже существующих дефиниций [4, с. 3].

Целью создания словаря терминов логистики ELA служит облегчение обмена основной логистической информацией и накопленным опытом между членами ELA. По мнению авторов данного словаря, успешной коммуникации между логистами могут препятствовать следующие факторы:

- наличие в терминологии логистики большого количества терминов из разных областей знаний;
- отсутствие некоторых логистических терминов в разных языках (по сравнению с другими языками, например английским);
- неточное понимание широко распространенных концептов терминов логистики в некоторых странах Европы [5].

Похожая работа ведется многими организациями разных статусов во всем мире. Наиболее полные результаты стандартизации терминологии логистики представлены в сети Интернет, где размещено подавляющее большинство словарей и глоссариев терминов логистики. Более широко в англоязычных электронных ресурсах представлены американские компании, которые специализируются на логистике или косвенно с ней связаны.

Несмотря на это, отмечаем, что лексикографическая работа более планомерно и масштабно ведется именно в Европе (а не в США). Европейская логистическая ассоциация заявляет о всесторонней работе по стандартизации состава терминологии логистики и целенаправленно ведет ее в рамках специально созданного комитета стандартизации.

Из-за проблем коммуникации логистов в европейских странах было принято решение провести отбор унифицированных международных терминов, определить значение и сформулировать их четкие дефиниции для того, чтобы избежать недопонимания между странами-участниками и способствовать эффективному международному сотрудничеству в сфере экономики и бизнеса [5]. В США такой проблемы не существует, поскольку для всех специалистов в области логистики английский язык является родным и, соответственно, лексикографическая составляющая терминологии логистики не представляет столь серьезной научной проблемы.

Для всех англоязычных глоссариев и словарей логистики типичны проблемы современной лексикографии в целом: вариативность, синонимия и омонимия. Лучшим решением указанных проблемных точек является выбор и регистрация в словарях и глоссариях лишь одного варианта термина.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что единственным словарем, который на сегодняшний день можно рассматривать в качестве официально признанного и действующего для специалистов-логистов, является только словарь ELA.

В нем можно выделить девять терминологических полей:

- информационное обеспечение логистики (Information Technologies);
- логистическая поддержка производства (Logistics of Production);
- складирование и грузопереработка (Warehousing and Material Handling);
- транспортировка (Transportation);
- управление заказами (Order Management);
- управление закупками (Purchasing Management);
- управление запасами (Inventory Management);
- управление логистическими системами (Logistical Systems Management);
- управление цепями поставок (Supply Chain Management) [4, с. 6].

В состав этих терминологических полей входят, как правило, термины, которые были заимствованы из других областей знаний (что типично для науки логистики в целом).

Исходя из рассмотренного выше, отметим, что проблема отсутствия единого стандарта для терминологии логистики порождает определенные расхождения в точном объеме выражаемых понятий, которые должны быть отражены в терминологических словарях. С одной стороны, научный прогресс, информационная открытость и развитие межкультурной коммуникации способствуют появлению новых языковых обозначений внелингвистических понятий, а с другой стороны, – терминологическая разобщенность обостряет проблемы эффективности в сфере бизнеса и международного сотрудничества.

Список литературы

1. Аббревиатуры терминов в логистике [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tritons.pro/terms> (дата обращения: 10.04.2021).
2. Кириллова А.В., Меренкова Д.Е., Шурупова М.В. Явление омоакронимии в современном английском языке // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2017. – №11. – С. 90–92.
3. Корсаков А.А. Основы логистики: Учебное пособие. – М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2005. – 69 с.
4. Купцова А.К. Проблемы формирования терминологий новых наук: на примере логистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 17 с.
5. Купцова А.К., Стерлигова А.Н. Анализ процесса стандартизации терминологии логистики за рубежом, 2005 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docplayer.ru/25967354-Analiz-processa-standartizacii-terminologii-logistiki-za-rubezhom.html> (дата обращения: 05.04.2021).
6. Лейчик В.М. Люди и слова. Люди и слова / В.М. Лейчик. – М.: Наука, 1982. – 177 с.

*10.02.19***Е.Ф. Киров**

Московский городской педагогический университет,
Институт гуманитарных наук,
кафедра русского языка,
Москва, evg-kirov@yandex.ru

ДИСКУРС И ТЕКСТ

Референтной стороной дискурса и текста является цепь событий в реальном или виртуальном мире. Текст является означающим дискурса, дискурс - означаемым текста. Дискурс протекает в реальном времени, текст имеет собственное виртуальное время. Устный дискурс может совпадать с текстом и храниться как в памяти (в древнее время), так и на материальном носителе (в письменное и цифровое время). Текст является знаком дискурса.

Ключевые слова: *текст; дискурс; цепь событий; перформативность, текстовое время.*

Цепь реальных событий, отраженная в текстах и дискурсах, как правило, не является предметом или объектом изучения в лингвистике, тем не менее, без ее учета нельзя построить адекватное описание функционирования языка. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс следующим образом: «Д. – это речь, «погруженная в жизнь» (ЛЭС). Мы принимаем такое определение, но предпочли бы слово "текст" вместо слова "речь". Подчеркнем, что это "этическое" определение и дискурс не получил еще в лингвистике эмического определения, хотя в "Казанской лингвистике" в 2018 году была опубликована краткая статья о **дискурсе**, в которой дискурсема характеризуется как коммуникативную модель тематически типового и жанрово оформленного дискурса (в том числе и художественного), например коммуникативную **модель** заявления, речи на дне рождения ...наконец, рассказа, повести или романа и т.д.

Не подлежит сомнению, что текст и дискурс очень тесно связаны друг с другом. Говоря просто, текст - это означающее дискурса, который в свою очередь оказывается означаемым текста, при этом они находятся в семиотическом соотношении [Киров, 2019]. Однако дискурс информативно шире текста, т.к. предполагает большое количество пресуппозиций, т.е. фоновых базовых представлений о мире, находящихся в сознании адресанта и адресата, необходимых для понимания дискурса.

Онтологическая разница между текстом и дискурсом в том, что дискурс протекает в реальном времени, т.е. связан со стрелой времени (это красивая философская метафора, являющаяся в то же самое время и термином). Текст существует в потенциальном текстовом времени как материал, готовый воплотиться в дискурс, если этот текст будет прочтен про себя или озвучен вслух автором.

Дискурс может иметь подготовленную письменно-текстовую основу (конспект, план, текст художественного произведения на полке, научный доклад, статья в письменной форме и т.д.) – или быть спонтанным как разговор на бытовые темы. В виде спонтанного разговора мы имеем дело с **устным дискурсом**, который формально совпадает с текстом, равен ему в момент зарождения и произнесения, при этом текст как означающее устного спонтанного дискурса не сохраняется и исчезает после произнесения (если не записывается на специальную аппаратуру или стенографируется).

Итак, если заранее подготовить некий связный речевой континуум, который будет отличаться завершенностью, логичностью, когезией и когерентностью, то мы получим текст, который является потенциальным дискурсом. При реальном чтении про себя или озвучивании вслух этот текст превращается **на время чтения** в дискурс. Из этого можно

сделать вывод, что любой текст, включая художественный, – это потенциальный дискурс и ни что иное. Таким образом, любой текст становится дискурсом в момент его произнесения или восприятия (чтения про себя) в реальном времени.

Художественный текст может на долгое время "затаиться" и существовать в записанной (или оцифрованной) форме, но как только его обнаружит некто и начнет читать, то на этот период чтения художественный текст также превратится в дискурс, а после окончания вновь затаится в полной готовности снова стать дискурсом, т.е. будет ждать, когда его обнаружит и прочтет некий новый читатель.

Устный художественный текст (фольклор) как означающее художественного дискурса представляет в этом плане специфику – это текстодискурс, т.е. мнемонически существующий текст в памяти в виде загадки, песни, басни, сказки и т.д. Образ такого дискурса как текстообраз существует в памяти рассказчика, и этот текстообраз является означающим фольклорного дискурса. Но возможно и прочтение про себя реального фольклорного записанного текста (например, сборника «Онежских былин», изданных Гильфердингом, или сказок Пушкина) в новое письменное время. Таким образом, если фольклорный текст зафиксировать, он превращается в обычный книжный текст, а если не записать буквами, на пленку или "в цифре", он перемещается в виде мнемонического текстообраза в память народа (иногда запоминается и хранится в памяти народа "слово в слово", т.е. целиком в виде фольклорных произведений, а также религиозных мифов, семейных былин и т.д., которые также являются потенциальными дискурсами, превратятся в дискурс, если их "озвучить", т.е. рассказать кому-либо (но только на момент рассказа в режиме реального времени).

Важнейшей характеристикой дискурса является его принципиальная перформативность как воплощенность в реальном времени. В целом трудно переоценить открытие перформативности Дж. Остином, поскольку реальное место этого явления в реальной коммуникации сильно преуменьшено (часто упоминают только перформативные глаголы). Следует расширить понятие перформативности, усматривая ее в любом без исключения высказывании дискурса, что уже сделано в первом приближении современной лингвистикой. Так, например, когда произносится какое-либо ассертивное высказывание, например: «Сегодня на улице хорошая погода», то над ним как бы всегда витает нулевое имплицитное перформативное высказывание «Я утверждаю, что Р», при этом Р – это и есть пропозиция "Сегодня на улице хорошая погода". Само перформативное высказывание «Я утверждаю, что...» или подобное в каждом из таких случаев в изъявительном наклонении как бы вынесено за скобки, но это не значит, что его нет – оно существует в коммуникации и структуре высказывания в нулевой форме. Например, ремарка «Маша сказала Жене с негодованием: что... Р...», является перформативной по своей сути, и в реальном дискурсе она будет скорее опущена, но будет подразумеваться, т.е. приобретет нулевую форму (трудно представить себе ситуацию, когда Маша обращается к Жене: * *Женя, я говорю тебе с негодованием: «Как ты смеешь!»*)* с озвученной нулевой перформативной частью).

Вполне понятно, что при таком расширенном рассмотрении перформативности возникают терминологические трудности. Все-таки Дж. Остин ввел это понятие для речевых поступков как таковых, оформленных в изъявительном наклонении. Представляется, что выход таков: следует либо расширить семантику термина перформативность, либо предложить новый, и мы склоняемся к первому варианту.

В тексте мы можем обнаружить внутритекстовое время и, прежде всего, такую его разновидность, как таксис, впервые описанный Р. Якобсоном. Подчеркнем, что текст имеет собственное время, которое не совпадает с реально текущим событийным временем (со стрелой времени), что и обуславливает принципиальное отличие дискурса от текста. Таким образом, время в дискурсе и тексте принципиально различны, потому что в тексте время обратимо, может течь и вспять, что невозможно в реальном бытии (пока не доказано обратное). Г.А. Золотова разработала и ввела в науку типологию регистров внутритекстового времени [2]. В этом связи будет уместным напомнить о разделении времени онтологического

и физического, проведенного А. Бергсоном. Весьма позитивной является также концепция субъективно-психологического времени, разработанная С.А. Аскольдовым, в которой понятие и слово «время» синонимично понятию изменения порядка вещей [1].

Следует рассмотреть составные элементы дискурса. Итак, **высказывание** в дискурсе представляет собой не что иное, как речевой акт как элементарную единицу коммуникации (элементарную коммуникатему). В свою очередь, референтом речевого акта и его высказывания можно признать перлокутивный эффект в цепи реальных событий, например, изменение сознания слушающего в результате знакомства с новой информацией, поступившей в речевом акте из высказывания, знаком которого, в свою очередь, выступило предложение. Языковая сторона здесь - это означающее РА и его высказывания. Вполне понятно, что означающим РА и его высказывания является предложение текста (устное или письменное). В этой связи в качестве основы для описания дискурса следует принять типологию речевых актов, разработанную Дж. Серлем, Дж. Остиным и Дж. Россом и адаптированную для русского языка акад. Н.Д. Арутюновой в серии широко известных работ.

Что касается референта высказывания, то им следует признать некое изменение реального положения дел в мире – реальном или виртуальном (включая потенциальный мир, согласно философии Яако Хинтикки). Мир художественного произведения является типичным виртуальным миром, нередко фантастическим, сказочным или утопическим, но воспринимаемым наравне с реальным.

Итак, мы приходим к принципиальному утверждению, что дискурс связан с реальным временем, дискурс – это и есть лингвистически обеспеченная и опосредованная жизнь человека и языкового сообщества, т.е. жизнь, протекающая не без помощи языковой коммуникации. Текст можно определить как потенциальный дискурс (спящий, дремлющий дискурс). При этом совершенно очевидно, что текст и дискурс тесно связаны друг с другом: текст является знаком дискурса, понятого каждым адресатом в соответствии с его индивидуальным корпусом пресуппозиций (фоновых знаний о мире).

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово//Русская словесность. Антология (под ред. В.П. Нерознака). М.,1997. – С.267-279.
2. Золотова Г.А. Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН,1998. – 528 с.
3. Киров Е.Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 15–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2S> science Journal of VolSU. Linguistics. 2018. Vol. 17. No. 2 (WOS)
4. Остин Дж.Л. Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М.: Прогресс,1986. — С. 22-130.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Светская энциклопедия, 1990.- 682 с.

10.02.19

**О.Л. Крамаренко канд. филол. наук, О.Ю. Богданова канд. филол. наук,
Ю.В. Мошкина канд. педагог. наук, Н.О. Орлова канд. филол. наук**

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны,
кафедра иностранных языков
Ярославль, petruper@mail.ru, dictema@mail.ru, julia73dom@yandex.ru,
tashaorlova25@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИКРОСТРУКТУРЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматривается проблема формирования словника терминологического словаря с учетом принципов учебной лексикографии. Актуальность данной работы заключается в необходимости создания терминологических словарей, отвечающих современным требованиям, для эффективного использования в учебном процессе военного вуза. Выявляется круг проблем, возникающих при создании терминологического словаря в высших учебных заведениях Министерства обороны. Делается вывод о том, что учет принципов учебной лексикографии позволяет осуществить комплексный подход к формированию микроструктуры терминологического словаря.

Ключевые слова и фразы: *высшие учебные заведения Министерства обороны, терминологический словарь, учебная лексикография, словник, лексический минимум, носители языка, иностранцы.*

В современных условиях все большую актуальность приобретает необходимость овладения иностранным языком военными специалистами, обусловленная расширением международных контактов в сфере военного сотрудничества. В соответствии с требованиями Министерства обороны РФ выпускник военного вуза должен обладать способностью к письменной и устной деловой коммуникации, к чтению текстов по профессиональной тематике на иностранном языке, к изучению и использованию специальной литературы и другой научно-технической информации. Таким образом, в процессе обучения военнослужащих по дисциплине «Иностранный язык» невозможно полноценное освоение учебного материала без овладения военно-специальной терминологией. Необходимость переводных терминологических словарей становится чрезвычайно острой, поскольку для каждого военного вуза характерна своя специфика лексического минимума терминологии в зависимости от специальностей, по которым обучаются курсанты. К сожалению, разнообразие военных специализированных словарей невелико и многие из них можно считать уже устаревшими в связи с тем, что военное дело и военная техника совершенствуются стремительно в условиях современной политической обстановки в мире. Спрос на подобные издания небольшой, соответственно, профессорско-преподавательским составом военных вузов должна проводиться самостоятельная работа по обновлению и усовершенствованию переводных учебных словарей. В процессе работы над словарем у разработчиков возникает множество вопросов.

Опыт по созданию учебного двуязычного терминологического словаря в условиях военного вуза в ВА ВКО показывает, что авторы столкнулись со множеством проблем, прежде всего с трудностью формирования авторского коллектива из-за отсутствия профессиональных лексикографов и специалистов-переводчиков высокой квалификации, а также недостаточным количеством научной литературы по частным вопросам создания словарей [4]. В процессе работы непрофессиональному составителю неочевидны ответы на вопросы, связанные с объемом словника, критериями включения в него термина, максимальной протяженностью терминологических сочетаний, необходимостью включения в словарь терминов из смежных областей знания и другие [4].

По мнению авторов настоящего исследования, снять трудности при создании терминологического словаря для обучающихся в военном вузе поможет обращение к опыту, накопленному в настоящее время учебной лексикографией. Под учебной лексикографией принято понимать комплексную лингвометодическую дисциплину, в содержание которой входят теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях [3]. Соответственно, основным разделом данной дисциплины является теория и практика составления учебных словарей, что, безусловно, является чрезвычайно актуальной проблемой в процессе преподавания иностранных языков, особенно в неязыковых вузах. В отличие от общей лексикографии, учебная лексикография выдвигает на первый план новые проблемы, а именно:

- определение лексического минимума (вопрос компрессии и минимизации словарного состава языка);
- создание словарей активного типа;
- создание терминологических словарей-минимумов.

Существует два типа учебных словарей: учебные словари, ориентированные на язык, и учебные словари, ориентированные на того, кто будет ими пользоваться. Последние, в свою очередь, могут быть подразделены на следующие группы: словари *для иностранцев* и словари *для носителей языка*. Среди основных различий между данными группами словарей выступает *подход к отбору лексических единиц* в словник и их *микроструктура*. Словари для иностранных обучающихся приводят преимущественно частотную лексику, что отличает их от словарей для студентов-носителей языка, в которых представлены преимущественно малоупотребительные слова и их языковые характеристики, вызывающие наибольшую сложность у обучающихся. Особую ценность имеет информация с типичным контекстом употребления лексических единиц и включенная в словник наиболее полно. Однако при слишком большом количестве словосочетаний возможно усложнение структуры словарной статьи.

Несомненно, огромное влияние на развитие учебной лексикографии оказывает теория преподавания иностранных языков, поскольку помимо лексикографических проблем должны учитываться и многие методические факторы. Среди данных факторов особое значение, по мнению авторов настоящего исследования, имеют этап обучения, вид речевой деятельности и общий культурный уровень обучаемых. По мнению П.Н. Денисова учебный словарь представляет собой вид справочника, содержащего упорядоченный перечень слов, представляющего всю информацию о слове – ядре лексической системы языка, отвечающего методическим требованиям и оформленного в виде небольшого по формату печатного издания [2, с. 56].

Для учебных словарей характерен специфический подход к отбору языкового материала в их словник. Среди основных критериев учебно-методической целесообразности состава словника учебного справочника можно выделить следующие:

- минимально достаточный характер (находят отражение существенные категории и пропорции языка, учитывающие частотность слов, грамматические формы и конструкции, существенные сочетания слов);
- покрываемость словарем основных тем и речевых ситуаций;
- соответствие избранному профилю и др.

Первоочередное значение среди отличительных черт учебных словарей имеет концентрация на лексическом ядре языка и нейтральной лексике. Особое внимание при составлении учебных справочников следует уделять грамматическим и морфологическим особенностям, а также указаниям на стилистические особенности употребления слова. При описании слов должен учитываться ограниченный вокабуляр с указанием на особенности коллокации слова. Отличительной особенностью учебного словаря является большое количество иллюстрирующих примеров, а также использование международной фонетической транскрипции.

При отборе лексических единиц для учебного словника учитываются цели и задачи обучения, адресат словаря, объём и комплектность справочника, функциональная разновидность описываемого в словаре языка [5, с. 14]. К тому же, отражая современное состояние языка, учебный словарь должен содержать слова, имеющие употребление в синхронной среде языка, а также слова преимущественно нейтральные, лишённые экспрессивной окраски. Данное требование обусловлено предназначением словника обучению языку с последующим использованием приобретенных навыков и знаний обучающимися в их профессиональной деятельности. При составлении лексического минимума учебного словаря необходимо принимать во внимание следующие факторы:

- слова должны быть наиболее употребительные;
- понимание слов не должно вызывать трудностей;
- единицы лексического минимума не должны относиться к разряду устаревших и не содержать слова, которые часто путают с другими иностранными словами.

В заключении данной статьи стоит отметить ещё одну проблему учебной лексикографии – проблему эффективного взаимодействия справочника и пользователей, поскольку часто словарь воспринимается обучающимися как зеркало языка, соответственно словарь не может быть не прав в описании значения или употребления слов. В связи с этим встает вопрос о необходимости обучения пользователей навыкам работы со словарем, т.е. формирования лексикографической компетенции обучающихся. Данную работу следует начинать на начальном этапе обучения и наиболее эффективный способ представляется во включении практических занятий по лексикографии в курс обучения [1].

Таким образом, в настоящем исследовании авторами была сделана попытка краткого обзора особенностей учебной лексикографии и выявления круга основных проблем, а именно создания учебных терминологических словарей, особенно в условиях организации процесса обучения в неязыковом военном вузе, а также проблемы формирования лексикографической компетенции обучающихся. Данные вопросы продолжают оставаться открытыми и могут считаться важнейшей перспективой развития терминографии.

Список литературы

1. Богданова О.Ю., Крамаренко О.Л. Формирование лексикографической компетенции курсантов на занятиях по дисциплине «Профессионально ориентированный перевод» (английский язык) // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2019. № 4 (7). С. 57-61.
2. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1993. 248 с.
3. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т рус. яз им. А.С. Пушкина, 1990. 72 с.
4. Непомнящая С.И. Проблемы создания учебного двуязычного терминологического словаря в условиях военного вуза // Лексикография и коммуникация – 2016 : сборник трудов II Международной научной конференции. Белгород. 2016. С. 36-42.
5. Петрушова О.Л. Учебные словари в межкультурной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль: ЯГПУ, 2009. 213 с.

*10.02.19***О.Г. Остапенко**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, oxyugri@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XVI - XVII ВЕКОВ

В статье рассматриваются особенности функционирования ранних английских заимствований в русском языке. Автор представляет обзор путей адаптации англицизмов в русском языке на начальном этапе. Проведенный анализ показывает, что появление английских заимствований в русском языке обогатило письменную и устную речь в XVI-XVII веках и способствовало более тесным международным контактам.

Ключевые слова: *англицизм, заимствование, иноязычная лексема, англо-русские языковые контакты.*

Развитие русского языка невозможно без вовлечения в него слов иностранного происхождения и различных заимствований. Значительную часть этих заимствований составляют слова из английского языка.

Заимствование иноязычной лексики неразрывно связано с историей общества, социальными, экономическими, дипломатическими и другими контактами между народами. Исследование лингвистических данных и фактов внешней истории помогает найти ответ на вопросы об источнике заимствования и хронологии иноязычных поступлений в тот или иной язык.

Принято считать, что началом регулярных контактов Англии и России стал август 1553 год, когда первый английский корабль «Edward Bonaventure» (Эдвард Благое Предприятие) встал на якорь в устье Северной Двины. К середине XVI века Россия стала сильным централизованным государством, экономические и военные интересы которого требовали укрепления торговых и культурных связей со странами Запада, поэтому царь Иван IV благопринятно встретил установление прямых сношений с Англией. Таким образом, уже с середины XVI века начинаются активные англо-русские языковые контакты, а в русской переводной литературе появляются так называемые англицизмы – слова или обороты, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения [2].

Англицизмы XVI-XVII веков по времени их появления в русском языке относятся к ранним. Первая фиксация наблюдается в статейных списках – отчётах русских послов об их деятельности за границей, азбуковниках, официальных дипломатических документах и в семантическом плане представляют собой слова, относящиеся к общественно-политической, торговой или дипломатической сфере деятельности. Первые русские послы в Англии, хотя и поверхностно, знакомились с английской речью и употребляли английские слова в русской транскрипции в своих посольских отчётах московскому правительству. Значительную роль в распространении англицизмов в русской речи играли и англичане, жившие в России, так как русское правительство весьма благосклонно относилось к приезду иностранных специалистов. Скорее всего, этим можно объяснить тот факт, что в XVI-XVII веках в русский язык проникли в основном названия должностных лиц, титулов, предметов торговли:

Ерль/ ерь (англ. earl) – «И в тот же час пришли к Фёдору и к Неудаче от королевны с ближние советники удельные князья, князь адмирал *ерь* Линконский (earl of Lincoln) да князь *ерль* Бедфордский (earl of Bedford)» [4].

Ерль – английский титул, соответствующий титулу графа во Франции и других европейских странах [6].

Лорд (англ. lord) – «Королевнины ближние советники, князи удельные, князь Роборь Лестерский... да *лорд* Кобам, да *лорд* Карлус Георд» [7].

Лорд – иностранный землевладелец, крупный феодал, собирательный наследный титул английского высшего дворянства [5].

Проникновение иноязычной лексики в XVI-XVII веках происходило, в основном, через непосредственное общение носителей языка, а также через дипломатические контакты и дипломатическую переписку. Всё это способствовало расширению словаря деловой и светской литературы.

Термин «заимствование» можно определить как сложный и длительный процесс преобразования иноязычной лексемы в слово, подобное исконному. Такая адаптация предполагает две этапа освоения: формальное (графическое, фонетическое, грамматическое) и семантическое. Суть последнего заключается в стабилизации лексического значения иноязычного по происхождению слова в новой языковой среде.

Семантическое преобразование, адаптация и развитие заимствованного слова начинается с момента его вхождения в язык и продолжается весь период существования слова в языке, пока поддерживаются контакты между двумя языковыми системами. Проникая в русскую речь, заимствованное слово приспосабливается к чужой для него лексической системе и начинает вступать в различные лингвистические связи.

Вовлекаясь в систему заимствующего языка, англицизм, как правило, отрывается от разнообразия значений, присущих ему в родном языке, и в начальный период своего существования в новых условиях приобретает не свойственную ему однозначность. Некоторое время англицизм употребляется в основном в речевых контекстах, и, следовательно, чем богаче и разнообразнее эти контексты, тем быстрее заимствование закрепляется в русском языке.

Процесс становления нового слова протекает весьма длительное время. Степень ассимиляции англицизма зависит от многих факторов и определяется различными этапами процесса заимствования. С точки зрения семантической освоенности различают следующие группы англицизмов:

1. Неосвоенные англицизмы – слова оформленные средствами русской графики, но не утратившие несвойственных русскому языку фонетических и морфологических особенностей.

2. Частично освоенные англицизмы – слова, вошедшие в фонетическую и морфологическую системы русского языка, но сохраняющие внутреннюю связь с языком-источником.

3. Полностью освоенные слова, характеризующиеся высокой степенью формальной и семантической ассимиляции, полным отрывом от языка-источника [1].

Неосвоенные англицизмы характеризуются непосредственной связью с языком-источником. Семантически и контекстуально ограниченные, они чаще всего употребляются для обозначения «чужих» реалий, для номинации новых понятий, предметов и явлений. Эту стадию проходят все иноязычные слова, проникшие в русский язык, но длительность этого периода неодинакова для разных слов.

Анализируя английские заимствования периода XVI-XVII веков, нужно отметить, что основная их масса принадлежит к первой или второй группе заимствований:

«А за тот боло товар за английской платить было пошлин в английской земле 114 *пунд* и 3 *шиллинг* и 4 *пенс*...» [3].

Пунд /фунт (англ. pound), *шиллинг* (англ. shilling), *пенс* (англ. pence) – английские денежные знаки.

Способ заимствования англицизмов в русский язык в XVI-XVII веках был преимущественно устным, и именно эта причина приводила к случайным, необязательным искажениям внешнего облика слова:

«И тот корабль с моря и в реку *Темис* вошёл здорово же и ждут его в *Лунде* сегодня» [4].

Темис / Темза (анг. Thames) – река, протекающая в Лондоне. *Лунд* / Лондон – столица Великобритании.

Обогащение русского языка за счет иноязычных заимствований благотворно сказывается на развитии межкультурных связей и помогает лучше понять языковые особенности другой страны. Проблема англо-русских языковых контактов продолжает оставаться одной из актуальных тем в языкознании. В этой связи изучение английских заимствований периода XVI-XVII веков (несмотря на их незначительный объём) представляет особый интерес, так как этот процесс является начальным этапом в истории англицизмов, существующих или существовавших в русском языке на разных этапах его развития.

Список литературы

1. *Беляева С.Ю.* Английские слова в русском языке XVI-XX вв. – Владивосток: ДВГУ, 1984. – с. 12.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/англицизм> (Дата обращения 15.04.2021).
3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (1581-1604 гг.): Т.2. М.Н. Сперанский – СПб.: Книга по Требованию, 2015. – с. 219.
4. Путешествия русских послов XVI-XVII веков. Статейные списки. – СПб.: Наука, 2008. – СС. 107, 114.
5. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – с. 114.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т.5. – М.: Наука, 1978, – с. 338. http://etymolog.ruslang.ru/doc/xi-xvii_5.pdf (Дата обращения 15.04.2021).
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т.8. – М.: Наука, 1981. – с. 284. http://etymolog.ruslang.ru/doc/xi-xvii_8.pdf (Дата обращения 15.04.2021).

10.02.19

А.А. Писаренков канд. филос. наук, С.Е. Писаренкова канд. филол. наук

Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка в профессиональной сфере,
Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России,
кафедра лингвистики,
Краснодар, alpisarenkov@mail.ru, svetlaner@gmail.com

СИНДРОМ «ПОСТТРАМПА» В АМЕРИКАНСКОМ ЛИБЕРАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СИМВОЛЫ, МЕТАФОРЫ И АЛЛЮЗИИ

В статье рассматриваются способы презентации эпохи Трампа и итоги деятельности его администрации в либеральном политическом дискурсе. Анализируются ключевые метафоры, аллюзии, символы и сюжетные линии, используемые в либеральных нарративах для описания действий политических оппонентов.

Ключевые слова: *метафора, аллюзия, политический дискурс, идеология, символы.*

Противоречивая эпоха правления администрации Трампа и последующие перипетии передачи власти привели к глубокой поляризации американской политической жизни, что в свою очередь отразилось на способе описания политических оппонентов в СМИ. На основе контент-анализа текстов, опубликованных в ключевых СМИ демократического толка – New York Times, CNN, Politico, Huffington Post, а также материалов демократического аналитического института Brookings мы предприняли попытку выявить особенности презентации идеологии и политики консерваторов в либеральном дискурсе США во временном промежутке 2016-2021 гг. В основу методологии, используемой при написании статьи легли идеи Тёна ван Дейка и его интерпретация критического дискурс анализа (КДА). Первоочередное внимание уделяется метафорическому оформлению нарратива, используемым аллюзиям, символизму и идеологическим клише, то есть, дискурсивным структурам, с помощью которых проще выявлять ключевые установки и идеологии.

Как указывал П. Бурдьё, борьба за власть в медийном пространстве ведется с помощью «специалистов символического производства» (СМИ), чьей целью является монополия на легитимное символическое насилие, т. е. возможность «навязывать произвольные (но не признаваемые за таковые) средства познания и выражения социальной реальности» [1, с.92]. Личности политиков, их действия, идеология, которой они придерживаются, партии, которым они принадлежат воспринимаются и оцениваются в рамках определенного идеологического нарратива, способа описания социальной реальности. Борьба с политическим оппонентом основывается на нарративе, в сюжетном правиле которого закреплено участие «злодея», «героя» и их помощников. Фигура 45 президента США, в этой связи, в демократическом нарративе представлена в виде идеального «злодея», которому присущи все негативные атрибуты. Поскольку его личность – это репрезентация хаоса и зла, то она должна обладать определенной символикой. Очень интересной и показательной, на наш взгляд, является трактовка Д. Лакоффа. Он использует звуковой символизм, в котором сочетание согласных *tr*, по его мнению, символизирует силу или прилагаемое усилие как в словах типа: (trip, try, trap, trigger). Говоря о звуковой символике заключенной в сочетание *ump* на примере ряда слов: (bump, dump, frump, thump, chump), Лакофф указывает, что фамилия Trump – идеальное воплощение ключевой консервативной метафоры «строгого отца», который предлагает себя в качестве окончательного авторитета и способен активно воздействовать на уже «существующих болванов» (existing chumps) или агрессивно превращает в болванов кого-либо, а для миллионов американцев, которые придерживаются

консервативной морали и соответственно следуют моральной модели, описываемой метафорой «строгого отца», имярек «Трампа» – идеальный вариант лидера. (*“Tr+ump is a perfect last name for a presidential candidate who offers himself as the ultimate authority, able to turn others into chumps in politics. It is the perfect name for the ultimate Strict Father and authoritarian ruler — the ultimate authoritarian who makes those ruled into chumps. If you are among the tens of millions of Americans who wholly or mostly idealize strict father morality, someone named **TR+UMP** sounds like your man”*) [4]. Здесь было бы уместно привести и либеральную критику выхода США из Парижского соглашения по климату, тот же Д. Лакофф указывает на необходимость персонификации возможных природных катастроф с их предполагаемым автором “Trump flood disasters”, “Trump fire disasters”, “Trump devastation” [5].

Фундаментальная метафора Д. Лакоффа в сфере политической коммуникации - «государство, нация – это семья» где правительство выступает в роли одного из родителей: «строгого отца» в консервативной идеологической системе и гендерно-нейтрального «заботливого родителя» в либеральной или прогрессивной системе. Граждане, соответственно ведущему идеологическому тренду, представлены как дети, которым требуется или «строгое воспитание», или «забота», при этом все граждане независимо от их идеологических предпочтений остаются в рамках метафорического «семейного круга», в котором, в зависимости от ключевых идеологических установок действующей администрации, применяется та или иная модель. Однако, в свете все более четкой идеологической поляризации политической жизни США, эта метафорическая картина, на наш взгляд, подвергается серьезной трансформации. А. Шлезингер в начале 80-х годов XX века писал, что «идеология – проклятие общественной жизни, ибо она преобразует политику в отрасль теологии, принося людей в жертву на алтарь догмы» [3, с.102] Сам автор этой цитаты был уверен, что идеология не в характере американцев, а её проявления относил главным образом к сфере внешней политики, однако в современном политическом дискурсе либеральные СМИ, как и консервативные, все чаще прибегают к жесткой сегрегации по идеологическому принципу. Это разделение особенно четко проявляется в метафорах-аллюзиях, относящихся к эпохе гражданской войны: “House divided”, “Reconstruction” и “Lost Cause”.

Эпоха Трампа в либеральной картине мира – это реванш «проигранного дела» (Lost Cause), попытка воскрешения антигосударственной, расистской и безнравственной идеологии конфедератов, которая в прошлом привела к почти состоявшемуся развалу государства, потерям, разрушениям и социальным болезням. Поэтому в либеральном нарративе присутствует значительное количество «строительных» и «морбиальных» метафор, поскольку, по их мнению, эпоха республиканского правления закончилась разрухой, уничтожением демократических ценностей, социальной нестабильностью и эпидемией. Следующие примеры были почерпнуты из доклада, подготовленного институтом Брукингс с примечательным названием «Если это сломано, почини. Восстановление этических устоев федерального правительства и главенства закона» (If it Broke, Fix it. Restoring Federal Government Ethics and Rule of Law). Метафорический ряд в этом докладе большей частью укладывается в рамки метафоры-аллюзии «реконструкции» (“Reconstruction”) т. е. «восстановительных работ», которые необходимо провести новой либеральной администрации после «разорений» эпохи Трампа: “The new Biden administration has already commenced the reconstruction that will be needed after the ethics and rule of law devastation of the Trump era” [7, с.5]. Эпоха Трампа привела к «разрушению» главенства закона и «слому» этики, которой должно руководствоваться федеральное правительство, и теперь это необходимо «починить». (When it comes to federal government ethics and the rule of law, a great deal was broken in the past four years that must now be repaired) [7, с.4]. Новая администрация также должна «заделать пробоины» в «механизме», который обеспечивает транспарентность в политике. (The Biden administration faces the daunting task of repairing breaches in mechanisms designed to provide transparency) [7, с.35]. Результаты

восстановительной работы должны благотворно повлиять на будущее страны, страна «излечится» от «кошмаров» эры Трампа (the country will heal when the nightmare of the Trump era ends) [4].

Расовая принадлежность в либеральном дискурсе является весьма значимым маркером в системе распознавания «свой-чужой», соответственно принадлежность к «белым» – символом априорной ненадежности и сомнительности. Поэтому «обеление» политического оппонента в либеральном нарративе довольно популярный прием. Это можно проиллюстрировать на примере следующей сюжетной линии: консервативные элиты мобилизуют «белых националистов и супрематистов» (“the conservative elite had recruited or activated white nationalists and white supremacists”), затем Трамп предлагает стать их «белым рыцарем белой власти» (“He offered to be their leader, their white knight of white power”), после поражения он отказывается признать, что «его белое президентство» закончилось (“Trump refused to accept that his white power presidency was coming to an end”) и призывает на свою защиту «белых патриотов» (“he asked his white power patriots to come to his defense”), что и стало причиной мятеха [8].

Маргинализация политического оппонента – довольно распространенный прием, но в современном политическом дискурсе США, в условиях тотальной информационной войны между демократическими и консервативными элитами, медийное уничижение оппонента становится ведущим приемом медийной стратегии для достижения политической, экономической, социальной и культурной власти.

Список литературы

1. Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства: пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288с.
2. Тён ван Дейк Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации/ пер. с англ. Е.А.Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
3. Шлезингер А.М. Циклы американской истории: пер. с англ. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. – 688 с.
4. Blow, Charles What Do “Wright” and “Wrong” Mean to the G.O.P.? URL:<https://www.nytimes.com/2021/02/10/opinion/trump-republicans-impeachment-trial.html> (дата обращения 16.02.2021)
5. Lakoff G. A spoiled Brat Named Little Donnie Thwimp. URL: https://www.huffpost.com/entry/a-spoiled-brat-named-litt_b_12184226 (дата обращения 18.02.2021)
6. Lakoff G. Disaster Branding: The Importance of Naming Climate Disasters After Trump. URL:https://www.huffpost.com/entry/disaster-branding-the-importance-of-naming-trumps-climate-destruction_b_5933068fe4b075bff0f3fd8e (дата обращения 11.02.2021)
7. If its Broke, Fix It: Restoring the Federal Government Ethics and Rule of Law. URL:<https://www.brookings.edu/research/if-its-broke-fix-it/> (дата обращения 26.02.2021)

*10.02.19***Е.Н. Поснова, В.Р. Габдуллина, О.В. Назина**

Оренбургский государственный медицинский университет,
кафедра иностранных языков,
Оренбург, e.n.posnova@orgma.ru

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В РАЗВИТИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В работе представлены результаты изучения понятий «термин» и «лексика», а так же методов изучения терминологии и медицинской лексики на иностранном языке для развития общекультурных компетенций студента неязыкового вуза.

Ключевые слова: *термин, специальная лексика, медицинская терминология, семантический критерий, самостоятельность мышления, самообразовательная деятельность, компетенция, студент-медик.*

Общекультурные компетенции, реализуемые в рамках рабочих программ Оренбургского государственного медицинского университета по дисциплинам «Иностранный язык» и «Специальная лексика в медицине (английский язык)», предполагают развитие у студентов готовности к самореализации, самообразованию, использованию творческого потенциала.

Цель работы состоит в исследовании функционирования специальной терминологии и медицинской лексики в развитии общекультурных компетенций при обучении студентов неязыкового вуза (на примере Оренбургского государственного медицинского университета).

В данном исследовании представлены примеры практических заданий, способствующих развитию творческого потенциала и самостоятельности мышления студентов-медиков при обучении специальной медицинской терминологии.

При обучении студентов лечебного и педиатрического факультетов Оренбургского государственного медицинского университета дисциплинам «Иностранный язык» и «Специальная лексика в медицине» на передний план выдвигается ознакомление с медицинской лексикой и специальной терминологией на иностранном языке.

В науке не существует единого определения понятия «термин». Согласно определению О.С. Ахмановой, *термин* трактуется как слово или словосочетание языка профессиональной коммуникации, точно выражающее специальное понятие или обозначающее специальный предмет [2, с. 474].

В соответствии с определением, предложенным А.Н. Барановым, термин представляет собой слово или словосочетание метаязыка научной дисциплины, обозначающее специфическую реалию конкретной практической деятельности человека [3, с. 89].

Прагматическая ценность терминологической информации заключается в ее способности определенным образом влиять на поведение человека и его способ мышления, расширяя физическую и духовную ориентацию человека в реальном мире [4, с. 23-24].

Выделяются два основных вида терминов:

- 1) общеупотребительная терминология;
- 2) узкоспециальные термины, известные лишь специалистам в определенной научной или профессиональной области [6, с. 645].

Специальная, профессионально-терминологическая лексика относится к группе слов ограниченного употребления, объединенных сферой своего распространения [7, с. 210].

Согласно Г. Рондо, специальная лексика (из английского языка «*language for special purposes*», сокращенно LSP) характеризуется конкретной целевой направленностью [8, с. 23]. Г. Рондо полагает, что одно и то же слово в зоне LSP специальной терминологии медицинской направленности однозначно, в то время как в зоне общеупотребительного пласта лексики может проявлять многозначность [8, с. 24-25].

В нашем исследовании мы придерживаемся рабочих определений понятий «медицинская терминология» и «медицинская лексика», предложенных Г.А. Абрамовой. Понятие *медицинская терминология* интерпретируется как система терминов современной медицинской науки, в то время как понятие *медицинская лексика* объединяет медицинские наименования, функционирующие как в научной, так и в других подсистемах языка. Медицинская лексика является более широким понятием и включает в себя медицинские термины, лексикон медицинского социолекта и нетерминологическую (обиходную) медицинскую лексику [1, с. 8].

В процессе обучения иноязычной специальной терминологии и медицинской лексике в Оренбургском государственном медицинском университете применяется комплекс упражнений, позволяющих развивать творческий потенциал и самостоятельность мышления студентов-медиков. Они охватывают следующие основные тематические направления в области медицины: заболевания (*Diseases*); признаки и симптомы заболеваний (*Signs and Symptoms*); строение человеческого тела (*Structure of the Human Body*); системы организма и специфика их функционирования (*Body Systems and their Functions*); описание истории болезни (*Case History Taking*); научные достижения в сфере медицины (*Medical Achievements*); деятельность великих деятелей в области медицины (*Great People in the Field of Medicine*).

Самообразовательная деятельность в освоении иноязычной специальной терминологии и медицинской лексики представляет собой форму организации образовательного процесса, стимулирующую активность, самостоятельность, познавательный интерес обучающихся.

Согласно требованиям программ дисциплин «Иностранный язык» и «Специальная лексика в медицине», самообразовательная деятельность студентов является неотъемлемым компонентом образовательного процесса.

В результате формирования общекультурной компетенции студента медицинского вуза, заключающейся в готовности к самообразованию и способности к успешному осуществлению самостоятельной деятельности, при освоении дисциплин «Иностранный язык» и «Специальная лексика в медицине» обучающийся должен:

- владеть методами и приёмами лингвистического и переводческого анализа иноязычного аутентичного текста, содержащего специальную терминологию и медицинскую лексику;
- знать основы словообразования медицинских терминов;
- уметь использовать определённый объем терминологических единиц в рамках устной и письменной коммуникации;
- владеть иностранным языком в объеме, необходимом для осуществления профессиональной коммуникации.

Формами самообразовательной деятельности при работе над иноязычным дидактическим материалом в рамках изучения студентами-медиками дисциплин «Иностранный язык» и «Специальная лексика в медицине (английский язык)» являются самостоятельная работа со словарями и справочниками, составление глоссария, конспектирование, выполнение упражнений, перевод аутентичного текста, подготовка устного доклада / реферата. При этом студенты самостоятельно усваивают умения структурировать материал в логической последовательности, выделять основы, выстраивать план речи, применять общенаучные методы учебно-исследовательской деятельности.

Далее приводятся некоторые примеры практических заданий, применяемых в процессе обучения студентов Оренбургского государственного медицинского университета профессионально ориентированному иностранному языку в целях формирования

общекультурных компетенций, предполагающих развитие творческого потенциала и самостоятельности мышления.

Самообразовательная деятельность студентов-медиков осуществляется, в первую очередь, через самостоятельный поиск в текстах специальной направленности ответов на вопросы по строению и функционированию человеческого организма.

В целях самоподготовки к текущему и рубежному контролю студентами-медиками осуществляется самостоятельное выполнение тестовых заданий на владение иноязычной медицинской лексикой и специальной терминологией. При этом студенту предлагается решить ряд проблемных ситуационных задач.

Готовность к использованию студентами-медиками творческого потенциала актуализируется в ходе творческой интерпретации и семантического анализа пословиц, содержащих лексические единицы медицинской тематической направленности.

Интеллектуально-творческий потенциал студентов-медиков актуализируется при выполнении заданий, предполагающих описание систем человеческого тела с опорой на визуальную модель и заданную медицинскую лексику и терминологию на иностранном языке, например:

Описание строения человеческого тела и основ функционирования систем организма осуществляется и с опорой на визуальные модели, создаваемые студентами-медиками самостоятельно в рамках изучения данных тем, что также актуализирует их готовность к использованию творческого потенциала.

Таким образом, представленный на материале конкретных практических заданий опыт развития общекультурных компетенций при обучении студентов Оренбургского государственного медицинского университета дисциплинам «Специальная лексика в медицине» и «Иностранный язык» позволяет сделать вывод о том, что параллельно с освоением специальной терминологии и медицинской лексики на иностранном языке у студентов-медиков происходит постепенное формирование готовности к самореализации, самообразованию, использованию творческого потенциала.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения материалов и результатов исследования при обучении студентов-медиков профессионально-ориентированной межкультурной коммуникации на курсах иностранного языка, в спецкурсах лингвистики, психологии, методики преподавания иностранного языка.

Список литературы

1. *Абрамова Г.А.* Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития : дис. ... д. филол. наук / Г.А. Абрамова. Краснодар, 2003. 312 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. 2-е изд., стер. М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
3. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 360 с.
4. *Володина М.Н.* Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М.Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. 2003. С. 23-24.
5. *Глушко Л.А.* Формирование общекультурных компетенций у студентов средствами изучения иностранного языка / Л.А. Глушко, П.С. Норкина, Н.А. Роговая // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-obschekulturnyh-kompetentsiy-u-studentov-sredstvami-izucheniya-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 13.10.2019).
6. *Стариченок В.Д.* Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 810 с.
7. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология / М.И. Фомина : учеб. для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк, 1990. 415 с.
8. *Rondeau G.* Introduction à la terminologie / G. Rondeau. Chicoutimi: Gaétan Morin, 1984. 2-ème édition. 238 p.

10.02.19

Е.Е. Сафронова, А.А. Бекетова

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются греко-латинские заимствования в русском языке. Слова греческого и латинского происхождения актуальны для современного дискурса, так как они служат номинациями не только политических, экономических, юридических и других реалий, а также полноценными единицами повседневного языкового обихода, которые вызывают повышенный интерес у носителей языка ввиду регулярного использования.

Ключевые слова: *греко-латинские заимствования, этимология, номинация, повседневная лексика, языковой дискурс*

Пополнение лексического состава любого языка за счет иноязычных заимствований представляет собой объективный процесс, который происходит на протяжении всей истории существования языка и служит предметом пристального внимания лингвистов. Анализ газетных и журнальных публикаций Российской Федерации показывает, что пополнение лексического состава русского языка иноязычными заимствованиями за последние десятилетия проходило в основном двумя путями. Первый – это адаптация лексики из германских и романских языков, причем основная масса слов заимствуется из английского языка. Второй путь – это продолжение многовековой традиции лексико-морфологических заимствований из классических языков, а именно древнегреческого и латинского.

Наиболее последовательно эта традиция соблюдается в биологических и медицинских науках: в 80-е годы прошлого века, согласно данным М. Н. Чернявского [3], в терминологическом аппарате ежегодно появлялось до тысячи новых терминов, создаваемых на основе лексических и морфологических элементов, заимствованных из классических языков. Данная тенденция сохраняется и в наши дни: в этом убеждает лексический состав современных публикаций в любом медицинском издании, где едва ли не в каждом предложении встречаются специальные термины, возникшие из греческих или латинских морфем: *профилактика онкологических заболеваний, коррекция иммунного баланса, антибиотико-резистентность, антиоксидантный комплекс* и т.д.

За последние десятилетия немало заимствований греко-латинского происхождения появилось и в области социально-бытовой лексики. Однако далеко не всегда такие слова, уже не один год встречающиеся в прессе и электронных средствах массовой информации, находят своевременное отражение в словарно-справочной литературе. Так, в «Толковом словаре иностранных слов» [4], еще не представлены многие частотные термины последних десятилетий: *конфискат, нанотехнология, политкорректность, транспарентный, харизма* и др. Учитывая, что перечисленная лексика не представлена и во многих других современных словарях, считаем целесообразным проанализировать её этимологию.

Термин «конфискат» представляет собой транслитерацию существительного *confiscātum*, субстантивированного причастия прошедшего времени от глагола *confisco* – «изымать имущество в пользу государства», в свою очередь произошедшего от латинского *fiscus* – «государственная казна». По аналогичной модели образованы от латинских глагольных основ транслитераты «аттестат», «конгломерат», «концентрат» и т. д.

Термин «нанотехнология» образован путём сложения основ греческих существительных: *vánnos* – «карлик», *téchhē* – «искусство» и *lógos* – «наука». В современной науке под нанотехнологиями понимают прежде всего технологии работы с микроскопическими объектами.

Существительное *политкорректность*, которое употребляется главным образом в СМИ, имеет значение не «политическая корректность», как кажется на первый взгляд. Данный термин обозначает способ поведения, при котором стремятся избегать всего, что может быть оскорбительным для тех или иных лиц по признаку расы, пола, религии, возраста и других отличительных свойств личности. Значение морфемы *полит-* в данном случае следует связать с английским прилагательным *polite* – «вежливый» и её происхождением от греческого прилагательного *πολίτης* «городской», «образованный», «культурный». Существует, однако же, и другая теория, согласно которой английское *polite* происходит от латинского *politus* – «отшлифованный», «утончённый» [4]. Что касается конечного словообразовательного элемента данного термина, и в английском, и в русском эквиваленте без особых затруднений определяются латинские истоки слов *correct*, *correctness* и «корректность»: это причастие прошедшего времени от глагола *corrigo* – «исправлять».

Прилагательное «транспарентный» в наши дни обычно связывают со словом «выборы». Это слово восходит к средневековой латыни, где встречается причастие *transpārens* от глагола *transpareo* – «быть прозрачным». Через французский язык (*transparent*) оно было заимствовано в русский в форме существительного «транспарант», а затем, через английский (*transparent*), – в форме прилагательного «транспарентный».

Существительное «харизма» и производные от него прилагательные пришли к нам из греческого языка, где существительное *χάρις* означает «дар», «милость». В наши дни слово «харизма» употребляется в значении «исключительная одаренность и привлекательность» и употребляется по отношению к лицам, претендующим на лидерство в общественной деятельности. Так, быть харизматичным или обладать харизмой значит обладать суммой внутренних и внешних качеств, которыми можно легко привлекать массы.

Интересно отметить, что в разговорном языке нередко возникают своеобразные гибриды из основ русских и греческих слов. Например, в ряду понятий «криотрон», «синхрофазотрон» (от греч. *θρόνος* – «кресло», «установка») появляется слово «лохотрон», т.е. способ обвести вокруг пальца простодушного человека. Среди таких слов как «аргонавт», «космонавт» появляется иронический неологизм «алконавт» с вполне понятным всем значением. Среди огромного количества терминов с конечным элементом *-логия* находит своё место презрительно-ироническое «болтология», то есть пустая болтовня.

Отмечается и такое интересное явление, когда некоторые суффиксы, восходящие к латинским или греческим прототипам, присоединяются к исконно русским корням. Например, в ряду латинизмов, содержащих модифицированный суффикс *-бель-* (из лат. *-bilis*) – комфортабельный, операбельный, респектабельный – встречаются такие слова, как «носибельный», «читабельный» и др.

Наибольший простор для словообразования представляет в этом плане суффикс греческого происхождения *-ист-*, который через посредство латинского и французского языков вошёл в состав заимствований и в русский язык, не только сохранив свою первичную семантику *nominis agentis* («беллетрист», «маринист», «планерист»), но в сотни раз превзошел свои античные этимоны по количеству лексем [2]. Он прекрасно прижился в русском языке, расширил свою семантику и с его участием рождаются все новые и новые слова: наряду с официально-нейтральными названиями («особист», «протоколист», «финалист»), обозначениями рода занятия («программист», «таксист», «шахматист») или принадлежности к какой-то социальной группе («антиглобалист», «рецидивист», «социалист») появляется много эмоционально окрашенной лексики («аккуратист», «пофигист», «приколист» и др).

Таким образом, можно утверждать, что латинские и греческие заимствования не только способствуют пополнению терминологического аппарата узких специальностей, но и являются полноценными единицами повседневного языкового обихода, которые вызывают повышенный интерес у носителей языка ввиду регулярного использования.

Список литературы

1. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М., 2001.
2. Раевская Н.Л. Древнегреческий суффикс -ιστ- в историко-лингвистической диахронии / Н. Л. Раевская, А. З. Цысык // сб. науч. тр. «ΣΤΕΦΑΝΟΣ». – М., 2005.
3. Чернявский М.Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – Т. 3. – М., 1984.
4. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com>. Дата обращения: 16.04.2021 г.

*10.02.19***Л.А. Тюкина**

Ярославский государственный технический университет,
кафедра иностранных языков,
Ярославль, ltyukina@yandex.ru

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АНЕКДОТЫ В ЭПОХУ COVID-19

В работе исследуются анекдоты о коронавирусе с позиции «юмористического диалогического дискурса» в трех лингвокультурах (немецкой, английской и русской). Рассматривается понятие дискурса относительно юмора. Анализируется тематика анекдотов о коронавирусе.

Ключевые слова: юмористический диалогический дискурс; бытовой анекдот; юмор, коронавирус.

Пандемия коронавируса Sars-Cov-19 продолжает вызывать всеобщую тревогу и разрушать экономику во всем мире: «умирают тысячи людей, улицы городов пустеют, производство стоит на месте, дефицит продуктов в магазинах и паника во всем мире» [4, с. 179], но, как и во все времена, юмор неизменно помогает относиться ко всем трудностям философски. О коронавирусе появляются мемы, шутки, анекдоты. Приведем один пример: (1) (рус.) *Человек: Я - царь природы! Природа: Ну царь так царь. Держи корону* [8].

Юмор – это один из важнейших механизмов преодоления проблем, особенно во времена тревоги и неопределенности. В разгар эпидемии коронавируса люди многих стран в очередной раз продемонстрировали, что знают, как ослабить психическое напряжение, вызванное чередой локдаунов и различных антиковидных мер. Анекдот как устный жанр юмористического дискурса всегда соответствует духу времени: исчезают анекдоты, связанные с какими-то прошедшими событиями (как, например, исчезли анекдоты о Василии Ивановиче Чапаеве и Петьке, и современное общество не поймет, о чем в них идет речь; исчезают анекдоты об уходящих политиках), но появляются новые анекдоты, «на злобу дня», которые также просуществуют ровно столько, пока проблема волнует общество. Существуют анекдоты, присущие только одной стране мира, высмеивающие какие-то локальные проблемы, которые совершенно непонятны людям других стран. Но пандемия коронавируса объединила весь мир не только в борьбе против этого заболевания, но и послужила толчком к созданию нового пласта анекдотов.

В данной работе рассмотрим *диалогический бытовой анекдот* в трех лингвокультурах, содержательно связанный с коронавирусом. Для анализа анекдотов были проанализированы три сайта, содержащие разделы с анекдотами о коронавирусе: сайт aberwitzig.com с анекдотами на немецком языке, сайт jokesforfunny.com с анекдотами на английском языке и сайт anekdot.ru с анекдотами на русском языке. Поскольку, по словам Е. Курганова, анекдот – это «жанр-бродяга» [3], автором были проанализированы и другие сайты анекдотов, но практически на всех сайтах содержатся одинаковые коллекции анекдотов, изредка имеющих небольшие отличия. Поэтому было решено остановиться на вышеозначенных сайтах. Методом сплошной выборки были отобраны все анекдоты о коронавирусе, и затем из общего корпуса анекдотов были выделены только анекдоты, представленные в диалогической форме.

Говоря о юмористическом диалогическом дискурсе, следует отметить, что понятие «дискурс» возникло не само по себе и не спонтанно, оно появилось в тот момент, когда «лингвистические исследования вышли за пределы собственно предложения, т.е. в область сверхфразового синтаксиса. С лингвистической точки зрения дискурс представляет собой

комплексную (сложную) единицу, которая состоит из последовательности предложений, связанных в смысловом отношении» [2, с. 20]. Кроме того, в любом диалоге, и в анекдоте в том числе, может быть и третья сторона – слушатель, который молчит и как бы не участвует в разговоре, так называемый «молчащий наблюдатель» [1, с. 90]. Поэтому автор статьи придерживается мнения о том, что диалогический дискурс – это довольно сложное коммуникативное явление, анализируя дискурс, мы должны учитывать не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы, которые придают дискурсу важные характеристики [2, с. 23]. Необходимо подчеркнуть, что «именно дискурс обеспечивает процессы коммуникации, в ходе которых происходит взаимообмен информацией» [5, с. 88]. В предыдущих исследованиях при анализе диалогических анекдотов трех лингвокультур было выявлено, что анекдот как текст обладает аналогичным во всех трех исследуемых языках структурно-композиционным построением [6, с. 291].

При анализе анекдотов о коронавирусе с вышеуказанных сайтов сначала все анекдоты были разделены на монологические и диалогические. Стоит отметить, что самым обширным количеством анекдотов обладает российский сайт *anekdot.ru*, который содержит 768 анекдотов на коронавирусную тематику, при этом 23% пришлось на долю диалогических анекдотов и 77% на долю монологических. Анализ показал, что среди немецких анекдотов (всего на сайте было обнаружено 30 анекдотов на данную тематику) 38% составляют анекдоты, содержащие диалоги и 62% приходится на анекдоты монологического характера. При анализе корпуса англоязычных анекдотов (на сайте 95 анекдотов о коронавирусе) результаты оказались следующими: 40% составили диалогические анекдоты и 60% – монологические анекдоты. Учитывая статистику, можно сделать вывод, что русские люди острее на язык, больше придумывают анекдотов на любую злободневную тему. Более того, русские не столь исполнительны, что касается каких-либо распоряжений, поэтому львиную долю всех анекдотов на русском языке составили анекдоты про самоизоляцию.

По тематике все анекдоты во всех трех лингвокультурах делятся на следующие темы: заявления президентов о борьбе с пандемией, вакцины от коронавируса, потеря обоняния, санитайзеры, ношение масок, закупки туалетной бумаги, онлайн-образование. Довольно часто в анекдотах на коронавирусную тематику затрагиваются национальные особенности разных стран, например,

(2) (рус.) Ну, карантин на Рождество немцы как-нибудь стерпят, а вот на Курбан-Байрам могут и взбунтоваться [8]. Здесь речь идет о том, что в Германию в последние годы въехало столько мусульман, что их доля уже превышает коренное население Германии. Кроме того, немцы по своему характеру очень законопослушны, поэтому довольно терпеливо относятся к длительным локдаунам.

(3) (рус.) Чехия прекращает разработку своей вакцины от коронавируса. У них всё время получается пиво [8].

(4) (нем.) Patient zum Arzt: „Wir sollen uns ja, wegen dem Coronavirus, die ganze Zeit die Hände waschen. Kann beim vielen Händewaschen auch etwas von der vielen Seife durch die Haut in den Körper gelangen?“ - Arzt: „Haben Sie wegen der Seife gesundheitliche Bedenken?“ - Patient: „Nö, ich wollte nur wissen, ob ich beim Pinkeln auch gleichzeitig die Toilette reinigen könnte“ [7]. // Пациент врачу: "Мы должны постоянно мыть руки из-за коронавируса. При частом мытье рук, может ли часть мыла проникать через кожу в тело?" - Доктор: "Есть ли у вас проблемы со здоровьем из-за мыла?" - Пациент: Нет, я просто хотел узнать, могу ли я одновременно чистить унитаз, когда писаю" (перевод автора – Л. Т.). В данном анекдоте показана любовь немцев к бережливости и экономности.

Англичане также не остаются в стороне и высмеивают на фоне коронавируса те стереотипы, которые характерны для русских во многих анекдотах, например,

(5) (англ.) In the meantime, in Russia, Russians are avoiding how they can, and how they know, about coronavirus: – Mommy, Mommy, can I drink fruit juice now? – No, baby! First, you finish vodka [9]. // В то же время в России россияне как могут и как умеют избегают коронавируса: - Мама, мама, можно мне теперь пить фруктовый сок? - Нет, детка!

Сначала доней водку (перевод автора – Л. Т.). Надо признать, что наряду с санитарной обработкой рук, многие русские действительно уверовали в водку как в средство от коронавируса, и даже сами довольно часто начали шутить на эту тему, например,

(6) (рус.) – *Мой батя относится к пандемии очень серьёзно. – Почему ты так думаешь? – От него постоянно пахнет санитайзером* [8]. Поскольку все санитайзеры содержат спирт, ребенок думает, что отец часто пользуется санитайзером, на самом же деле он просто употребляет водку.

Немцы также рассматривают алкоголь как средство против коронавируса:

(7) (нем.) *Das Virus kann durch Alkohol getötet werden. – Ja dann, Prost!* [7]. // *Вирус можно убить алкоголем. – Да, тогда давай, за здоровье!* (перевод автора. – Л. Т.).

Встречаются и анекдоты про окончание пандемии, поскольку прогнозы об окончании мы не раз слышали и от президентов разных стран, и от Всемирной организации здравоохранения, да и сами обыватели обсуждают этот вопрос при встрече. Проиллюстрируем на примере:

(8) (рус.) – *Рабинович, как вы думаете, когда можно будет уверенно сказать, что пандемия коронавируса прошла? – Таки, смотрите объявления. Как только станут появляться: «Продам туалетную бумагу и гречневую крупу. Дёшево. Спросить Марью Ивановну» - считайте, что опасаться больше нечего...* [8].

Довольно обширная группа анекдотов посвящена самоизоляции и правилам выхода на улицу, во всех странах были, а в некоторых есть и сейчас, очень жесткие ограничения относительно прогулок, поэтому в семьях все желали выносить мусор, выгуливать собаку и ходить в магазин, поскольку доступно было только это. Кроме этого, солидная доля анекдотов посвящена вопросам диет и набору веса во время самоизоляции. Продемонстрируем на примерах:

(9) (рус.) – *Папа, у нас есть мусор вынести? – Есть. И посуду помой. – Ну, пап! – И пропылесось. Вынос мусора надо заслужить!* [8].

(10) (англ.) *Wife to husband: "Did I get fat during quarantine?" Husband replies: "you weren't really that skinny to begin with!" – Time of death: 11:00 p.m. Cause of death: Covid-19* [9]. // *Жена мужу: "Я растолстела во время карантина?" Муж отвечает: "Ты не была такой уж худой и до карантина!" - Время смерти: 11:00 вечера. Причина смерти: Ковид-19* (перевод автора. – Л. Т.).

Стоит отметить, что во всех трех лингвокультурах встречаются и анекдоты о коронавирусе, основанные на каламбуре или на игре слов, так называемые языковые или лингвистические анекдоты. Например,

(11) (нем.) *2020: China lädt zum Maskenball.* [7] // *2020: Китай приглашает на бал-маскарад* (перевод автора. – Л. Т.). Учитывая, что указан год 2020, все понимают, какой это бал – бал в медицинских масках.

(12) (англ.) *What makes Santa immune from covid-19? – Santa bodies* [9]. // *Что делает Санту невосприимчивым к Ковид-19? – Санта-тела.* (перевод автора. – Л. Т.) **Санта-тела** используются по аналогии с антителами.

(13) (рус.) – *Как называется варенье без вкуса и запаха? – Ковидло!* [8]. Как видим, в слове «ковидло» для лингвистического каламбура соединены слова «ковид» и «повидло».

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что все лингвокультуры довольно быстро и живо реагируют на глобальные проблемы, создавая новые пласты юмористического дискурса. Анализ содержания диалогических анекдотов о коронавирусе в трех лингвокультурах показал, что преобладающей тематикой анекдотов на немецком языке стала тема общения с врачом по поводу результатов тестов на коронавирус; английские анекдоты больше затрагивают политические темы; а русские анекдоты касаются всех тем, связанных с пандемией.

Список литературы

1. *Бабаян В.Н.* Молчащий наблюдатель в диалогическом пространстве терциарной речи // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 4 (15). – С. 90-98.
2. *Бабаян В.Н.* К вопросу о единице диалогического дискурса / В. Н. Бабаян, Л. А. Тюкина // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных трудов по материалам II-й Международной научно-практической конференции, Ярославль, 14-16 мая 2020 г. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ. – 2020. – С. 20–23.
3. *Курганов Е.* Анекдот как жанр. М.: Академический Проект, 1997. 123 с.
4. *Лобова А.М.* Возможные причины появления коронавируса COVID-19 / А. М. Лобова, К. А. Мельникова // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях : Сборник научных статей / Научный редактор Т.А. Колесникова. – Москва : Издательство "Перо", 2020. – С. 179-182.
5. *Мельникова К.А.* Лингвистический анализ политкорректного дискурса (на материале англоязычных СМИ) / К. А. Мельникова, Ю. Л. Закирова // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. Сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Москва, 10-12 ноября 2020 г. – Москва : РУДН, 2020. – С. 86–91.
6. *Тюкина Л.А., Бабаян В.Н.* Структурно-композиционный анализ бытового анекдота на немецком, английском и русском языках как объекта юмористического диалогического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020. – Том 13. – № 9. – С. 286–292.
7. Aberwitzig.com. Электронный ресурс. URL: <https://www.aberwitzig.com/coronawitze.php>. (Дата обращения 12.04.2021).
8. Anekdot.ru. Электронный ресурс. URL: <https://www.anekdot.ru/tags/>. (Дата обращения 10.04.2021).
9. Jokesforfunny.com. Электронный ресурс. URL: <https://www.jokesforfunny.com/coronavirus-jokes/> (Дата обращения 08.04.2021).

*10.02.19***Е.О. Чурюканова канд. филол. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, edellvise@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ САДОВНИЧЕСТВА НА РУССКУЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются вопросы влияния традиции садоводства на язык, проникновения в словарь новых слов, связанных с выращиванием растений и окультуриванием ландшафта. Анализируются и систематизируются единицы словаря садоводства (лингвокультуризмы), проводится описание заимствованных в русский язык слов, как результат лингвокультурного контакта.

Ключевые слова: *садоводство, лингвокультуризм, заимствование, транслитерация, калькирование.*

Английская садовая культура имеет давнюю историю. Первоначально являясь копией классических французских садов со строгой геометрией и доминированием пропорциональных решений в планировке сада, английский сад тяготел все больше к естественному оформлению природного ландшафта. Человек становился сотворцем природной красоты, гармонично и мягко проявляя свою волю в расстановке природных акцентов. Подражая природе, ее необузданному темпераменту, основным принципом построения садового пейзажа становится элемент непредсказуемости. Извилистые дорожки, приглашающие на прогулку, заводят в неожиданные локации, украшенные садовой скульптурой, мостиками, естественными перегородками в виде живой изгороди. Снова создается впечатление, что природа сама является дизайнером своего творения. Человек не ломает принципы естественности, а незаметно и функционально реализует ландшафтные идеи.

Будучи в своих истоках принадлежностью привилегированных слоёв общества, лишь в начале 19 века садовничество приходит в массы. Во многом это связано с политикой государства: природа должна оказать своё умиротворяющее воздействие на бунтующий люд, вылечить его от чрезмерного потребления алкоголя и сделать города и деревушки Англии притягательными.

Так возникла другая страсть англичан – страсть к садовничеству. Идея сделать сад экзотическим заставила многих ботаников устремиться в разные уголки мира в поисках новых растений, которые, однако, с трудом приживались на новой земле. В результате тщетных экспериментов экзоты уступили местным, проверенным обитателям садов. Так возникла главная черта английского сада – естественность садового пейзажа, отсутствие бросающегося в глаза вызова природе, плавность линий, уход от чётких линий.

Естественно, что страсть к садовничеству породила особый язык садоводов, которые проник и в другие языки вместе с искусством ухода за садом.

Первое, о чем стоит упомянуть в контексте формирования культуры садовничества и особого лексикона садовников, это определение самого английского сада. Данное понятие возникло только в 18 веке, поскольку до этого времени английские окультуренные пейзажи представляли собой заимствованные итальянские или французские картинки. Особым прорывом английской индивидуальности в садовом творчестве становятся монастырские сады, которые тяготели к выращиванию адаптированные на острове растений, легко произрастающих в климате страны и способных размножаться самосевом.

Однако позволяя природе «хозяйничать» в саду, не стоит забывать, что для достижения роскошного эффекта садовники использовали окультуренные формы естественных видов, или культивары (Cultivar: A plant variety developed through selective breeding; cultivars are developed for many purposes, including fruiting, flowering, and disease-resistance characteristics).

Известно, что для успешного выращивания растений необходимо проводить анализ почвы. Стоит упомянуть о некоторых разновидностях грунта:

Loam (суглинок), Clay (глина), Humus (гумус, перегной, чернозём), Sand (песок).

Говоря о слоях почвы пригодных для выращивания различных культур, необходимо выделить:

Topsoil (пахотный слой почвы), Subsoil (подпочва)

Для улучшения состава почвы используются улучшители почвы:

Soil Amendment: Any substance added to a growing area to improve soil conditions, including compost, fertilizers, and substances like kelp, rock dust, and greensand

Для улучшения качества грунта используют различные способы:

Worm Castings (продукты жизнедеятельности земляных червей)

Top Dress (подкормка), Vermiculite (вермикулит), Perlite (перлит)

Peat Moss (торфяной мох, сфагнум), Compost Tea (жидкий компост), Sheet Mulch (поверхностное мульчирование почвы), Mulch (мульча), Organic Matter (органика), Inoculant (микробиологический инокулянт), Greensand (зелёный песок), Green Manure (зеленый навоз, сидераты), Kelp Meal (удобрение из ламинарии), Cover Crops (сидераты), Guano (гуано), Slow Release Fertilizer (удобрение медленного действия).

Действия, производимые с растениями или семенами:

Harden Off (закаливание): The process of gradually exposing plants to outdoor conditions; by letting seedlings sit outside for a few hours more each day over the course of a week, they suffer less shock when transplanted into the garden.

Pinch Back (прищипывание): To remove the tip of a growing stem, whether with the fingers or hand pruners; this stimulates branching lower down on the plant, encouraging a shorter, bushier growth habit.

Scarification (скарификация): Penetrating the outer layer of seeds to encourage germination; depending on the species in question, sandpaper, files or other tools may be used to open the hard outer coat of a seed so that water may enter.

Stratification (стратификация): Subjecting seeds to the conditions required to break their dormancy (mimicking the natural processes that they've evolved with), so that germination may occur; the most common form is cold stratification, which involves storing the seeds in a refrigerator or freezer for weeks or months to mimic the winter season.

Direct Seeding (прямой посев): Sowing seeds where they are to grow, as opposed to sowing them in pots and transplanting them later.

Cutting (черенок): A short piece of a plant that is clipped off for propagation purposes; cuttings are typically stuck into a rooting medium (such as potting soil or perlite) and kept in a humid environment, which encourages roots to form at the bottom and new leaves at the top.

Dead Heading (удаление отцветших лепестков): Removing spent blooms from flowering plants in order to encourage another round of flowers to emerge

Graft (пасынкование): To splice two portions of a plant together so that they fuse into to solid piece; grafting is used to attach scion (piece of wood with preferable fruiting or flowering traits) to a rootstock (separate but closely related genetic material selected for desirable root characteristics).

Выделяются типы растений в зависимости от сроков произрастания:

Annual (летники): A plant that lives for only a single growing season; most annuals grow in spring and summer, dying with the first frost of fall, though some annual species thrive in cool weather, setting seed and dying when the weather warms in spring.

Biennial (двулетние): A plant that lives for two growing seasons; biennials typically produce only leaves in the first year, and then flower and set seed the following year.

Perennial (многолетние): A plant that lives year after year; all woody trees, shrubs, and vines, and many herbaceous species are perennials.

Deciduous (листопадные): Plants that lose their foliage during the winter months.

Evergreen (вечнозелёные): Plants that retain their foliage throughout the year.

Light Feeder (не требовательные к почве): Crops that can produce good yields on marginally fertile soil; includes most herbs, greens, and root crops.

Heavy Feeder (требовательные к почве): Crop that produces good yields only in highly fertile soil; examples include corn, cabbage, celery and broccoli.

Hybrid (гибриды): A plant cultivar resulting from the intentional cross-pollination of two closely related species or varieties.

Naturalized (распространяющиеся естественным способом): Plants that have spread over a large area over time, whether by self-seeding or via creeping rhizomes; this is the goal of native plant restoration

Volunteer (самосев): A plant that sprouts unexpectedly from seed, whether in a compost pile or a bed; unlike weeds, volunteers are desirable plants, such as tomatoes that sprout in a bed where they had been grown the previous year.

Variegated (вариегатные): Plants with multi-colored foliage.

Особый интерес представляют собой некоторые группы роз, названия которых также заимствованы из английского языка.

Шрабы (от англ. shrub — «кустарник») - это кустарники или полуплетистые розы, которые не входят в другие группы. Они отличаются обильным и продолжительным цветением; как правило, дают вторую волну. Цветки по форме могут напоминать чайно-гибридные, флорибунда или ностальгические старинные розы. Рамблеры (Rambler, R) – это вьющиеся розы классического английского сада. У них длинные (до 4-6 м), тонкие и гибкие побеги, которые могут быть поникающими или ползучими. Цветут эти плетистые розы на побегах прошлого года, хотя и однократно, зато очень обильно, образуя крупные соцветия мелких, простых или махровых цветков.

Клаймберы (Large-Flowered Climber, LCI) – это гибриды рамблеров с другими классами роз. Отличаются они от "родителей" толстыми и жесткими побегами и крупными цветками, которые образуются на побегах текущего (реже прошлого года) и иногда собраны в небольшие соцветия до 5 шт. Кроме крупных цветков характерная особенность этих роз – повторное цветение. В отличие от рамблеров они очень хорошо переносят обрезку.

Таким образом, культура садоводства в Великобритании имеет богатый вокабуляр, который заимствуется вместе с садоводческой традицией и в русский язык чаще всего с помощью транслитерации или калькирования.

Список литературы

1. Гудвин Г. Основы создания сада. Из опыта английских цветоводов. – Фитон, 2021. – 216с.
2. Culp David. Year at Brandywine Cottage, A: Six Seasons of Beauty, Bounty, and Blooms. - Timber Press; Illustrated edition, 2020. – 296 p.
3. Loades Greg. Modern Cottage Garden, The: A Fresh Approach to a Classic Style - Timber Press, 2020. – 256 p.

10.02.19

А.Р. Шамсутдинова

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, shamsutdinova-1@mail.ru

МАРКЕРЫ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ, ВЫРАЖЕННЫЕ НЕГЛАГОЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа посвящена исследованию неглагольных средств, служащих для выражения приблизительного количества во французском языке. Рассматривается разделение «аппроксиматоров» на группы в соответствии с их семантикой. Выявляется, что в состав маркеров приблизительности часто входят числительные, наречия, предложные конструкции.

Ключевые слова: *приблизительное количество, аппроксиматоры, предложные конструкции, семантика, числительное.*

В современной лингвистике существует представление о том, что человек часто мыслит нечеткими, расплывчатыми понятиями. В связи с этим возникает необходимость в анализе подобных «аппроксиматоров», в изучении их роли в языке. Актуальность данного исследования объясняется необходимостью выявить маркеры приблизительного количества, упорядочить их в определенные группы, а также выяснить какие части речи входят в их состав.

Во французском языке существуют маркеры приблизительности, которые позволяют участнику разговора не уточнять детали, поскольку нет возможности или намерения давать полную информацию о действии, предмете, признаке предмета и т.д.

Такие маркеры можно условно разделить на следующие группы:

1) указывающие на приблизительность количественного выражения (*à peu près, environ, presque, près de, autour de, approximativement ...*);

2) отмечающие приблизительность в лексическом плане (*quelque chose comme ça, plutôt, plus exactement, plus ou moins, ça et là, sorte de, genre de, espèce de ...*).

С точки зрения В.Г. Гака не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим непространственным сферам [2].

Наречия места *ça et là, autour de, alentour, près de* носят дейктический характер, они замещают конкретное обозначение места, употребляясь вместо предложно-именного оборота. Они показывают местоположение относительно другого объекта

В.Г. Гак выделяет семантико-грамматическую группу наречий количества и интенсивности. По мнению лингвиста, «... с числительными, наречиями и прилагательными употребляются интенсификаторы, показывающие приблизительность: *environ, quelque, presque, quasi, quasiment, à peu près*» [1].

Целью данной статьи является исследование возможностей репрезентации маркеров приблизительности различными неглагольными средствами во французском языке.

Во многих теоретических грамматиках французского языка (Вагнера и Пиншона, Вильме, Гревисса) понятие количественности в целом и приблизительности в частности упоминается лишь в связи с определенными грамматическими категориями (неопределенный артикль, наречия количества, детерминанты ...). Однако есть лингвисты, которые уделяют особое внимание приблизительности. По мнению П. Шародо, маркеры приблизительности характеризуются определенными свойствами: особой семантикой слов и словосочетаний, которые сопровождаются маркерами приблизительности; определенным количеством,

выражаемым числительным; вариациями степени количества (сильный, слабый). Усиление или ослабление количественного значения зависит от контекста, т.е. от социальных норм, которые определяют среднюю степень, опираясь на которую и происходит оценка [4].

В современном французском языке существует большое количество маркеров приблизительной оценки, которые могут быть выражены различными частями речи (наречия, предлоги, предложные конструкции и т.д.). Эти маркеры количественности могут содержать одно из следующих значений понятий приблизительности:

а) Они могут соответствовать информации, передаваемой числительным:

1. ряд числительных с суффиксом *-aine* (*quarantaine, cinquante* ...): *Le maître d'hôtel était un homme de la cinquante*.

2. *millier* : *des milliers* de manifestants, *un millier* de livres;

3. предложная конструкция *dans les* + числительное : *Il a dans les quarante ans*. *La planche que tu vois mesure dans les deux mètres*.

б) Семантика приблизительности присутствует в конструкциях, состоящих из двух указателей на определенные временные отрезки, между которыми располагается количественный детерминант. К этому типу маркеров приблизительности можно отнести:

1. два числительных, следующих подряд, без союзного слова (*deux-trois heures, les enfants de six, sept ans*);

2. два числительных, соединенных союзом или предлогом (*ou, entre, et*): *Nous avons reçu trente ou quarante mille réponses*. *Nous avons reçu entre trente et quarante mille réponses* [3];

3. числительные, соединенные предлогами *à, de ...à* (*quatre à cinq jours, de sept à huit ans*).

К маркерам приблизительности можно отнести конструкции, выражающие некоторое превышение срока реализации действия, указанного с помощью числительного + *et quelques, bon(ne)s, au moins, facilement, facile* : *On a mis trois jours et quelques pour arriver*. *Il nous a fallu trois bonnes heures pour terminer le travail* [3].

Во французском языке существуют также «аппроксиматоры», которые служат для указания недостигнутого временного отрезка, обозначенного числительным + *près de, pas loin de, à peine, tout au plus, au grand maximum, presque*: *Il te faudra près de (pas loin de, à peine) deux mois pour t'en remettre*.

Маркеры приблизительности часто состоят из сочетания предлогов с существительными с семантикой, указывающей дату, возраст, вес, меру величины, временной интервал, стоимость и т.п. К предлогам и наречиям, входящим в состав «аппроксиматоров» можно отнести *environ, aux environs, autour de, aux alentours de, quelque, vers, sur les, à peu près, de l'ordre de, quelque chose comme ça: aux environs de midi, aux alentours du quinze septembre*.

Одним из маркеров приблизительного количества во французском языке выступает наречие *facilement*. Его значение может варьировать в зависимости от контекста:

1) *facilement* = *avec facilité, sans effort, sans peine, aisement* (без труда, без усилий),
2) *facilement* = *pour peu de chose* (легко), 3) *facilement* = *au moins* (по меньшей мере, как минимум). В предложении *Elle a pris facilement dix kilos* очевидным является факт приблизительного количества набранного веса благодаря конструкции *facilement* + числительное.

В литературе можно встретить примеры, в которых *facilement* сопровождается наречиями степени *très, assez, si, plus, trop*, что не искажает его семантики приблизительности: *Nous passons trop facilement deux heures pour mettre au point une phrase*. В подобного рода фразах *facilement* указывает на то, что высшая отметка совершения действия достигнута. Это наречие также обладает семантикой «превышения, выхода за пределы» числительного: *On te donnerait facilement dix-huit ans*. [3]

Некоторые лингвисты полагают, что к маркерам приблизительности можно отнести *à peine*. Из большого количества адвербиальных конструкций, включающих в свой состав существительное *peine* (*pour peine de, sur peine de, en peine de, sous peine de, avec peine, sans peine, à toute peine, à grand peine*), наиболее употребляемым является *à peine*. Этим объясняется интерес к данному словосочетанию со стороны лингвистов, которые исследуют

его многозначность и находят синонимию с другими наречиями. Так, например, О. Дюкро считает, что в зависимости от контекста *à peine* может обладать семантикой наречий *peu* или *seulement* [5], Ж. Жайез находит сходство его значения с *presque* [7], М. Нойгаард утверждает, что его семантика приближена значению наречий *presque* или *juste* [8]. Выступая в роли «аппроксиматора», в зависимости от контекста может обладать также коннотативной семантикой: *Trois cents personnes à peine sont venues à l'exposition et pas des milliers comme on s'y attendait*.

Таким образом, на основании проведенного исследования приходим к выводу, что маркерами приблизительности во французском языке могут выступать различные части речи, чаще всего наречия, предложные конструкции. Однако большую роль играют числительные в составе конструкций, указывающих на некоторый временной интервал. В зависимости от контекста в роли «аппроксиматоров» могут оказаться адverbиальные выражения (*facilement, à peine*), семантика которых обычно не указывает на приблизительное количество.

Список литературы

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – С. 409.
2. Логический анализ языка. Языки пространств. Сборник статей / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134.
3. Base de données [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frantext.fr/> (дата обращения: 20.04.2021).
4. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris : Hachette Education, 1992. - P. 239.
5. Ducrot O. Dire et ne pas dire. Paris : Hermann, 1972.
6. Grevisse M. Le bon usage. – Duculot, 1993. – 1762 p.
7. Jayez J. L'inférence en langue naturelle. Paris : Hermès, 1988. – P. 196-206.
8. Nojgaard M. Les adverbes français. Essai de description fonctionnelle. – Copenhagen, 1993. – P. 3.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSВ.В. Агеносов, С.С. Царегородцева
МИФ О БЕЛОВОДЬЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА

Ключевые слова: старообрядчество, миф о Беловодье, град Китеж, исторический роман, областничество.

Старообрядчество как феномен патриархальной культуры со свойственным ему общинным устройством, уникальным бытом, нравственным кодексом веры и уникальной мифологией Г.Д. Гребенщиков активно изучал в первое десятилетие XX века и описал в публицистических и художественных текстах.

Э.Г. Айрапетова, И.П. Бакалдин
ПОЭМА А.А. МОСИЕНКО «ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ»:
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОМПОЗИЦИИ

Ключевые слова: А.А. Мосиенко, композиция, архитектоника, поэма, венок сонетов, форма и содержание.

В статье рассматриваются особенности композиции и ее формально-содержательная соотносительность с заглавным образом в поэме А.А. Мосиенко «Землетрясение». При этом обозначается ключевая эстетико-философская тенденция в творчестве Мосиенко, а также ее включенность в традиционный контекст русской литературы.

А.Р. Алдырханова-Каримова
МАГИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР, СВЯЗАННЫЙ С ПОЧИТАНИЕМ
ПРИРОДЫ, ЖИВОТНЫХ

Ключевые слова: мифология, фольклор, магическая сила, образ, верования, животный мир, башкирский народ, обычай.

В статье рассматриваются изыскания народного творчества, в которых некоторые животные образно наделены магической силой. Автор подчеркивает, что заговоры о животном мире занимают важное место в магическом фольклоре, связаны с тотемистическими верованиями. Анализируется талант башкирского народа, нашедшего воплощение в ряде эпических сказаний о чудесных конях, появившихся на земле из глубин морских вод («Аххак кола», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу «Кара Юрга» и т.д.), в которых ярко прослеживаются представления о родстве человека и животного.

И.Р. Гилязова, О.Г. Жукова
О РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: язык, мотивация, текстовая работа, культура, родной язык, лексика.

В данной статье мы рассмотрим некоторые теоретические аспекты преподавания русского языка как иностранного, например, мотивационный компонент, специфика учебных материалов для РКИ и особенности преподавания лексического материала иностранным обучающимся.

Т.Г. Дубинина
«ОНЕГИНСКИЕ» ПРЕТЕКСТЫ В РАССКАЗЕ И.С.
ТУРГЕНЕВА «СВИДАНИЕ»

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», И.С. Тургенев, «Записки охотника», претексты.

В статье на материале рассказа «Свидание» рассмотрен вопрос о влиянии романа в стихах «Евгений Онегин» на цикл И.С. Тургенева «Записки охотника». Пушкинский текст оказывается крайне важным для ранней прозы Тургенева. Однако, в отличие от великого предшественника, Тургенев не верит в возможность «оцельнения» человека. Персонажи тургеневского рассказа оказываются душевно несостоятельными и не выдерживают сравнения с героями Пушкина.

V.V. Agenosov, S.S. Tsaregorodtseva
MYTH ABOUT BELOVODIYE IN PUBLICITY AND
FICTION PROSE OF G.D.GREBENSHCHIKOV

Keywords: Old Believing, myth about Belovodiye, city Kityozh, historical novel, regionality.

G.D. Grebenshchikov was actively studying the phenomenon of Old Believers as patriarchal culture with the a characteristic community settlement, unique household and ethical code of faith and unique mythology in the first decade of the XX century and reflected it in publicity and fiction texts.

E.G. Ayrapetova, I.P. Bakaldin
A.A. MOSIENKO'S POEM "EARTHQUAKE":
AMBIVALENCE OF COMPOSITION

Keywords: A. A. Mosienko, composition, architectonics, poem, wreath of sonnets, form and content

The article deals with the features of the composition and its formal and meaningful correlation with the title image in the poem "Earthquake" by A. A. Mosienko. At the same time, the key aesthetic and philosophical trend in Mosienko's work is identified, as well as its inclusion in the traditional context of Russian literature.

A.R. Aldirhanova-Karimova
MAGIC FOLKLORE ASSOCIATED WITH THE WORSHIP
OF NATURE, ANIMALS

Keywords: mythology; folklore; magic power; image; beliefs; animal world; people; custom; nature.

The article treats national creativity in which some animals are colourful allocated by magic force. The authors emphasize that plots about fauna take an important place in magic folklore, are connected with totem- beliefs.

The author analyzes the talent of the Bashkir people embodied in a number of epic tales about wonderful horses that appeared on earth from the depths of sea waters ("Akhak Kola", "Ak buzat", "Zayatul yak and Khyukhylu "Kara Yurga") in which the ancient ideas about the kinship of man and animal are clearly traced.

I.R. Gilyazova, O.G. Zhukova
VARIOUS ASPECTS OF TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: language, motivation, text work, culture, native language, vocabulary.

In this article, we will consider some theoretical aspects of teaching Russian as a foreign language, for example, the motivational component, the specifics of educational materials for T, and the features of teaching lexical material to foreign students.

T.G. Dubinina
"ONEGINSKY" PRETEXT'S IN THE STORY
OF I.S. TURGENEV "DATE"

Keywords: A.S. Pushkin, "Eugene Onegin", I.S. Turgenev, "Notes of a Hunter", pretext.

In the article based on the story "Date" the question of the influence of the novel in verse "Eugene Onegin" on the cycle of I.S. Turgenev "Notes of a Hunter". Pushkin's text turns out to be extremely important for Turgenev's early prose. However, unlike his great predecessor, Turgenev does not believe in the possibility of a person's "healing". The characters in Turgenev's story turn out to be mentally untenable and cannot bear comparison with the heroes of Pushkin.

А.Р. Заболотская, А.А. Кирпичникова
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В РАССКАЗАХ
А.П. ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: реалии, художественный текст, способы перевода, эквивалент, коннотативное значение.

В статье анализируются реалии, представленные в рассказах А.П. Чехова «Анна на шее», «Ванька». Выделяются следующие группы реалий: ономастические, бытовые, религиозные и относящиеся к государственно-административному устройству. Рассматриваются основные способы перевода реалий указанных групп на английский язык.

A.R. Zabolotskaya, A.A. Kirpichnikova
REALIA IN THE STORIES OF A.P. CHEKHOV AND THEIR
TRANSLATION INTO THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: realia, a literary text, translation techniques, equivalent, connotative meaning.

The paper presents the results of the analysis of realia in the stories of A.P. Chekhov "Anna Round the Neck" and "Vanka" and their translation by Robert Payne. The techniques of conveying into English culture-bound lexemes presented in the stories are studied. The following groups of realia are distinguished: onomastic (proper names); household (places, clothes and headdress, food products, types of activities, distance units, forms of addressing people); religious (connected with the Orthodox religion); lexical units referring to the state and administrative system.

О.А. Карманова
ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
Е.Р. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

Ключевые слова: жанр, мемуарная проза, биографическая проза.

В работе представлено художественное своеобразие книги Е. Рождественской «Двор на Поварской» в русле жанрообразующих начал биографической прозы. Неопределенность жанровой специфики данной разновидности мемуарной прозы и малоизученность творчества автора делает данное исследование актуальным в современном литературоведении.

O.A. Karmanova
GENRE FEATURES OF THE BIOGRAPHICAL PROSE
OF E. R. ROZHDESTVENSKAYA

Keywords: genre, memoir prose, biographical prose.

The work presents the artistic originality of the book by E. Rozhdestvenskaya "Dvor na Povarskaya" in line with the genre-forming principles of biographical prose. The uncertainty of the genre specifics of this type of memoir prose and the little-studied creativity of the author makes this study relevant in modern literary studies.

Ц. Ли
ОБРАЗ БОЯНА В ПЕРЕВОДАХ «СЛОВА О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ» НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: переводы на китайский язык, Боян, «Слово о полку Игореве», доместикация, форенизация.

В славянском контексте образ Бояна из «Слова о полку Игореве» не только сочетает в себе историчность и мифологичность, но и развивается в особый культурный феномен. Сложность образа создает трудности для перевода на китайский язык, но в то же время и оставляет больше возможностей для его воссоздания. В данной статье исследуются характеристики переводов, сделанных во второй половине XX в., анализируются стратегии, используемые переводчиками, а также рассматриваются образы Бояна, воссоздаваемые в переводах.

Z. Li
THE IMAGE OF BOYAN IN THE CHINESE
TRANSLATIONS OF THE STORY OF IGOR'S CAMPAIGN

Keywords: Chinese translations, Boyan, the Story of Igor's Campaign, domestication, foreignization.

In the Slavic context, the image of Boyan of The Story of Igor's Campaign not only combines historicity and mythology, but also develops into a special cultural phenomenon. The complexity of this image not only creates difficulties for Chinese translators, but at the same time also leaves more expanses for its reconstruction. This article discusses the characteristics of translated texts compiled in the second half of the 20th century, undertakes analysis of the translation strategies used by translators, and thus examines the images of Boyan recreated by the translators.

Цзя Юннин, Г.Х. Алеева
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ
АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА

Ключевые слова: Арсений Несмелов, поэзия, художественное своеобразие, единство формы и содержания, Серебряный век. Статья посвящена творчеству А. Несмелова, крупнейшего поэта русского зарубежья первой волны дальневосточной ветви. Рассматривается художественное своеобразие его поэзии в четырех аспектах: экфрасис и миниатюрная форма китайских стихотворений, есенинская метафора, гумилевская предметность и сюжетность стихов, единство внутреннего и внешнего в посвященной теме, а также преемственность Серебряного века в темах и творческой идее.

Jia Yongning, G.Kh. Aleeva
THE ARTISTIC ORIGINALITY OF ARSENIY NESMELOV'S
POETRY

Keywords: Arseniy Nesmelov, poetry, artistic originality, unity of form and content, Silver Age.

The article is devoted to the work of Arseniy Nesmelov, the greatest Russian emigrant-poet in the Far Eastern branch of the first wave. It studies the artistic originality of his poetry in four aspects, namely: ekphrasis and the miniature form of Chinese poems, the Yesenin's metaphor and Gumilev's objectivity, and plot of poetry, the unity of the internal and external in the dedicated theme and the continuity of the Silver Age in themes and creative ideas.

А.С. Чугунов
СКАЗОЧНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА Ш. ИДИАТУЛЛИНА
«УБЫР»

Ключевые слова: Шамиль Идиатуллин, роман «Убыр», волшебная сказка, фабула, устойчивые элементы.

В статье выполнен сопоставительный анализ волшебной сказки и романа «Убыр», установлена структурная близость этих произведений, выделены основные функции и выяснены, как они распределяются по действующим лицам. В романе при помощи народной сказки утверждается особое видение мира. Для героя романа сказочность является способом восприятия действительности.

A.S. Chugunov
FABULOUS STRUCTURE OF THE NOVEL BY SH.
IDIATULLIN "UBYR"

Keywords: Shamil Idiatullin, novel "Ubyr", fairy tale, plot, stable elements.

The article provides a comparative analysis of the plot of the fairy tale and the text of the novel "Ubyr", establishes the structural similarity of these works, highlights the main functions and clarifies how they are distributed among the characters. Sh. Idiatullin, with the help of a folk tale, creates a special vision of the world. For the character of the novel, fabulousness is a way of perceiving reality.

С.Н. Ширяева

ПСЕВДОДОКУМЕНТАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ С.
ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «КУРТКА
ФЕРНАНА ЛЕЖЕ»)*Ключевые слова:* С. Довлатов, «Чемодан», рассказ «Куртка Фернана Леже», псевдодокументализм, предметная деталь.*В статье представлено комплексное изучение рассказа «Куртка Фернана Леже». Впервые указанное произведение было изучено через сопоставление биографических фактов автора и описанных событий в тексте.*

Г.Л. Арсентьева

РАДИОПРОГРАММА «БОН ВОЯЖ» В КОНТЕКСТЕ
ПРИМЕНЕНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ
РАДИОЖУРНАЛИСТИКИ*Ключевые слова:* радиожурналистика, радиопрограмма, звуковой образ, выразительные средства.*В статье рассматривается программа «Бон Вояж» радиостанции «Серебряный дождь», как один из примеров использования темы путешествий в радиожурналистике, с позиции применения в ней выразительных средств. Сделана попытка выявления количества и качества выразительных средств данной программы в контексте тенденций развития современной радиожурналистики.*

Д.С. Ищенко

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ»
В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ ЕГО
ТЕКСТОВ*Ключевые слова:* концепция издания, миссия издания, языковые единицы, лингвостилистические компоненты.*Статья посвящена вопросам отражения концепции издания в языке и стилистике его текстов. На материалах журнала «Континент» рассматривается соответствие миссии издания и его предназначения в обществе тем языковым единицам, посредством которых конструируется контент журнала. В результате выявления лингвостилистических особенностей материалов, представленных в журнале, приходим к заключению о невозможности исполнения заявленных редактором и авторами целей издания. Это позволяет делать выводы литературоведческого характера.*А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Р. Юнусова, В.Д. Чистонов,
В.А. Перминова, А.В. Зайнуллин, Г.Р. Мустафина,
Ф.Б. Рахматова, Н.А. ШамсиевВКЛАД ЖУРНАЛИСТА, ПИСАТЕЛЯ С.А. ПАНАСЕНКО
В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН*Ключевые слова:* журналистика, медицина, общественное здоровье, спорт.*На протяжении 10 лет, начиная с первого номера, выпускница филологического факультета Башкирского государственного университета Светлана Алексеевна Панасенко руководила изданием газеты «Медик» Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ, в последующем 30 лет работала в газете «Аудитория» Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы. Журналист, писатель С.А. Панасенко — один из организаторов студенческой журналистики в Республике Башкортостан.*Ш.М. Султанбегова, Г.А. Магомедов
РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОЙ И
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*Ключевые слова:* гражданская идентичность, этническая идентичность, средства массовой коммуникации, Интернет, этническое сознание.*В статье рассматриваются процессы формирования гражданской и этнической идентичности, происходящие в условиях глобализации и социокультурных трансформаций.*

S.N. Shiryayeva

PSEUDODOCUMENTALISM IN THE WORKS OF S.
DOVLATOV (CASE STUDY: THE CHAPTER «FERNAND
LEGER'S JACKET»)*Keywords:* S. Dovlatov, Suitcase collection, Fernand Leger's Jacket story, pseudodocumentalism, subject detail.*The article presents a comprehensive study of the "Fernand Leger's Jacket" story. It is the first time the story is studied through correlation of biographic facts of the author and the events outlined in the text.*

G.L. Arsenteva

RADIO PROGRAM "BON VOYAGE" IN THE CONTEXT
OF USE OF EXPRESSIVE MEANS OF RADIO JOURNALISM*Keywords:* radio journalism, radio program, sound image, expressive means.*The article examines the program "Bon Voyage" of the radio station "Silver Rain" as one of the examples of the use of the theme of travel in radio journalism, from the point of view of the use of expressive means in it. An attempt is made to identify the quantity and quality of the expressive means of this program in the context of the development trends of modern radio journalism.*

D.S. Ishchenko

REFLECTION OF THE CONCEPT OF THE MAGAZINE
«CONTINENT» IN THE LINGUISTIC AND STYLISTIC
COMPONENTS OF HIS TEXTS*Keywords:* publication concept, publication mission, language units, linguistic-stylistic components.*The article is devoted to the reflection of the concept of the publication in the language and style of its texts. On the basis of the materials of the journal "Continent", the correspondence of the mission of the publication and its purpose in society to the linguistic units of the journal texts is considered. As a result, we come to the conclusion that it is impossible to fulfill the goals of the editor and the authors. We can draw conclusions of a literary nature.*А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Р. Юнусова,
В.Д. Чистонов, В.А. Перминова, А.В. Зайнуллин,
Г.Р. Мустафина, Ф.Б. Рахматова, Н.А. Шамсиев
CONTRIBUTION OF JOURNALIST, WRITER
S.A. PANASENKO IN THE DEVELOPMENT OF
JOURNALISM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN*Keywords:* journalism, medicine, public health, sports.*For 10 years, starting from the first issue, Svetlana Alekseevna Panasenka, a graduate of the philological faculty of the Bashkir State University, directed the publication of the Medic newspaper of the Bashkir State Medical Institute named after the 15th anniversary of the Komsomol, and then worked for the Auditoria newspaper of the Bashkir State University for 30 years. Journalist, writer S.A. Panasenka is one of the organizers of student journalism in the Republic of Bashkortostan.*Sh.M. Sultanbegova, G.A. Magomedov
THE ROLE OF REGIONAL MASS MEDIA IN THE
DEVELOPMENT OF CIVIC AND IDENTITY*Keywords:* civic identity, ethnic identity, mass media, Internet, ethnic consciousness.*The article examines the processes of the formation of civil and ethnic identity taking place in the context of globalization and socio-cultural transformations. The author pays special attention to the role of national mass media in the formation of civic and national values.*

Автор уделяет особое внимание роли национальных средств массовой коммуникации в формировании гражданских и национальных ценностей.

Актуальность данной темы обусловлена поиском необходимых инструментов в формировании гражданского самосознания молодого поколения. В статье сделан особый акцент на развитие этнической идентичности посредством интернет-коммуникаций.

Г.К. Исмаилова, Ван Цзини

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ МЕМА

Ключевые слова: Интернет-мем, креолизованные тексты, семитотика.

В статье рассматривается феномен интернет-мемов, предпринимаются попытки выявления особенностей их структуры, функционирования в социальных сетях. Рассмотрение культурных аспектов функционирования Интернет-мемов основано на предположении об их связи с феноменом социальной памяти. На основе анализа серии популярных мемов «Ну как тебе такое, Илон Маск?» установлены закономерности их создания и распространения, а также факторы успешности.

П.Е. Топорков

ПРЕДИКАТИВ В ЖАРГОНАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: предикатив, жаргон, состояние, оценка, категория состояния, предложно-надежная форма.

Цель исследования – дать обзор основных семантико-грамматических проблем, связанных с лексикографическим описанием, а также функционированием предикатива и категории состояния в жаргонах русского языка. Научная новизна исследования заключается в формировании системного подхода к решению проблемы семантико-грамматического статуса предикатива как класса слов в русском языке с учётом социолингвистических данных русских жаргонов. В результате исследования описаны основные семантические, словообразовательные и грамматические закономерности функционирования данного класса слов в жаргонах в динамике взаимодействия со сферой литературного языка.

Е.А. Боброва, Ю.Б. Косова

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ‘ПУТЕШЕСТВИЕ’ В ПОЭМЕ ДЖ. ЧОСЕРА ‘КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ’

Ключевые слова: языковая репрезентация концепта, среднеанглийский период, Дж. Чосер, “Кентерберийский рассказы”, диахроническое исследование концепта, эволюция концепта, концептосфера.

В статье приводятся результаты исследования языковой представленности концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в произведении Дж. Чосера “Кентерберийские рассказы”, которое осуществлялось на основе диахронического подхода к исследованию концептов. Проведен анализ языковых репрезентаций состояния концепта на одном из этапов его эволюции. В результате структурно-семантического, этимологического и контекстуального анализа языковых репрезентаций концепта ПУТЕШЕСТВИЕ и выделения его концептосферы, была выявлена религиозная христианская доминанта, определившая содержание концепта в данном произведении и актуализирующая его характерные признаки в языковой картине мира среднеанглийского периода.

В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЫ ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурс, фразеологические интенсификаторы, иллокутивная сила, речевой акт, интенсивность,

The relevance of this topic is due to the search for the necessary tools in the formation of civic consciousness of the young generation. The article focuses on the development of ethnic identity through Internet communications.

G.K. Ismagilova, Wang Jining

THE LINGUISTIC POTENTIAL OF THE INTERNET MEME

Keywords: Internet-meme, creolized texts, semiotics.

The article deals with the phenomenon of the Internet-memes, attempts to identify the structural features of internet memes, functioning in the social networks. The consideration of the cultural aspects of Internet memes is based on the assumption of their connection with the phenomenon of social memory. Based on the usage of popular memes «How do you like it, Elon Musk?», established the patterns of development and distribution of internet memes, as well as the factors that influence their success.

P.E. Toporkov

PREDICATIVE IN RUSSIAN SLANGS

Keywords: predicative, slang, state, appraisal, category of state, prepositional-case form.

The aim of the study is to provide an overview of the main semantic and grammatical problems associated with the lexicographic description, as well as the functioning of the predicative and the category of state in Russian slangs. The scientific novelty of the research lies in the formation of a systematic approach to solving the problem of the semantic and grammatical status of a predicative as a class of words in Russian with reference to the sociolinguistic data. As a result of the research, the paper reveals the main semantic, derivational and grammatical patterns of functioning of this class of words in Russian slangs in the dynamics of interaction with the sphere of the literary language.

E.A. Bobrova, Yu.B. Kosova

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT ‘TRAVEL’ IN THE POEM OF J. CHAUCER ‘THE CANTERBURY TALES’

Keywords. Language representations of a concept, Middle-English, concept, J. Chaucer, “The Canterbury Tales”, diachronic research of concepts, conceptual sphere, evolution of a concept.

The article provides the research results of the concept TRAVEL presented in the Middle-English poem “The Canterbury Tales” by J. Chaucer. The study is based on diachronic approach to research of the concept, which includes the study of language representations of the concept at a particular stage of its evolution. The research provides socio-cultural, historical and etymological analysis of the concept’s lexical representatives, which was followed by description of the social imperatives and cultural determinants of the Middle-Age state of the concept TRAVEL. Conceptual sphere, including the system of related concepts and determining the social-cultural components of the TRAVEL concept, was described in the study. As a result of multi-level conceptual analysis, it was revealed that the concept TRAVEL due to the language picture given by J. Chaucer in the text, is presented through Christian religious dominant reflecting the main social imperatives fixed in the Middle-English language picture.

V.E. Glyzina, N.E. Gorskaya, A.V. Fedoryuk

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS IN THE FORMATION OF THE ILLOCUTIONARY FORCE OF DISCOURSE

Keywords: discourse, phraseological intensifiers, illocutionary

иллокутивная цель, интенциональное состояние.

Целью статьи является исследование формирования иллокутивной силы речевого акта с точки зрения комплексного подхода. Подчеркивается, что ключевая роль в данном процессе принадлежит фразеологическим интенсификаторам. Описываются способы достижения асертивной и директивной иллокутивных целей высказываний в дискурсе.

В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, М.Б. Санина
РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ
В АРГУМЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: аргументация, дискурс, фразеологические интенсификаторы, иллокутивная сила, макроречевой акт.

В статье исследуются фразеологические интенсификаторы в рамках теории аргументации. Описываются различные точки зрения исследователей на данную проблему. Используется интерпретативный метод, в основе которого лежит процедура использования макроречевого акта. Представлен подробный лингвистический анализ исследования роли фразеологических интенсификаторов в аргументированном дискурсе. Делается вывод о том, что фразеологические интенсификаторы в макроречевом акте являются основным средством речевой стратегии, способные усилить иллокутивную силу высказывания.

Е.П. Дмитрива, А.В. Жиганова, Т.П. Смирнова
«ЛУННАЯ СОНАТА» Л.ВАН БЕТХОВЕНА: СТИЛЕВАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ

Ключевые слова: Л. ван Бетховен, «Лунная соната», Дж.

Леннон, Because, прецедентный текст, Ю.Н. Караулов.

«Лунная соната» (Mondscheinsonate, 1801) Л. ван Бетховена анализируется в статье как пример (музыкального) «прецедентного текста» (Ю.Н. Караулов), диссипативной порождающей модели новых стилистических образов и аналогий. Вариантом стилевой интерпретации «Лунной сонаты» Л. ван Бетховена в неакадемической музыке рассматривается композиция «Because» Дж. Леннона (The Beatles). В указанном ракурсе музыкальные сочинения Бетховена и Леннона исследуются впервые.

О.В. Звада
ИЗУЧЕНИЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ КАК ОДИН ИЗ
СПОСОБОВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Ключевые слова: лексическая компетенция, газета, заголовок, публикации, формирование, совершенствование.

В статье рассматривается один из способов обучения английскому языку на примере газетных заголовков, представленных в британской прессе. Целью статьи является анализ трёх компонентов, составляющих лексическую компетенцию – когнитивного, действенно-практического и рефлексивного. В задачи статьи входит лексико-грамматический анализ языковых особенностей заголовков, способствующих формированию лексической компетенции. Установлено, что получение информации из заголовков представляет собой один из эффективных способов повышения уровня владения английским языком.

А.Р. Курамшина
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНОФИЛЬМА ААРОНА СОРКИНА
«MOLLY'S GAME»)

Ключевые слова: невербальные средства, невербальный код, кинофильм, кинодискурс, образ, успех, успешность.

Данная статья посвящена исследованию невербальных средств создания образа успешного человека на материале художественного кинофильма. В настоящей работе кинофильм рассматривается в качестве дискурса. В результате проведенного анализа были выявлены характеристики образа успешного человека, репрезентированные в кинофильме невербально.

force, speech act, intensity, illocutionary point, intentional state. The aim of the article is to study the formation of the illocutionary force of a speech act from the point of view of an integrated approach. It is emphasized that the key role in this process belongs to phraseological intensifiers. The ways of achieving assertive and directive illocutionary points of statements in the discourse are described.

V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, M.B. Sanina
THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS
IN REASONED DISCOURSE

Keywords: argumentation, discourse, phraseological intensifiers, illocutionary force, macro-speech act.

The article examines phraseological intensifiers within the theory of argumentation. The authors review various points of researchers' view on this problem. They apply an interpretive method, which is based on the procedure for using the macro-speech act. A detailed linguistic analysis of studying of the role of the phraseological intensifiers in reasoned discourse is presented. The authors come to the conclusion that the phraseological intensifiers are the main means of speech strategy in the macro-speech act and they can enhance the illocutionary power of the utterance.

E.P. Dmitrova, A.V. Zhiganova, T.P. Smirnova
“MOONLIGHT SONATA” BY L. VAN BEETHOVEN:
STYLISTIC INTERPRETATION IN NON-ACADEMIC MUSIC

Keywords: L. van Beethoven, “Moonlight Sonata”, J. Lennon, “Because”, precedent text, Yu. N. Karaulov.

The article analyzes the “Moonlight Sonata” (Mondscheinsonate, 1801) by L. van Beethoven as an example of (musical) “precedent text” (Yu. N. Karaulov) and a dissipative generating model of new images and analogies. John Lennon's song “Because” (The Beatles) is considered a stylistic interpretation version of the “Moonlight Sonata” by L. van Beethoven in non-academic music. It is for the first time that Beethoven's and Lennon's musical compositions are analyzed from this perspective.

O.V. Zvada
THE STUDY OF NEWSPAPER HEADLINES AS ONE OF
THE WAYS TO IMPROVE FOREIGN LANGUAGE LEXICAL
COMPETENCE

Keywords: lexical competence, newspaper, headline, publications, formation, improvement.

The article considers one of the ways of teaching English by the example of newspaper headlines presented in the British press. The purpose of the article is to analyze the three components that make up lexical competence – cognitive, effective-practical and reflexive. The tasks of the article include lexical and grammatical analysis of the linguistic features of headings that contribute to the formation of lexical competence. It is established that getting information from headlines is one of the most effective ways to improve the level of English language proficiency.

A.R. Kuramshina
NONVERBAL MEANS OF CREATING THE IMAGE OF A
SUCCESSFUL PERSON (BASED ON THE FILM
«MOLLY'S GAME»)

Keywords: nonverbal means, film, film discourse, image, success. This article is devoted to the study of nonverbal means of creating the image of a successful person in a feature film. The study emphasizes the need to regard a film as a discourse. The results showed the characteristics of a successful person represented in the film by the means of nonverbal communication.

А.А. Никонов
МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ПРЯМОМ
ФУТБОЛЬНОМ РЕПОРТАЖЕ

Ключевые слова: метадискурс, метадискурсивные маркеры, дискурс, прямой футбольный репортаж.

Статья посвящена изучению интерактивных коммуникативных ресурсов прямого футбольного репортажа на британском телевидении. Эмпирический материал исследования позволил выявить способы взаимодействия футбольного комментатора с телезрителями. Анализ показал, что данный дискурс содержит ряд интерактивных метадискурсивных маркеров, которые делают репортажи более привлекательными для аудитории.

С.А. Радионова
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ОНКОБОЛЬНЫХ
ГЕРОЕВ РОМАНА ДЖОНА ГРИНА «ВИНОВАТЫ ЗВЕЗДЫ»

Ключевые слова: депрессия, болезнь, боль, рак, смерть.

В статье описаны способы репрезентации эмоционального состояния онкобольных героев романа американского писателя Джона Грина «Виноваты звезды». Выявлены стилистические приемы и выразительные средства, позволяющие передать душевные переживания смертельно больных персонажей. Проведена научная интерпретация текста романа.

С.Н. Саможенов, Ю.Н. Зинцова, А.А. Кузьмичева,
И.В. Матвеева
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: рекламные тексты, немецкий язык, стилистические и лингвопрагматические особенности, коммуникативный эффект, языковые средства.

В работе рассматривается стилистическая и лингвопрагматическая специфика немецкоязычных рекламных текстов, которые отличаются определенной нестандартностью, оригинальными решениями с отказом от шаблонов, штампов и клише. Все указанные средства и приемы рекламных текстов позволяют привлечь внимание потребителя, перевести его из состояния восприятия сообщаемой в текстах информации в состояние выполнения определенного действия, что говорит о достижении коммуникативного эффекта и реализации прагматической установки текстов.

М.С. Харченко, Т.В. Горбунова
ГЛАГОЛЫ КАУЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ БОЛИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: прототип, каузация, глаголы боли.

Статья посвящена изучению глаголов каузации физической боли с позиций прототипической семантики. Предпринимается попытка определения прототипической ситуации каузации боли и деления исследуемых глаголов на семантические группы.

Г.З. Шараева
АНАЛИЗ КОНВЕРСИВОВ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ
УРОВНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ
СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

Ключевые слова: конверсивы, фразеологические единицы, английский язык.

В работе раскрываются продуктивные способы образования конверсивов на фразеологическом уровне. Пристальное внимание уделяется использованию конверсивов в современной англоязычной и русскоязычной прессе.

Ч.З. Абдуллина
СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ, ЯЗЫКОВАЯ
ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Ключевые слова: современная языковая ситуация, языковая политика, двуязычие, сферы применения языков.

A.A. Nikonov
META-DISOURSE MARKERS IN A LIVE FOOTBALL
REPORTAGE

Keywords: meta-discourse, meta-discourse markers, discourse, live football reportage.

The research is devoted to the study of the interactive communicative resources of live football reporting on British TV. The empirical material of the study revealed the means by which football commentators interact with the viewers. The analysis has shown that the discourse under consideration contains a number of interactive meta-discourse markers that make the reports more attractive to the audience.

S.A. Radionova
LANGUAGE MEANS OF CANCER PATIENTS'
EMOTIONAL STATE REPRESENTATION IN THE NOVEL
"THE FAULT IN OUR STARS" BY JOHN GREEN

Keywords: depression, disease, pain, cancer, death.

This paper highlights emotional state representation of cancer patients in the novel "The Fault in Our Stars" by a modern American writer John Green. Stylistic devices and language means used to describe emotional experiences of dying people are defined. Scientific interpretation of the literary text is presented.

S.N. Samozhenov, J.N. Zintsova, A.A. Kuzmicheva,
I.V. Matveeva
STYLISTIC AND LINGUOPRAGMATIC FEATURES OF
ADVERTISING TEXTS IN MODERN GERMAN

Keywords: advertising texts, German, stylistic and linguopragmatic features, communicative effect, language units. The work examines the stylistic and linguopragmatic specificity of German-language advertising texts. These texts are distinguished by a certain non-standard, original solutions with the rejection of templates, stamps and cliches. All these means and techniques of advertising texts allow attracting the attention of the consumer, transferring it from the state of perception of the information reported in the texts to the state of performing a certain action. This indicates the achievement of the communicative effect and the implementation of the pragmatic attitude of the texts.

M.S. Kharchenko, T.V. Gorbunova
VERBS OF PHYSICAL PAIN CAUSATION IN
CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE

Keywords: prototype, causation, verbs of physical pain

The article is devoted to the analysis of the verbs of physical pain causation in the light of prototype semantics. Authors try to define the prototype situation of physical pain causation and divide the verbs of physical pain causation into semantic groups.

G.Z. Sharaeva
ANALYSIS OF CONVERSES AT THE PHRASEOLOGICAL
LEVEL IN THE ENGLISH AND RUSSIAN MODERN PRESS

Keywords: converses; phraseological units; the English language.

This research reveals productive ways of forming converses at the phraseological level. Close attention is paid to the use of converses in the modern English and Russian press.

Ch.Z. Abdullina
MODERN LANGUAGE SITUATION, LANGUAGE POLICY
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Keywords: the current language situation, language policy, bilingualism, areas of application of languages.

Любая языковая ситуация определяется целым рядом объективных факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, но прежде всего языковой политикой, которая осуществляется данным государством. От национальной политики государства зависит языковая политика. Одним из признаков национальной культуры является язык. Именно, поддерживая национальную культуру, государство поддерживает и сохраняет национальный язык.

Д.В. Бобков, Г.Ф. Мратхузина, Э.А. Хабибуллина
ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫХ СТРУКТУР В
ИНДИИ: ПАРАДИГМЫ И ДИСКУРСЫ

Ключевые слова: индийский полилингвизм, лингвистическая типологизация, современные парадигма и дискурс.

Всегда исторический и культурный образ Индии в России основывался на взаимном стратегическом партнерстве, в настоящее время в академических парадигмах он приобретает системную связь.

Сегодня особую актуальность приобретает проблема коммуникативных стратегий в контексте татаро-индийских контактов и векторов современного дискурса по примерам моделирования ситуационного аспекта общения с индийскими делегациями и представителями индийской диаспоры.

Теперь для Казанского федерального университета подготовка будущих переводчиков с индийских языков для Республики Татарстан становится приоритетной, а с учетом соответствующей разнообразной языковой ситуации в Индии особенно актуальной.

Any language situation is determined by a number of objective factors, both linguistic and extralinguistic, but above all by the language policy that is implemented by this state. The language policy depends on the national policy of the state. One of the signs of the national culture is the language. It is by supporting the national culture that the state supports and preserves the national language.

D.V. Bobkov, G.F. Mratkuzina, E.A. Khabibullina
TYPOLOGIZATION OF POLYLINGUAL STRUCTURES IN
INDIA: PARADIGM AND DISCOURSE

Keywords: Indian polylingualism, linguistic typology, modern paradigm and discourse.

The historical and cultural image of India in Russia has always been based on mutual strategic partnership; now, in academic paradigms, it is acquiring a systemic connection.

Today, the problem of communicative strategies in the context of Tatar-Indian contacts and vectors of modern discourse on the examples of modeling the situational aspect of communication with Indian delegations and representatives of the Indian diaspora is gaining special relevance.

The training of future translators from Indian languages for the Republic of Tatarstan is now becoming a priority at Kazan Federal University, and taking into consideration the corresponding diverse linguistic situation in India, it is especially relevant.

К.Ю. Василюк
ТРАУРНАЯ РЕЧЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ
КОМПОНЕНТ РИТУАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

Ключевые слова: ритуал, ритуальное событие, траурная речь. Статья раскрывает содержание понятий «ритуал» и «ритуальное событие». Значительное внимание уделяется особенностям траурной британской речи как кульминационному моменту ритуального события. В статье также исследуются стратегии и содержание траурных текстов.

K.Yu. Vasilyuk
EULOGY AS THE COMMUNICATIVE COMPONENT OF
THE RITUALISTIC CEREMONY

Keywords: ritual, ritualistic ceremony, eulogy.

The article reveals the concepts of "ritual" and "ritualistic ceremony". Special attention is given to the peculiarities of the phenomenon of the British eulogy as the central part of the ritualistic ceremony. The article also studies the strategies of the eulogy as well as its content.

К.Д. Войцех
ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Ключевые слова: языковая игра, двусмысленность, кинематографический дискурс, кинодискурс.

В статье рассматривается двусмысленность как основа для создания языковой игры в кинематографическом дискурсе. Даются определение двусмысленности, а также различные формы языковой игры, так или иначе построенные на реализации двух планов содержания высказывания. Статья содержит богатый иллюстративный материал из англоязычных телесериалов последнего десятилетия.

K.D. Voytsek
AMBIGUITY AS A BASIS FOR WORDPLAY
Keywords: wordplay, ambiguity, film discourse, cinematographic discourse.

The article examines ambiguity as a basis for creating wordplay in film discourse. The article gives a definition of ambiguity and an overview of various forms of wordplay based on the implementation of two content planes of an utterance. The article contains rich illustrative material from English-language television series of the last decade.

А.В. Гуркова
ВРЕМЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ

Ключевые слова: категория времени, объективное время, субъективное время, темпоральность.

В данной статье представлены основные этапы развития категории времени в философии и лингвистике. Произведен обзор этапов формирования представления философами и учеными о времени в период античности, средневековья, Возрождения, XIX-XX веков, а также современности.

A.V. Gurkova
TIME AS A PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC
CATEGORY

Keywords: time category, objective time, subjective time, temporality.

This article presents the main stages of the development of the category of time in philosophy and linguistics. The review of the stages of formation of the concept of time by philosophers and scientists in the period of antiquity, the Middle Ages, the Renaissance, the XIX-XX centuries, as well as modernity is made.

Н.В. Зененко, Л.П. Сон
ИНТЕРАКЦИЯ С ИНТЕРАКТИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ:
АКТИВАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ЧЕЛОВЕКА

Ключевые слова: интеракция, интерактивные материалы, мультимедийные средства, когнитивные возможности человека.

Научно-технический прогресс, компьютерные устройства и

N.V. Zenenko, L.P. Son
INTERACTION WITH INTERACTIVE MATERIALS:
ACTIVATION OF HUMAN COGNITIVE CAPABILITIES
Keywords: interaction, interactive materials, multimedia, human cognitive capabilities.

Scientific and technological progress, computer devices and systems, the Worldwide Information Network give rise to new evolving means and forms of communication between people.

системы, Всемирная информационная сеть порождают новые эволюционирующие средства и формы общения между людьми. Подконтрольным взаимодействием индивида с мультимедийными средствами становится интеракция с интерактивными материалами. Импульсом активации когнитивных возможностей человека становятся мультимедийные средства. Результат подобного взаимодействия формирует ответную реакцию человека, что приводит к существенным изменениям в системе языка.

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
К ПРОБЛЕМЕ УНИФИКАЦИИ И СТАНДАРТИЗАЦИИ
ТЕРМИНОВ ЛОГИСТИКИ

Ключевые слова: терминосистема, логистика, аббревиация, лексикография, английский язык.

Статья посвящена конкретизации проблемного поля в рамках стандартизации и унификации терминологической системы логистики как науки. Авторы также рассматривают основную источник пополнения словарного состава терминосистемы логистики – аббревиацию (и ее основные типы). Отмечено, что проблема терминологической неопределенности логистики также создает трудности в кросскультурной коммуникации.

Е.Ф. Киров
ДИСКУРС И ТЕКСТ

Ключевые слова: текст; дискурс; цепь событий; перформативность, текстовое время.

Референтной стороной дискурса и текста является цепь событий в реальном или виртуальном мире. Текст является означающим дискурса, дискурс – означаемым текста. Дискурс протекает в реальном времени, текст имеет собственное виртуальное время. Устный дискурс может совпадать с текстом и храниться как в памяти (в древнее время), так и на материальном носителе (в письменное и цифровое время). Текст является знаком дискурса.

О.Л. Крамаренко, О.Ю. Богданова, Ю.В. Мошкина, Н.О. Орлова
ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИКРОСТРУКТУРЫ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ВОЕННЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ УЧЕБНОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ключевые слова: высшие учебные заведения Министерства обороны, терминологический словарь, учебная лексикография, словник, лексический минимум, носители языка, иностранцы. В статье рассматривается проблема формирования словаря терминологического словаря с учетом принципов учебной лексикографии. Актуальность данной работы заключается в необходимости создания терминологических словарей, отвечающих современным требованиям, для эффективного использования в учебном процессе военного вуза. Выявляется круг проблем, возникающих при создании терминологического словаря в высших учебных заведениях Министерства обороны. Делается вывод о том, что учет принципов учебной лексикографии позволяет осуществить комплексный подход к формированию микроструктуры терминологического словаря.

О.Г. Остапенко
К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XVI - XVII ВЕКОВ

Ключевые слова: англицизм, заимствование, иноязычная лексема, англо-русские языковые контакты.

В статье рассматриваются особенности функционирования ранних английских заимствований в русском языке. Автор представляет обзор путей адаптации англицизмов в русском языке на начальном этапе. Проведенный анализ показывает, что появление английских заимствований в русском языке обогатило письменную и устную речь в XVI-XVII веках и способствовало более тесным международным контактам.

Interaction with interactive materials becomes the controlled interaction of an individual with multimedia. The impulse for activating human cognitive capabilities is multimedia. The result of such an interaction forms the response of a person, which leads to significant changes in the language system.

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
ON THE PROBLEM OF LOGISTICS TERMINOLOGY
UNIFICATION AND STANDARDIZATION

Keywords: system of terminology, logistics, abbreviation, lexicography, English.

The article specifies the problematic field of logistics terminology unification and standardization. The authors also study the main source of logistics terminology word stock – that of abbreviation and its major types. The issue of terminology ambiguity in logistics may also provoke problems in cross-cultural communication.

E.F. Kirov
DISCOURSE AND TEXT

Keywords: text, discourse, the chain of events, performativity, text time.

The content side of the discourse and the text is a chain of events in the real or virtual world. The text is the signifier of the discourse, the discourse is the signified of the text. The discourse flows in real time, the text has its own virtual time.

O.L. Kramarenko, O.Y. Bogdanova, Y.V. Moshkina, N.O. Orlova
FORMATION PRINCIPLES OF MICROSTRUCTURE OF THE
TERMINOLOGICAL DICTIONARY FOR MILITARY
SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF EDUCATIONAL
LEXICOGRAPHY

Keywords and phrases: higher educational institutions of the Ministry of Defense, terminological dictionary, educational lexicography, vocabulary, lexical minimum, native speakers, foreigners.

The article deals with the problem of forming a vocabulary of a terminological dictionary, taking into account the principles of educational lexicography. The relevance of this work lies in the need to create terminological dictionaries that meet modern requirements for effective use in the educational process of a military university. The authors reveal a range of problems arising during the creation of a terminological dictionary in higher educational institutions of the Ministry of Defense. It is concluded that taking into account the principles of educational lexicography allows for an integrated approach to the formation of the microstructure of the terminological dictionary.

O.G. Ostapenko
TO THE QUESTION OF THE APPEARANCE OF
ANGLICISMS IN RUSSIAN LANGUAGE AT THE END OF
THE XVI-XVII CENTURIES

Keywords: anglicism, borrowing, foreign language lexeme, English-Russian language contacts.

The article deals with the peculiarities of functioning of early English borrowings in Russian language. The author presents a review of the ways of adapting anglicisms in Russian language at the initial stage. The analysis shows that the appearance of English borrowings in Russian enriched written and oral speech in the XVI-XVII centuries and contributed to closer international contacts.

А.А. Писаренков, С.Е. Писаренкова
 СИНДРОМ «ПОСТТРАМПА» В АМЕРИКАНСКОМ
 ЛИБЕРАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СИМВОЛЫ,
 МЕТАФОРЫ И АЛЛЮЗИИ

Ключевые слова: метафора, аллюзия, политический дискурс, идеология, символы.

В статье рассматриваются способы презентации эпохи Трампа и итоги деятельности его администрации в либеральном политическом дискурсе. Анализируются ключевые метафоры, аллюзии, символы и сюжетные линии, используемые в либеральных нарративах для описания действий политических оппонентов.

Е.Н. Поснова, В.Р. Габдуллина, О.В. Назина
 РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И
 СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В
 РАЗВИТИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В
 НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: термин, специальная лексика, медицинская терминология, семантический критерий, самостоятельность мышления, самообразовательная деятельность, компетенция, студент-медик.

В работе представлены результаты изучения понятий «термин» и «лексика», а так же методов изучения терминологии и медицинской лексики на иностранном языке для развития общекультурных компетенций студента неязыкового вуза.

Е.Е. Сафронова, А.А. Бекетова
 ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
 ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК
 СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: греко-латинские заимствования, этимология, номинация, повседневная лексика, языковой дискурс.

В статье рассматриваются греко-латинские заимствования в русском языке. Слова греческого и латинского происхождения актуальны для современного дискурса, так как они служат номинациями не только политических, экономических, юридических и других реалий, а также полноценными единицами повседневного языкового обихода, которые вызывают повышенный интерес у носителей языка ввиду регулярного использования.

Л.А. Тюкина
 ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
 АНЕКДОТЫ В ЭПОХУ COVID-19

Ключевые слова: юмористический диалогический дискурс; бытовой анекдот; юмор, коронавирус.

В работе исследуются анекдоты о коронавирусе с позиции «юмористического диалогического дискурса» в трех лингвокультурах (немецкой, английской и русской). Рассматривается понятие дискурса относительно юмора. Анализируется тематика анекдотов о коронавирусе.

Е.О. Чурюканова
 ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ САДОВНИЧЕСТВА
 НА РУССКУЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Ключевые слова: садоводство, лингвокультуризм, заимствование, транслитерация, калькирование.

В статье рассматриваются вопросы влияния традиции садоводства на язык, проникновения в словарь новых слов, связанных с выращиванием растений и окультуриванием ландшафта. Анализируются и систематизируются единицы словаря садоводства (лингвокультуризмы), проводится описание заимствованных в русский язык слов, как результат лингвокультурного контакта.

A.A. Pisarenkov, S.E. Pisarenkova
 THE "POSTTRUMP" SYNDROME IN AMERICAN LIBERAL
 POLITICAL DISCOURSE: SYMBOLS, METAPHORS,
 ALLUSIONS

Keywords: metaphor, allusion, political discourse, ideology, symbols.

The article examines the ways of presenting the Trump era as well as the results of his administration's activities in the liberal political discourse. The article analyzes key metaphors, allusions, symbols, and plot lines used in liberal narratives to describe the actions of political opponents.

E.N. Posnova, V.R. Gabdullina, O.V. Nazina
 THE ROLE OF STUDYING SPECIAL TERMINOLOGY AND
 MEDICAL VOCABULARY IN A FOREIGN LANGUAGE IN
 THE DEVELOPMENT OF GENERAL CULTURAL
 COMPETENCIES IN A NON-LANGUAGE UNIVERSITY

Keywords: term, special vocabulary, medical terminology, semantic criterion, independent thinking, self-educational activity, competence, medical student.

The paper presents the results of studying the concepts of "term" and "vocabulary", as well as methods of studying terminology and medical vocabulary in a foreign language for the development of general cultural competencies of a student of a non-linguistic university.

E.E. Safronova, A.A. Beketova
 GREEK-LATIN MORPHOLOGICAL BORROWINGS AS A
 SOURCE OF WORD FORMATION

Keywords: Greek-Latin borrowings, etymology, nomination, everyday vocabulary, linguistic discourse

The article is devoted to the Greek-Latin borrowings in the Russian language. Words of Greek and Latin origin are relevant for modern discourse, since they serve as nominations not only for political, economic, legal and other realities, but also as full-fledged units of everyday language use, which arouse increased interest among native speakers due to their regular use.

L.A. Tyukina
 HUMOROUS DIALOGICAL DISCOURSE:
 JOKES IN THE COVID-19 ERA

Keywords: humorous dialogical discourse; everyday joke; humour, coronavirus.

The paper investigates coronavirus jokes from the perspective of "humorous dialogical discourse" in three linguocultures (German, English and Russian). The notion of discourse in relation to humour is considered. The themes of coronavirus jokes are analyzed.

E.O. Churyukanova
 THE INFLUENCE OF THE ENGLISH GARDENING
 TRADITION ON THE RUSSIAN LINGUOCULTURAL
 REALITY

Keywords: gardening, linguistic culture, borrowing, transliteration, tracing.

The article examines the influence of the tradition of gardening on the language, penetration into the dictionary of new words related to the cultivation of plants and the cultivation of the landscape. The units of the gardening vocabulary (linguoculturisms) are analyzed and systematized, the words borrowed into the Russian language are described as a result of linguocultural contact.

А.Р. Шамсутдинова

МАРКЕРЫ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ, ВЫРАЖЕННЫЕ
НЕГЛАГОЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *приблизительное количество,
аппроксиматоры, предложные конструкции, семантика,
числительное.*

Работа посвящена исследованию неглагольных средств, служащих для выражения приблизительного количества во французском языке. Рассматривается разделение «аппроксиматоров» на группы в соответствии с их семантикой. Выявляется, что в состав маркеров приблизительности часто входят числительные, наречия, предложные конструкции.

A.R. Shamsutdinova

APPROXIMATION MARKERS EXPRESSED
BY NON-VERBAL MEANS IN FRENCH

Keywords: *approximate quantity, approximators, prepositional constructions, semantics, numeral.*

This paper is dedicated to the study of non-verbal means used to express an approximate quantity in the French language. We consider the division of "approximators" into the groups in accordance with their semantics. It is revealed that the approximate markers often include numerals, adverbs, prepositional constructions.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2021

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 18.05.2021

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 18.05.2021

10,6 усл.печ.л. 11,8 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4130.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»